SEP 11 1933

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

К истории созыва II съезда РСДРП.—Несколько документов о М. С. Ольминском из жандармских архивов.—П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г.—Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г.—Письма П. Б. Струве С. Д. Сазонову в 1915 г.

ЦЕНТРАРХИВ

1933

КНИГОТОРГОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ—КОГИЗ

К 30-летию II съезда партии

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
при ЦК ВКП(б)
Протоколы съездов и конференций ВКП(б)
ВТОРОЙ СЪЕЗД РСДРП
Июль-август 1903 г.
Под ред. С. Гусева, П. Лепешинского.
Партиздат. 1932. Стр. 594. Ц. 5 р.

В. ЛЕНИН
Рассказ
о II съезде РСДРП
Партиздат. 1933. Стр. 15. Ц. 10 к., пер. 65 к.

В. И. ЛЕНИН
ЧТО ДЕЛАТЬ
Партиздат. 1933. Стр. 186. Ц. 85 к.

С. ГУСЕВ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ
(К 30-летию II съезда партии)
Партиздат. 1933. Стр. 56. Ц. 20 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ

В. И. ЛЕНИН
ШАГ ВПЕРЕД—ДВА ШАГА НАЗАД
(Кризис в нашей партии)
1904
Партиздат. 10 печ. л. Ц. 1 р.

П. ЛЕПЕШИНСКИЙ
КАК ВОЗНИКЛА ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ
Партиздат. 6 печ. л. Ц. 60 к.

З. ПИНДРИК
II СЪЕЗД ПАРТИИ
«Мол. гвардия». 5 печ. л. Ц. 1 р.

С. ГУСЕВ
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ
Партиздат. 1 печ. л. Ц. 10 к.

М. ЛЯДОВ
ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА
о 2-м съезде РСДРП
«Мол. гвардия». 2½ печ. л. Ц. 60 к.

Е. ЯРОСЛАВСКИЙ
ТРИДЦАТИЛЕТИЕ ВКП(б) И НАШИ ЗАДАЧИ
Партиздат. 2 печ. л. Ц. 20 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в отделения и магазины Книготоргового объединения государственных издательств

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ (ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ)

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

К истории созыва II съезда РСДРП. С предисловием *В. Невского* 3

Несколько документов о М. С. Ольминском из жандармских архивов. С предисловием *П. Лепешинского* 68

П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. С предисловием *В. Хвостова* . . 82

Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. С предисловием *И. Лапина* 110

Из записной книжки архивиста

Письма П. Б. Струве С. Д. Сазонову в 1915 г. С предисловием *Д. Заславского* . 145

Ответственный редактор **Я. Берзин**

Редакционная коллегия: **В. Максаков** (зам. отв. редактора), **В. Малаховский**, **И. Меницкий**, **Ф. Ротштейн**

Государственное социально-экономическое издательство. Техред. С. Топаз
Сдано в произв. 2/VII—15/VII 1933 г. Подписано в печать 23/VII—25 VII 1933 г.
Статфор. Б$_5$ 176×250 9$^1/_4$ п. л., 60 480 зн. в п. л. С.-Э.(п.) № 99. Зак. 1082
Уполн. Главлита Б—31.808 Тираж 2200

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3

К истории созыва II съезда РСДРП.

Вождь нашей партии т. Сталин, определяя ленинизм, как «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», и говоря далее о том, что «революция против царизма... должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую», вместе с тем подчеркивает, что «Россия была узловым пунктом всех противоречий империализма» и что, будучи беременна революцией более, чем какая-либо другая страна, именно Россия, «и только она, была в состоянии, ввиду этого, разрешить эти противоречия революционным путем» [1]). Понятно, что для решения такой огромной важности задачи необходимы были прежде всего два условия — выработка революционной теории и тактики и создание мощной революционной партии пролетариата.

Для истории выработки и создания этих условий имеет огромное значение дата, знаменующая собою образование нашей большевистской партии. В. И. Ленин в конце своей знаменитой работы «Что делать?», написанной как раз накануне II съезда партии и излагавшей важнейшие принципиальные положения большевизма, в своих известных рассуждениях о разделении истории нашей партии на три периода (1884—1894, 1894—1898 и 1898—1903), говоря о грядущем четвертом периоде, писал: «...Мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что «на смену» авангарда оппортунистов выступит действительно передовой отряд самого революционного класса» [2]).

Таким передовым отрядом стал большевизм, окончательно сложившийся на II съезде партии, тридцатилетний юбилей которого мы празднуем в нынешнем 1933 году.

Под руководством Ленина создана была рабочая партия нового типа, которая, в противоположность оппортунистическим партиям II Интернационала, явилась боевым штабом революционного пролетариата. Без такой партии, «способной собрать вокруг себя массовые организации пролетариата и централизовать в ходе борьбы руководство всем движением, пролетариат не смог бы осуществить свою революционную диктатуру» (Сталин).

Большевики проделали огромную подготовительную работу, теоретическую и практическую, по подготовке и созыву II съезда, т. е. по собиранию и созданию крепкой революционной партии пролетариата.

В самом деле, вспомним хотя бы состав «Организационного комитета по созыву второго съезда РСДРП», как он сконструировался на Псковской конференции 2-3 ноября 1902 г. В него входили И. И. Радченко от «Искры», Е. Я. Левин — от группы «Южный рабочий» и В. П. Краснуха — от Петербургского комитета РСДРП, а затем путем кооптации в него были введены — Ф. В. Ленгник, Г. М. Кржижановский, П. А. Красиков, П. Н. Лепешинский и А. М. Стопани. И хотя вскоре вследствие про-

---

[1]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 9-е, Партиздат, М. 1932 г., стр. 6—8.
[2]) В. И. Ленин, Сочинения, 3-е изд., т. IV, стр. 501.

валов в состав Организационного комитета вошли такие деятели, как представители оппортунистического «Бунда», вроде К. Портного, а некоторые из членов О. К. вскоре перекочевали в лагерь меньшевиков и затем совсем отошли от движения, вроде Е. Я. Левина, или перешли в стан явных врагов пролетариата, однако основное ядро его составляли большевики, многие из которых работают поныне в рядах нашей партии — Ленгник, Кржижановский, Красиков, Лепешинский, Землячка.

Эта группа революционеров, марксистов-ленинцев, несмотря на слежку царских шпионов и провокацию, стала развивать большую работу, и вскоре после Псковского совещания во всех более или менее крупных промышленных центрах находились агенты О. К. и «Искры».

Документы, печатаемые нами ниже, и рисуют эту работу.

Все воспроизводимые нами документы можно разделить на три группы: к первой группе следует отнести прокламации, выпускавшиеся Организационным комитетом; ко второй группе относится переписка членов Орг. комитета, работавших в России, с членами заграничного центра «Искры», главным образом с т. Н. К. Крупской, и друг с другом; к третьей группе относится переписка департамента полиции с губернскими жандармскими управлениями.

Десять листков О. К., воспроизводимые нами ниже, своим содержанием показывают, что О. К. не обошел ни одного сколько-нибудь важного события политической, общественной и революционной жизни России. В самом деле, мы видим здесь и речь рабочего Заломова, произнесенную на суде, когда Заломов судился за руководство Нижегородской демонстрацией 1 и 5 мая 1902 г., здесь мы находим и подробное освещение знаменитой Ростовской стачки 4—26 ноября 1902 г., здесь и листки по поводу крестьянской реформы, по поводу манифеста Николая II от 26 февраля 1903 г. о земском самоуправлении и крестьянах, по поводу еврейского погрома в Кишиневе, по поводу убийства губернатора Богдановича, расстрелявшего рабочих в Златоусте, и, наконец, майские листки.

Как видно из этого перечня, действительно, все важнейшие события общественно-политической жизни страны нашли свой отклик в листках О. К. Да иначе и быть не могло: О. К. имел своей главной задачей подготовить II съезд партии. Для осуществления этой задачи ему пришлось прежде всего вести беспощадную борьбу с оппортунизмом местных организаций, — и в Петербурге и кое-где в провинции экономисты еще имели свои организации и всячески противились созыву съезда, прекрасно понимая, что съезд окончательно похоронит их.

Особенно большое противодействие оказывала экономистская организация в Петербурге — так наз. «Рабочая организация».

Однако искровские организации здесь были сильны, и главным образом их почин, энергия и идейная выдержанность были той силой, которая помогла О. К. окрепнуть и развернуть свою работу. О. К., конечно, приложил все усилия к тому, чтобы установить связи со всеми центрами рабочего движения, найти или посадить там своих людей, связать их с заграничным центром и регулярно оказывать им помощь.

Практика показывала, что, только имея идейный руководящий центр за границей, вне пределов досягаемости для русского правительства, возможно построение сильной партии, но та же практика учила, что, не имея практического руководящего центра в самой России, даже самый мощный центр за границей ничего сделать не может. Таким практическим центром и стал О. К. Ведя организационную работу, О. К. в то же время откликался на все важнейшие события дня; его листки, проводя в жизнь идеи «Искры», были лучшим идейным оружием в борьбе с оппортунизмом.

Вот почему имеет такое большое значение опубликование листков О. К.: историк, имея в руках их вместе, видит идейную платформу О. К., закрепленную

документом; историк как бы ощущает в руках то оружие, которым революционная, ленинская часть «Искры» поражала оппортунизм.

Вторая группа документов это часть — очень небольшая, конечно, — той переписки, какую вел заграничный ленинский центр «Искры» с О. К. и его агентами. Много писем этого рода уже опубликовано в различных изданиях («Ленинские сборники», «Пролетарская революция» и т. п.), но само собой ясно, что даже самые маленькие по объему записочки из этой переписки для историка партии и революционного движения имеют большое значение; эти документы дают возможность установить множество мельчайших с первого взгляда деталей, но на самом деле разъясняющих часто важнейшие события — имя того или другого лица, находившегося в том или другом промышленном центре, дату того или иного события, характер и размер, размах какой-либо стачки, состав того или другого комитета и т. д. и т. п., а все такого рода факты и детали позволяют определить принадлежность той или иной организации к тому или другому течению партии, платформу организации, ее роль и значение в партии, а в данном случае ее роль в деле созыва II съезда, ее мощность, ее работу и множество всяких других элементов революционной работы, без которых более или менее полную картину движения дать нельзя.

Само собой разумеется, что из публикуемых здесь документов мы можем почерпнуть знание и уточнение только отдельных фактов и черт работы О. К., но, сопоставляя эти факты и черты с другими явлениями, нашедшими отражение в других, уже отчасти опубликованных, письмах, мы еще лучше и еще больше уточняем общую картину работы О. К.

Наконец, третий род документов это — переписка департамента полиции с местными жандармскими органами. О них нужно повторить еще раз то, что много раз писалось нами при других подобного же рода публикациях. Документы эти — источник sui generis, так как освещение деятельности революционеров в них своеобразное, жандармское, а потому, естественно, сведения, содержащиеся в них, требуют самой тщательной проверки и критики. Это и понятно: ведь в этих документах очень часто сообщаются сведения, и самими жандармами не проверенные, полученные иногда из вторых или третьих рук, а иногда и верные, но данные с таким освещением, что в нем тонет и то маленькое верное, что заслуживает нашего внимания. В виде примера можно взять наш документ под № 23, отношение департамента полиции в Донское охранное отделение от 30/IV 1930 г. за № 4071. Здесь, между прочим, сообщается, что кандидатом в члены Донского комитета был намечен сын местного крупного капиталиста Парамонов. Это, безусловно, фантазия департамента: Николай Елпидифорович Парамонов (ныне белый эмигрант) имел некоторое время связи с социал-демократами в Москве, в Петербурге, в Ростове-на-Дону, давал даже небольшие суммы денег на революцию, но никогда в кандидаты членов комитета не намечался. И лично пишущий эти строки и покойный т. Гусев (Драбкин) да и еще один член Донского комитета т. Е. В. Быстрицкая, еще здравствующая, знали Парамонова прекрасно и в Донской комитет не намечали.

Однако, несмотря на такого рода неверные сведения, департаментская переписка часто дополняет переписку революционеров, уточняя и разъясняя некоторые факты, расшифровывая имена и т. п.

Это обстоятельство и служит оправданием их опубликования.

Хотелось бы подчеркнуть и еще одно обстоятельство: именно департаментские документы показывают, какое тщательное наблюдение велось за искровцами, как много было у департамента охранников-осведомителей и провокаторов, как хорошо департамент знал иногда состав наших организаций, и... однако это не спасло от гибели ни его, ни его хозяина самодержца ни «законного» преемника последнего — правительство буржуазной контрреволюции.

Когда движение вызвано объективным ходом развития, когда оно руководится закаленными в долгие годы подпольной борьбы кадрами боевой большевистской партии, когда его герои родятся сотнями и тысячами, когда, наконец, недовольство охватывает весь народ, тогда не помогают уже ни охранки, ни осведомители.

Именно благодаря наличию революционного авангарда пролетариата — партии большевиков, сформившейся в 1903 году и возглавившей пролетариат в трех революциях, мы смогли разгромить объединенные силы помещичье-буржуазного строя и развернуть ныне на шестой части земного шара победоносное строительство социалистического общества. Руководимый ленинским ЦК и вождем партии т. Сталиным рабочий класс идет к победе коммунизма во всем мире.

В. Невский.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Декабрь 1902 г.

ИЗВѢЩЕНІЕ

объ образованіи „ОРГАНИЗАЦІОННАГО КОМИТЕТА"

Четыре года тому назадъ нѣсколько русскихъ соціалдемократическихъ организацій объединились въ „Россійскую соціалдемократическую рабочую партію", выработавъ нѣкоторый планъ организаціи и общіе принципы дѣятельности, изложенные въ изданномъ партіей „Манифестѣ". Къ сожалѣнію, эта первая попытка не увѣнчалась успѣхомъ: не было еще налицо необходимыхъ элементовъ для созданія единой, сильной соціалдемократической партіи, борющейся непрерывно за освобожденіе пролетаріата отъ всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи. Съ одной стороны, самыя формы практической дѣятельности русской соціалдемократіи еще только складывались; недавно выступившая на путь борьбы, соціалдемократія еще искала путей для наилучшаго проведенія своихъ теоретическихъ взглядовъ, она шла еще робкими неувѣренными шагами. Лежащее въ основѣ ея дѣятельности рабочее движеніе, вылившееся въ грандіозныя стачки, только что меньше пуло тѣмъ яркимъ блескомъ, который ослѣпилъ глаза многимъ, затмивъ для нихъ столь ясныя и опредѣленныя задачи и цѣли революціонной соціалдемократіи, заставивъ увлечься узко-профессіональной борьбой. Съ другой стороны, непрестанныя репрессіи правительства, обрушившіяся на соціалдемократическія организаціи, еще не окрѣпшія, еще не успѣвшія пустить прочныхъ корней, разрушали всякую преемственность, уничтожали всякія традиціи въ дѣятельности.

Однако, эта неудавшаяся попытка не прошла безслѣдно. Сама идея организаціонной политической партіи пролетаріата, руководимая планами предшественниковъ, стала съ тѣхъ поръ путеводной звѣздой и желанной цѣлью всѣхъ сознательныхъ соціалдемократическихъ дѣятелей. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ дѣлались неоднократныя попытки осуществить эту завѣщанную намъ первыми соціалдемократическими дѣятелями идею. Но до сихъ поръ мы все еще стоимъ передъ нашей дезорганизованностью такъ же, какъ и 4 года тому назадъ.

А между тѣмъ жизнь предъявляетъ намъ все большія и большія требованія. Если первые дѣятели партіи считали своей задачей пробужденіе дремлющихъ въ рабочихъ массахъ революціонныхъ силъ, то передъ нами стоитъ гораздо болѣе сложная задача—направить пробудившіяся силы туда, куда нужно, стать во главѣ этихъ силъ и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня-завтра услышать призывный кличъ: «Ведите насъ, куда вы насъ звали!» и страшно, если этотъ мигъ застанетъ насъ врасплохъ, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, какъ въ настоящій моментъ. Пусть намъ не говорятъ, что мы преувеличиваемъ серьезность момента. Кто способенъ заглядывать дальше поверхностной ряби, кто способенъ по симптомамъ распознавать совершающійся въ глубинѣ процессъ, тотъ не заподозритъ насъ въ преувеличеніи.

Но серьезность положенія усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаемъ знаменательный историческій моментъ. Пробужденіе рабочаго класса въ связи съ общимъ ходомъ русской жизни вызвало къ дѣятельности различные общественные слои. Съ большей или меньшей сознательностью они стремятся сорганизоваться, чтобы такъ или иначе примкнуть къ борьбѣ съ отживающимъ режимомъ. Въ добрый часъ! Соціалдемократія можетъ только привѣтствовать всякаго примкнувшаго къ такой борьбѣ. Но она должна зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы подобные союзники не сдѣлали ее игрушкой въ своихъ рукахъ, не отодвинули ее отъ главной арены дѣятельности, не лишили бы руководящей роли въ борьбѣ съ самодержавіемъ и, главное, не повредили бы поступательному ходу революціонной борьбы, отклонивъ ее отъ правильнаго пути. Что подобная опасность не призракъ воображенія—ясно для всякаго, внимательно слѣдившаго за революціонной борьбой послѣднихъ лѣтъ.

Итакъ, въ настоящій моментъ передъ русской соціалдемократіей стоитъ громадная задача, которая не по плечу никакимъ мѣстнымъ комитетамъ, никакимъ даже районнымъ организаціямъ. Какъ бы совершенны ни были мѣстныя организаціи, онѣ не смогутъ справиться съ этой задачей, ибо она уже переросла мѣстныя рамки. Она можетъ быть выполнена только исключительно силами всѣхъ русскихъ соціалдемократовъ, сплоченныхъ въ одну централизованную, дисциплинированную армію. Но кому же взять на себя иниціативу объединенія?

Вопросъ этотъ обсуждался въ прошломъ году на конференціи представителей: Петербургскаго союза борьбы, Центральнаго Комитета объединенныхъ южныхъ комитетовъ и организацій, организаціи «Искры», Центральныхъ Комитетовъ (русскаго и заграничнаго) „Бунда", Союза Русскихъ соціалдемократовъ заграницей и нѣкоторыхъ др. организацій. Конференціей поручено было представителямъ нѣкоторыхъ организацій образовать организаціонный комитетъ, который взялъ бы на себя задачу фактическаго возстановленія Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Во исполненіе этого постановленія представители: Петербургскаго Союза борьбы, организаціи „Искры" и Группы „Южнаго Рабочаго"*) образовали „Организаціонный Комитетъ", который ставитъ своей первой и главной задачей подготовку условій для созыва партійнаго съѣзда.

Но въ виду того, что дѣло созыва съѣзда представляется въ высшей степени сложнымъ и требуетъ для своего осуществленія значительнаго времени, Организаціонный Комитетъ впредь до возстановленія центральной организаціи партіи беретъ на себя выполненіе нѣкоторыхъ общихъ функцій (выпускъ общерусскихъ листковъ, общій транспортъ и технику, установленіе связей между комитетами и проч.).

Само собой разумѣется, что организаціонный комитетъ, возникшій по частной иниціативѣ нѣкоторыхъ организацій, находится въ обязательныхъ отношеніяхъ только къ тѣмъ организаціямъ, которыя его уже уполномочили или дадутъ свои полномочія. Для всѣхъ же прочихъ комитетовъ и группъ онъ представляетъ частную организацію, предлагающую имъ свои услуги.

Велика и отвѣтственна задача, которую рѣшается взять на себя организаціонный комитетъ. И если онъ все же дерзаетъ сдѣлать это, то лишь потому, что необходимость объединенія слишкомъ настоятельна, разрозненность слишкомъ даетъ себя чувствовать, дальнѣйшая дезорганизованность нашихъ силъ слишкомъ угрожаетъ общему дѣлу.

Приступая къ дѣятельности, Организаціонный Комитетъ полагаетъ, что успѣшность этой дѣятельности въ значительной степени будетъ опредѣляться отношеніемъ къ нему соціалдемократическихъ комитетовъ и организацій, и каково это отношеніе будетъ для него критеріемъ того, насколько правильно оцѣнилъ онъ настоящій моментъ.

Организаціонный Комитетъ.

*) Къ „Бунду" [illegible]

Печатано въ типографіи „Организаціоннаго Комитета".

I [1]).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Речи обвиняемых за участие в демонстрациях 1 и 5 мая, произнесенные перед судом Московской судебной палаты 28—31 октября 1902 г.

Речь сормовского рабочего Заломова.

Я сознательно пришел к демонстрантам, но виновным себя не признаю, потому что считал себя вправе участвовать в демонстрации, посредством которой был выражен протест против тех законов, которые, защищая интересы привилегированного класса богачей, не дают рабочим возможности улучшать условия своей жизни. А условия эти настолько ненормальны, что рабочие принуждены во что бы то ни стало бороться с препятствиями, стоящими на их пути, хотя бы эта борьба была сопряжена с потерей свободы и даже жизни. Я с раннего детства чувствовал всю тяжесть, взваленную на трудящийся класс. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившего все свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существование. Впоследствии я сам стал рабочим, сам стал затрачивать свои силы и здоровье, содействуя этим накоплению богатств в руках немногих людей. Я видел, что и членам моего семейства, если бы я пожелал иметь таковое, грозит та же участь, что и мне. Отсутствие всякого света и понимания действительности, осуждающее рабочих на вечное рабство, невозможность для рабочих не только жить, но и мечтать о культурной жизни, весь этот заколдованный круг, из которого я не видел выхода, приводил меня в отчаяние. Бессмысленность подобной жизни заставила меня страстно мечтать о самоубийстве, как о единственно возможном выходе из невозможного положения. Но знакомство с историей других народов, трудящиеся массы которых благодаря неустанной борьбе выбились из положения, одинакового с нашим, привело меня к мысли, что такая борьба возможна и у нас. Возможность хотя бы в отдаленном будущем поднять экономический и нравственный уровень трудящейся массы дала мне богатый запас жизненных сил. Я видел, что тяжела будет борьба для рабочих, трудно бороться с беспросветным мраком невежества, в котором насильственно держат рабочих и крестьян, что много, много жертв с нашей стороны. Но какой человек, у которого не вставлен в груди камень вместо сердца, которого не удовлетворяет чисто животная жизнь, за дело своего народа не отдаст свободы, жизни и личного счастья? Из личного опыта, вынесенного за 10 лет жизни по заводам, я пришел к заключению, что рабочий единичными усилиями не в состоянии добиться нормальных условий жизни: эксплуата-

[1]) Архив революции и внешней политики.

ция принуждает его довольствоваться положением вьючного животного. Многие думают, что благодаря сдельным работам рабочие имеют возможность при старании заработать больше. Действительно, рабочий может усиленно работать, но это ведет лишь к преждевременному истощению сил, потому что невозможно до бесконечности усиливать напряженность труда, а удержать на известной высоте заработок возможно только при этом условии, так как больший заработок, вызванный усиленным трудом, ведет к сбавке расценков; сбавлять же расценков никогда не устанут. Дело сводится к тому, что рабочие благодаря задельной плате и ставкам расценков лишаются последнего отдыха, будучи принуждены работать по ночам и по праздникам сверх денной работы, не имея в то же время возможности при самом непосильном труде заработать средства, необходимые хотя бы для сносной жизни. Точно также не может рабочий единичными усилиями поднять уровень расценок и заработка до высоты, необходимой для удовлетворения настоятельных потребностей. А потребности эти все увеличиваются, так как просвещение, хотя и медленно, но все же проникает в народные массы. Рабочие всеми силами стараются дать своим детям образование. Народные библиотеки могут доказать, насколько сильна жажда знаний среди рабочих. Во многих библиотеках, несмотря на то, что большинство полезных книг запрещено, число подписчиков превышает число книг. Рабочих не удовлетворяют разные засаленные тряпки, заменяющие им одежду. Насколько сильно желание у рабочих прилично одеваться, видно из того, что многие отказывают себе даже в пище ради приличного платья. Разумеется, не ради своего удовольствия рабочие ютятся и в каморках, не удовлетворяющих самым примитивным требованиям гигиены. Понимают также рабочие, что питательная пища и более продолжительный отдых лучше восстанавливают затраченные на продолжительный труд силы. Вообще рабочие нуждаются в культурных условиях жизни, и не видеть этого могут только люди, нарочно закрывающие глаза. Несоответствие условий, в которых приходится жить рабочим, с запросами, предъявляемыми к жизни, заставляет их сильно страдать и искать выхода из ненормального положения, в котором они находятся благодаря несовершенству существующего порядка. На гуманность предпринимателей рассчитывать нельзя, так как они, признавая сами себя людьми, на рабочего смотрят не как на человека, а как на орудие, необходимое для личного обогащения, и чем короче срок, в который можно выжать все соки из рабочего, тем для них выгоднее. Для более успешной эксплуатации труда рабочих предприниматели соединяются в акционерные общества. Для того, чтобы удержать на желательной высоте цены на продукты, производимые трудом рабочих, но принадлежащие предпринимателям, образуются союзы и синдикаты. Например, союзы сахарозаводчиков и нефтепромышленников. Для этой же цели предприниматели добиваются и запретительной пошлины на ввозимые в Россию более доброкачественные и дешевые иностранные товары. Отдельный рабочий, защищаясь от эксплуатации, не может оказать предпринимателям большего сопротивления, чем кусок свинца давлению гидравлического пресса. Отдельный рабочий не может не соглашаться на условия труда, предлагаемые предпринимателем, так как без работы он существовать не может. И даже соединенными силами, при отсутствии благоприятных условий, рабочие не могут противостоять предпринимателю, которому от временной приостановки производства не грозит голод, как рабочим. Рабочие не могут добиться участия в прибылях, полученных от их труда, не соединившись все вместе в один братский союз. Но и этого единственного выхода они ли-

шены, так как закон, разрешая предпринимателям эксплуатировать рабочих, запрещает последним защищаться от эксплуатации, преследуя союзы и стачки. Чтобы добиться более культурных условий жизни, рабочим необходимо иметь право свободно печатать и говорить на сходках о своих нуждах и, наконец, через своих выборных принимать участие в законодательстве, так как всякая победа рабочих над предпринимателями может быть прочной лишь после ее узаконения. В силу всех вышеизложенных причин, считая рабочих вправе добиваться за свой труд лучших условий жизни, я сознательно примкнул к демонстрантам. Узнав о предполагаемой демонстрации, я решил принять в ней участие и сделать знамена с надписями: «Да здравствует социал-демократия!» на одном, «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» на другом и «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» на третьем.

Типография Организационного комитета.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ [1]).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем русским работницам и работникам.

№ 1.

Ростовские события (4—26 ноября 1902 г.).

В мастерских Владикавказской железной дороги работают около 4.000 рабочих. Донской комитет Российской социал-демократической рабочей партии вел среди них деятельную агитацию, пользуясь всевозможными предлогами для выпуска разъяснительных листков. Особенно живую деятельность проявил он в 20 числах ноября, непрерывно выпуская ряд листков, призывающих рабочих к борьбе за улучшение своего положения. Возбуждение рабочих росло. Каждое новое насилие, молчаливо переносившееся прежде, вызывало теперь волнение и ропот. И скоро возмущение прорвалось.

2 ноября, без всякого предупреждения, вдруг было объявлено рабочим котельного цеха, что расценки за сделанную уже работу понижены. Рабочие, ожидавшие получки по прежним расценкам, встретили эту весть ропотом и криками и сейчас же бросили работу (23 из 25 чел.). Мгновенно прибежал начальник мастерских Дзевонский и успокоил волнующихся рабочих, надбавив расценки обочтенных. Но было поздно. Решительное и дружное поведение маленькой кучки котельщиков расшевелило остальных рабочих, и выпущенная 3 ноября прокламация комитета, призывающая рабочих объявить стачку, встретила полное сочувствие. Правда, 4-го на работу пришли все в полном составе. Однако рабочие были смущены. Призыв звал их на борьбу, нужда толкала работать. Волнение и толки не прекращались. Но работа шла своим чередом до 10 ч. Рабочие как будто ждали толчка, нового призыва. И призыв раздался.

В 10 часов несколько человек ворвались в ворота и с криком: «Долой работу! Стачка!» промчались по мастерской. Этого было достаточно. Один цех за другим с криком бросали работу, выбегая во двор, куда призывал их тревожный гудок. Когда все мастерские высыпали во двор, ораторы один

---

[1]) Напеч. в «Истории ВКП(б) в документах», т. I, стр. 164.

за другим стали произносить речи, тут же на месте вырабатывая требования и условия переговоров.

Вот главнейшие требования: 9-часовой рабочий день, прекращение работы по субботам и накануне праздников в 2 часа, повышение заработной платы на 20 проц., повышение расценок так, чтобы они составляли не менее 50 проц. жалования, полная отмена штрафов за неявку на работу, удаление мастеров Вицкевича и Чернявского, вежливое обращение мастеров, устройство школы для детей рабочих, вывешение табели расценок во всех цехах и др.

Немедленно были вызваны жандармы, но рабочие свистками и криками прогнали их. Тогда в переговоры вступил Дзевонский и объявил, что сам не может удовлетворить требований рабочих, но немедленно сообщит министру путей сообщения.

Весть об объявлении стачки мгновенно разнеслась по городу, и работа была брошена еще на нескольких заводах. (К стачке примкнули рабочие плугостроительного завода «Аксай», цементного завода, петельной фабрики и др.).

5-го и 6-го были созваны сходки для обсуждения ответа министра, отказавшегося удовлетворить требования рабочих. Собралось от 6 до 8 тысяч человек.

Перед этой громадной, возбужденной толпой, тут же во дворе мастерских, произносились речи, где выяснялось положение рабочих, говорилось о необходимости политической борьбы. Из рук в руки передавались листки комитета, выходившие почти каждый день. Открыто и смело произносимые речи, массами выходящие прокламации, многотысячные сходки — все эти необыкновенные события поддерживали бодрость забастовщиков и волновали работающих. На сходку шли даже семьи рабочих, так что огромный двор мастерских уже не вмещал всех желающих услышать свободное слово. 7-го сходка перешла за город (в Темерникскую балку), так как собралось больше 9 тысяч человек. Стачка выходила из пределов мастерских. Тревожные вести о сходках взбудоражили весь город. Полиция с несколькими сотнями казаков не смела тронуть многотысячной толпы, не смела арестовать ни одного из говоривших и бессильно шныряла кругом. 8-го снова собралась сходка. Снова явился атаман с полицией и казаками. Казакам был дан приказ броситься на рабочих, но рабочие сели на землю; казакам пришлось отступить. В присутствии этих необычайных слушателей: полиции, казаков, атамана, окруженного солдатами и шпионами, произносились самые смелые возбужденные речи, раздавался призыв к политической борьбе. Молчаливо терпеть этого атаман не мог — он обещал «простить» рабочих, если они выдадут своих ораторов и зачинщиков, и разрешил созвать новую сходку для обсуждения этого предложения. Начальство, видимо, теряло голову; оно то посылало казаков разгонять сходки, то само разрешало их, то пыталось успокоить рабочих, расклеивая по городу, подбрасывая рабочим «Душевные слова» Богдановича, то пускало среди них провокаторские воззвания, призывающие к грабежу и насилию. Но рабочие пользовались разрешенной, как и не разрешенной, сходками, плевали на «Душевное слово» и рвали на клочки провокаторские листки, как рвали не читая все, на чем не было печати комитета.

9-го состоялась сходка. Руководители и ораторы объявили, что, согласно предложению атамана, они сейчас же отдадутся в руки полиции и жандармов, если только рабочие хотят этого. Толпа ответила негодующим криком, и предложение было отвергнуто. На следующий день было воскре-

сенье. Поэтому на сходку явились рабочие из всего города с женами и детьми, ремесленники, мужчины и женщины, всего около 30.000 человек. Впродолжение нескольких часов перед этой толпой произносились речи: о фабричной инспекции и фабричном законодательстве, о положении рабочих и крестьян, о крестьянских волнениях, о том, что значит клич «Долой самодержавие!» и др. Каждая речь заканчивалась вопросом: справедливо ли это? И потрясенные рабочие единодушным криком отвечали: нет.

11-го на сходку пришло 15.000 рабочих. Сходка шла обычным порядком, но, когда толпа стала расходиться, вдруг выскочили казаки, маршмаршем поскакали на оставшуюся кучку и осыпали рабочих градом пуль. Поднялось смятение. Рабочие хватали камни с земли, бросались в рукопашную, женщины бросались на казаков, пытаясь столкнуть лошадей в овраг. Страсти разгорались. Пронзительные женские крики и крики раненых, выстрелы, общее смятение, ужас безоружной толпы перед шайкой пьяных, полудиких и остервеневших казаков доводили нервное напряжение до крайних пределов. Нервы не выдержали: под впечатлением только что пережитых ужасов один из наиболее горячих (Брагин, 19-летний юноша) бросился с рыданиями и проклятиями в жандармское управление, вбежал в кабинет полковника с криком: «Палачи, убийцы, как вы смели стрелять» и был немедленно арестован. Безоружная и уже разрозненная толпа должна была уступить. Но уступка эта обошлась недешево казакам; в свалке несколько казаков были тяжело ранены; со стороны рабочих убито 8, ранено 23. В толпе арестовано несколько человек. Но ни бойня, ни арест не запугали рабочих; на следующий день в сходке было 18.000 человек. Сходка открылась страшной картиной: рабочие ввели женщину, израненную казацкими пиками, и принесли труп убитого товарища. В молчаливом ужасе товарищи сняли шапки, и в наступившей гробовой тишине над трупом была произнесена речь. Здесь-то были разорваны в клочки книжки генерала Богдановича «К рабочим». Аресты продолжались. Тем не менее каждый день в обычном месте, в Темерникской балке, снова собирались тысячные сходки.

13-го вспыхнула забастовка на ст. Тихорецкой, куда Донской комитет отправил воззвание, звавшее товарищей к борьбе. Такие же воззвания были отправлены в Новороссийск, и 18-го он присоединился к стачке. 17-го в Тихорецке произошла бойня. Масса убитых и раненых. Но забастовка не прекращалась. Рабочие, руководимые комитетом, держались бодро. Тогда был отдан приказ произвести опрос рабочих; полиция и жандармы бросились в рабочие кварталы, опрашивая рабочих по одиночке, пойдут ли они на работу. Но большинство ответило: «Пойду, когда все пойдут». Решили снова прибегнуть к казакам. 19-го вечером казаки промчались по рабочему поселку со свистом и криками: «Сдавайтесь, а то плохо будет!». А ночью был произведен погром: рабочие кварталы оцепили казаками. Казаки и полиция ворвались в рабочие каморки, били нагайками и шашками мужчин и женщин, под предлогом обыска взламывали сундуки и шкафы и грабили имущество рабочих. Арестовано было около 30 человек. Но и эта страшная ночь поколебала лишь немногих малодушных: на рассвете, почти еще ночью, в мастерские тайком прокралось около 100 человек. Но товарищи прогнали их, грозя разнести мастерские.

21-го утром поселок принял необычайный вид: по всей дороге от рабочего квартала до входа в мастерские были расставлены в 2 ряда солдаты и казаки с обнаженными шашками. Рабочих, несмотря на праздник, прогоняли через этот ряд и, доведя до ворот мастерских, опрашивали: идешь на

работу? После отрицательного ответа их массами высылали в глухие станицы. Аресты, побои, насилия и высылки терроризировали рабочих. Многие начали колебаться. 23-го на работу явилось 1000 человек. Смущенные и пристыженные, чувствуя свою вину перед товарищами, явились они в мастерские. Но вслед за ними ворвалась толпа рабочих с криками и свистками с целью помешать работе. Этим моментом замешательства воспользовался начальник мастерских. Он объявил, что очень рад видеть рабочих, явившихся к нему уже не в качестве бунтовщиков, но в качестве рабочих вверенной ему мастерской, и тут же дал обещание в недельный срок удовлетворить 26 требований (всех было 28; требование о 9-часовом рабочем дне и об отмене штрафов — отказался). «Если же, — сказал он, — требования эти по независящим от меня причинам удовлетворены не будут, то отдаю себя в ваши руки, господа. Судите меня, как знаете». Враг шел на уступки. 25-го комитет выпустил листок, в котором советовал принять эту уступку, и в тот же день работы начались: работало $2^1/_2$ тысячи человек. 26-го работы возобновились вполне.

Стачка кончилась. Какие же непосредственные результаты принесла она нашим товарищам, мы пока не знаем. Быть может, правительство не решится предложить правлению дороги идти на уступки сейчас же после такого решительного отказа министра, чтобы не показать, что уступка вызвана стачкой. Быть может, боязнь новой стачки заставит удовлетворить эти требования постепенно. Но пусть даже этого не будет. Допустим, что требования ни сейчас, ни после удовлетворены не будут. Что же, считать нам эту стачку бесплодной, думать ли, что рабочие даром отдали то, что дороже всего для человека, свою жизнь? Или стачка дала нам какие-либо приобретения, которые стоят этой дорогой цены? Нам вспоминается при этом другая драма, такая же страшная, как Ростовская, по своим жертвам, драма, 50 лет тому назад происходившая в действительности и описанная писателем Гауптманом. В его драме перед нами развертывается мрачная картина голодовки и стачки ткачей, потом картина бойни. В поселке ткачей слышится тревожный грохот барабана. Идут солдаты. Раздается залп. Рабочие отвечают градом камней и с топорами бросаются на солдат. Но один старый ткач упорно остается на месте и продолжает работать. «Здесь,— говорит он, — указано мне место господом богом, и здесь я за работой останусь... Я рабочий и буду терпеть до конца». Он удерживает сына, когда тот рвется на улицу, и сурово приказывает ему положить топор. Но крик толпы за окном долетает до молодого ткача и зовет его на улицу; он срывается с места, хватает топор и исчезает, бросаясь туда, где стреляют. Мы оставляем книгу, потрясенные жестокостью человеческой борьбы. Но образ молодого ткача, боровшегося с привычкой молчаливо терпеть и бросившегося потом в ряды защищающихся братьев, встает перед нами, вырастает для нас, заслоняя других, и примиряет с жертвами. Борьба создала его, борьба пробудила в нем сознание, что он человек, а не только рабочий. И потому пусть будет борьба! Пусть рабочий не останавливается в смущении, если борьба сейчас же, завтра же не принесла ему улучшения его доли. Пусть он помнит всегда, что каждый новый шаг в борьбе создает ему новых товарищей, что только из таких отдельных актов, удачных или неудачных — все равно, слагается великая борьба целого класса, которая ведет его к победе. Если стачка ткачей полстолетия тому назад дала такой результат, то во сколько же раз всколыхнулось сознание рабочих теперь, когда каждый шаг их борьбы разъяснялся в листках и речах! Во сколько же раз больше те знания, которые стачка принесла рабочему! Грубо и резко, огромной

дозой дала она ему то сознание, которое понемногу воспитывалось в повседневной борьбе. Бесправие личности, отдельные акты насилия, аресты и высылки в мирное время — вот мелкие звенья той цепи, которая звенит при каждой попытке рабочего шагнуть свободнее. Здесь на войне он сильнее рванулся вперед, цепь развернулась во всю длину. Здесь ярко предстало перед рабочим, что не может он бороться, пока не волен собираться, когда хочет, пока не будет иметь газеты с вольного станка. Никогда еще русский рабочий не становился так близко к руководителям, как на этих многотысячных сходках, где впродолжение трех недель звучало свободное слово, где вслух высказывались заветные желания, где определялся каждый шаг борьбы.

На месте, на практике борьбы чувствовал он важность и ценность своевременного совета, своевременно выходящего листка. Никогда, быть может, русская жизнь не рисовала ему так ярко, что ему нужно и чего у него нет. На мгновение он завоевал свободу, и это мгновенное обладание, как волшебный фейерверк осветило ему сразу всю ценность такой свободы. В этом особенность ростовской стачки. Свобода, завоеванная так быстро, так же быстро исчезла, но ее исчезновение лишний раз дало почувствовать рабочему, кому ненавистна свобода: он видел, что против него был министр, атаман, полиция, жандармы, казаки — все, кем держится русский престол. На них натолкнулся он в своем порыве. Они помешали свободно бросать работу, они уничтожили вольную типографию, разогнали выстрелами свободную сходку. И этого сознания не отнимут ни ссылки, ни аресты. Словом и делом закреплено оно. Но еще одно знание укрепила стачка. Никогда еще не видали мы такой стройной, организованной борьбы. За 10 лет движения мы научились ценить единение. Но здесь мы видели дисциплину, видели, что сила движения не только в том, что борется масса, но и в том, как она борется. Здесь видели мы, что не случай руководил стачкой. Рабочие шли за своим комитетом; его листки, его советы направляли борьбу. Тысячи рабочих, как стройная армия революционеров, доверчиво подчинялись своим вождям. Только при таком доверии возможно руководство, осуществимо единство действий. Эта мысль закрепится в сознании ростовских рабочих, сама жизнь показала им ценность организованности. Но крупные общественные события запечатлеваются своими разными сторонами не только в душе тех, кто сам участвовал в них. Мы, рабочие всей России, в мыслях переживали то, что испытали наши товарищи на деле. Их дружная борьба станет уроком для нас. Своей борьбой они доказали, что рабочий сознательно пошел в ряды революционеров и сумел подчинить непосредственные чувства интересам борьбы. Он показал нам свою зрелость, отличая и защищая своих руководителей и друзей. Он показал, что понимает борьбу как борьбу целого рабочего класса — частные требования железнодорожных рабочих поддержали тысячи других рабочих. Сходки по поводу стачек он превратил в политические манифестации против русского правительства, тысячами собираясь слушать политические речи ораторов, поддерживая их дружным одобрением, требуя речей на политические темы. Вот те приобретения в деле революционного воспитания рабочих, которые дала нам стачка. А жертвы? спросите вы. Судите сами, остановиться ли нам перед жертвами. Не хуже ли приносить их ежедне но, час за часом, убивая себя в непосильной работе? Не хуже ли приносить повседневно в жертву не только тело, но и душу, склоняя робко голову перед насилием и унижением? Нет, товарищи, жертвы будут, где будет борьба. Но пусть все-таки

будет она! А жертвы почтите вы тем, что пойдете их путем, понесете вперед знамя, выпавшее из их рук.

Не нужно ни песен, ни слез мертвецам!
Воздайте им лучший почет —
Шагайте без страха по мертвым телам!
Несите их знамя вперед!

Организационный комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Печатано в типографии Организационного комитета.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

4 августа 1789 г.

Звякнет клинок о железо цепей,
Эхо пойдет по твердыням царей.

19 февраля 1861 г.

Встретится звяканье многих мечей
С гулом иных, не тюремных речей

Утром 14 июля 1789 года народ толпился в одном из предместий Парижа. Здесь стояла мрачная, старинная крепость Бастилия, куда уже несколько поколений король бросал политических преступников. Там в темных и сырых казематах, на соломе, в подземельях, наполненных крысами и гадами, погибали сотни людей, чем-нибудь неугодных правительству. Теперь правительству стал неугоден весь французский народ. Гонимый и притесняемый королями и министрами, он восстал теперь против своих притеснителей. С утра он бросился в королевские склады оружия и вынес из подвалов десятки тысяч ружей, сабель и штаг. И вот страшная крепость, сотни лет защищавшая королевскую власть, выдвинула пушки против восставшего народа. Пушки были направлены прямо в рабочие кварталы. Тогда на улицах Парижа раздался призыв: «К Бастилии! К Бастилии!» С гибелью ненавистной королевской крепости погибнет, — думал народ,— и ненавистная королевская власть. И народ бросился к Бастилии. На выстрелы из ружей крепость отвечала картечью. Но народ брал Бастилию приступом: толпа бросилась к подъемным мостам, перерубила цепи и ворвалась в крепость. После пятичасовой осады Бастилия была взята народом. Заключенные были выпущены на волю. А через несколько дней были разрушены самые стены ненавистной тюрьмы.

Рабочие Парижа начали восстание. Но вскоре восстала вся Франция. Всюду, куда долетала весть о разрушении Бастилии, всюду поднимался народ. Горели помещичьи замки и монастыри. Народ брал приступом дворцы дворянства и духовенства, бросал в огонь помещичьи документы, отнимавшие у него землю, мстил за вековые притеснения; с оружием в руках он требовал своих прав. Народ сам защищал себя. Дворянство бежало из своих поместий. Втечение 2 только недель в одной провинции (Дофинэ) сгорело 300 замков. Втечение этих 2 недель сильные и богатые поняли, что бегство не спасет их от мести народа, ищущего своих прав. И вот в одну ночь, с 4 на 5 августа, через 2 недели после взятия Бастилии, дворянство и духовенство возвратили французскому народу одну за другой все его вольности; в эту ночь в Народном собрании, заседавшем в королевском

дворце, дворянство и духовенство отказались от своих прав на французского крестьянина. В первую голову стала отказываться от этих прав та самая провинция Дофинэ, которая вызвала столько ненависти в народе. Крестьянин объявлялся совершенно и навсегда свободным от крепостной зависимости; с этого дня перестал платить помещику какие бы то ни было оброки и подати. Он объявлялся свободным от помещичьего суда, свободным итти, куда ему вздумается, распоряжаться, как хочет, своей землей. Он перестал платить десятинных податей духовенству [1]). Он становился равным во всех правах со всеми остальными сословиями, или, лучше сказать, гражданами, так как в эту ночь были уничтожены сословия. Он платил одинаковые со всеми налоги, он имел одинаковое со всеми право занимать все гражданские и военные должности. Французский рабочий и французский крестьянин стали свободными людьми. Народное собрание объявило: «Люди родятся свободными и равноправными и остаются такими на всю жизнь». Такую свободу завоевал себе французский народ. Правда, он не освободился от эксплуатации, но поле борьбы было расчищено.

Прошло 70 лет. 10 февраля 1861 г. получил свободу русский народ. В этот день выпущен был манифест, объявлявший волю крестьянам. Предварительно по царскому повелению созван был Комитет по крестьянским делам, который должен был освободить крестьян от крепостной зависимости. Комитет состоял из дворян. И вот какую свободу дал он русскому народу: крестьянин отпускался на волю за деньги; землю, которою он владел с незапамятных времен, он должен был выкупить у помещиков, притом и не всю землю, так как из 125 миллионов десятин своей земли крестьянин получил только 37 миллионов десятин, т. е. меньше трети; и цена на землю назначалась такая, чтобы выкупить и волю крестьянскую. За отпуск даровой рабочей силы, — говорило правительство, — мы должны вознаградить помещика. Поэтому земля оценивалась не по ее стоимости, а гораздо выше. Но вслух объявить об этой торговле крестьянской личностью правительство стыдилось. Вслух выкуп назначался только за землю. А воля как будто была царским подарком. Итак русский крестьянин покупал гражданскую свободу своими трудовыми деньгами. Но он покупал и экономическую свободу. Он покупал свою землю. Выкупные платежи за эту землю он платит с тех пор уже сорок лет и этим платежам не предвидится конца. Привязав крестьянина платежами к земле, правительство держало дешевую рабочую силу у помещиков. Но даже и эта купленная воля не была полною ни в каком отношении; вчерашний раб оставался рабом еще втечение двадцати лет. Помещик, не согласившийся на выкуп земли, мог удерживать у себя крестьянина, который втечение двадцати лет попрежнему платил ему оброки и отправлял барщину. Только в 1881 году правительство объявило выкуп земель обязательным. Почти четвертая часть крестьян оставалась до тех пор в прежней зависимости от помещика. Однако же и через 20 лет, когда эта зависимость от помещика по закону порвалась, на деле она осталась во всей силе: крестьянин привязан к помещику тысячами цепями [2]). Освобождение лишило его двух третей его земли. Оно отдало помещику необходимые крестьянину выпасы и луга и, следовательно, поставило его в зависимость от помещика. А государство запретило эти цепи, стеснив гражданскую свободу крестьянина, приковав его к земле, как каторжник прикован к тачке. Освобожденному крестьянину оно не позволило распо-

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Так в подлиннике.

ряжаться своей землей, пока он не уплатит выкупа. Вольному крестьянину оно запретило уходить из деревни, пока он не выплатит недоимки по выкупным платежам, поставило его ниже всех других сословий, оставив для него только позорище — телесные наказания. Оно дало ему особого (земского) начальника, прежнего его помещика, бесконтрольного хозяина в деревне, отдало снова помещичьему суду, как в крепостные времена. Раб своей земли, потому что его привязывают к ней недоимки, раб своего помещика, потому что к нему его привязывает безземелье, раб земского начальника, облеченного по отношению к нему особой властью, раб государства, лишившего крестьянина всех прав, — вот каков свободный русский крестьянин. Вот какую свободу получил он почти через сто лет после освобождения французского народа! На место цепей крепостных люди придумали много других. Люди родятся не равными и не свободными, — так, если не объявил, то думал дворянский комитет по крестьянским делам. Отчего же Великая революция сделала свободным французский народ, а манифест об освобождении только выковал русскому крестьянину новые цепи? Смотрите, какая разница. Во Франции сам народ с оружием в руках шел добывать свои права. В России обрывки этих прав дали народу дворяне. Во Франции Народное собрание прислушивалось к голосу народа, шумевшего на улицах Парижа, в России царь слушал только голоса дворян, не хотевших отказаться от своих прав. Народ не поднялся на защиту своих прав в России. Во Франции он диктовал свои условия. Интересы народа в руках народа. Когда, руководимый организованным в революционную социал-демократическую партию пролетариатом, поднимется русский народ, когда он станет диктовать свои условия царю, — тогда только станет для него возможной борьба за экономическое освобождение, и русское национальное собрание с полным правом объявит: люди родятся свободными и равными и остаются такими на всю жизнь!

Организационный комитет.

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЩАМ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

О манифесте Николая II от 26 февраля 1903 г.

Царь издал манифест. Манифесты издаются при торжественных событиях царской жизни: восшествии на престол, рождении наследника и пр., или когда царь хочет объявить о новой милости народу, о каких-нибудь изменениях в государственной жизни. Теперь торжественных событий не было, — значит, манифест возвещает какие-то перемены, — быть может, несет какой-то дар русскому народу, какие-то уступки. Не щедры русские цари на подарки русскому народу. Если и есть в манифесте какая-нибудь уступка, то не по доброй воле она дана. Силой вынужден был царь пойти на уступки или, по крайней мере, сделать вид, что он уступает, втереть очки. Где же та сила, которая заставляет царя издать манифест?

Есть старая сказка о многоголовой змее. Удар за ударом сыпался на нее. Головы ее отлетали одна за другой. Но тотчас на место их росли новые, и не было битве конца. Такой многоголовой змеей стало для русского царя

революционное движение. Как страшный призрак, встает пред ним чудовищная змея с мгновенно отрастающими головами на зияющих ранах, грозит задушить его объятиями своих железных колец, и нет конца борьбе. Сегодня рубит он голову рабочему движению здесь, завтра рабочий поднимет голову там, послезавтра вырастают головы на новом месте, где правительство совсем не ждало. 10 лет тому назад началась борьба с одним только рабочим движением. Но, разрастаясь и расширяясь, рабочее движение вовлекло в революционный поток и другие слои: оно влило веру и бодрость в студенчество, оно разбудило крестьян, оно толкнуло на путь борьбы даже тех трусливых и робких людей, которые называют себя либералами. У страшной для русского правительства змеи выросло много голов. Правда, не все пойдут в ногу с рабочим, идущим впереди, смотрящим далеко вперед; не все, как он, откажутся от каких бы то ни было сделок с самодержавием; не все протестуют, как он: ряд февральских, мартовских и майских демонстраций, политическая агитация в судебных процессах Сормовском, Саратовском, грандиозная политическая стачка ростовских рабочих — вот протест революционного пролетариата, показавший правительству, что революционная социал-демократия каждую минуту готова схватиться с ним. Остальные борются иначе. Одни, как студенты, в своем протесте против самодержавия приближаются к революционной социал-демократии, другие, — более близорукие и трусливые, надеющиеся еще кое-чем поживиться от самодержавия, — протестуют робко, неуверенно, требуя не свержения самодержавия, а только некоторых реформ, поправок к существующему, забывая, что нельзя сгнивший дом сделать новым переменой одного бревна. Пусть все это так: пусть только толпа рабочих представляет действительную силу. Но так или иначе недовольство охватило всю Россию. Чем более далекие от революции слои охватывает протест, тем на большую силу самого революционного движения указывает он, тем больше пугает это движение царя. А протестуют совсем далекие слои, даже ведущиеся под контролем и надзором администрации легальные съезды, как напр. кустарный, общества взаимопомощи учителей и многие другие, превращаются в маленькие очаги протеста. На земских собраниях, в сельскохозяйственных комитетах, несмотря на частые грозные окрики председательствующих здесь губернаторов и предводителей дворянства, несмотря на кары со стороны правительства, раздаются голоса и требования реформ. Наконец, несчастная, несвободная честная печать, поневоле говорящая изуродованным, эзоповским языком, не смеющая ступить шагу, и она, несмотря на преследования и наказания, возвышает свой голос и требует перемен. Все волнуется.

Царь видит, что смута растет, что он остается один среди всеобщего недовольства и ропота, — продажная полиция и жандармы — опора плохая. И страх закрадывается в его сердце. Нужно спасаться. Беда грозит со всех сторон. Продержаться еще хоть немножко, процарствовать еще сколько можно: обманом так обманом, уступкой так уступкой. Лишь бы отсрочить гибель, лишь бы уцелеть. А потом хоть потоп! И вот царь начинает пускаться в обман, делает вид, что готов уступить.

«Я сам понимаю, — говорит он в своем манифесте, — что реформы необходимы, но смута, посеянная отчасти людьми, враждебными государственному порядку, отчасти и людьми, увлекающимися началами, чуждыми русской жизни, мешают моей работе». — Люди, враждебные государственному порядку, — это революционеры, ведущие нашу родину к свободе и свету; люди, увлекающиеся «началами, чуждыми русской жизни», — это

немногие честные из либеральной оппозиции, недовольные, возмущенные произволом и беззаконием, господствующим в России по воле царя и его приближенных. Соединившись вместе, они создают смуту. Поэтому нужно спешить разделить их. Нужно пообещать что-нибудь одним, чтобы заманить их на свою сторону и заставить бороться против других. Дольше оставаться одному среди враждебно настроенного народа нельзя. Нужно приобрести доверие разных общественных слоев и, конечно, прежде всего тех, кого легче всего обмануть, кто не раз поддавался на удочку, кто не раз в решительные минуты из страха или за ничтожные подкупы продавал своих вчерашних союзников — революционеров, кто стоит ближе к царю и по симпатиям и по своему общественному положению — часть недовольной, протестующей либеральной буржуазии, земцев и проч. Ей именно хочет царь показать, что внимателен к ее желаниям, ее он хочет обмануть в своем манифесте. И вот манифест пишется непонятным, туманным языком, чтобы каждый мог его толковать по-своему. Обрадованные либералы увидят в этих непонятных словах обещание чего-то нового, светлого. В их среде найдется достаточно трусливых и робких, которые станут кричать: «Народ! Подальше от революционеров! Прекратите смуту! Смотрите, царь сам хочет перемен. Успокойтесь! Ждите царских милостей». И, обрадованные, они протянут руку царю против революционеров. Вместо того, чтобы бороться одному сразу со всеми головами, царь сладкой подачкой приманивает к себе одну из них. Но и здесь он не может свести концов с концами: показывая либералам одной рукой заманчивый, запретный плод — свободу и закон, другой он готовит розгу — новую опеку над земством.

Либералы, возмущенные беззакониями, творимыми в России, негодуя на те издевательства и притеснения, которым подвергаются сектанты и другие русские подданные, принадлежащие к инославным и иноверным исповеданиям, желают соблюдения законности и большей свободы в делах веры. Царь, зная, что при соблюдении даже русских законов, столь несправедливых по отношению к низшим слоям населения, его произвол будет сильно стеснен, обещает исполнять законы только в делах веры, потому что и при соблюдении этих законов можно ссылать в Сибирь всех неугодных правительству сектантов, можно так же, как теперь, стеснять неправославных, можно, наконец, каждого, кто, убедившись в правоте другой веры, захочет перейти в нее из православия, судить, сослать, отнять у него детей, лишить прав, имущества и проч. Вот его первая «уступка», которой цена грош.

Либералы, видя бедность России и нищету населения, одной из главных причин этого считают невозможное правовое положение крестьян, над которыми еще тяготеют многие остатки крепостного права. Поэтому они желают коренного преобразования юридического быта крестьян. Царь в манифесте обещает пересмотреть положение о крестьянах, обещает отмену круговой поруки, свободный выход крестьян из общины, но и при исполнении этих обещаний крестьянин попрежнему остается полукрепостным: попрежнему его могут сечь, лишать паспортов, права иметь свой семейный очаг, благодаря стеснительности семейных разделов, попрежнему его земский начальник будет называть на «ты», сажать в холодную, попрежнему он будет обязан нести часто унизительные натуральные повинности, не сможет, оставаясь крестьянином, попасть в учебное заведение, занять многие должности и пр.

Либералы, раздраженные грабительским хозяйничаньем государственных чиновников, недовольные мелочными придирками администрации

по отношению к земству и городскому управлению, где они считают себя хозяевами, возмущенные полной безответственностью этой администрации, желают, чтобы относительно важнейших издаваемых законов выслушивалось их мнение, чтобы местная администрация не вмешивалась в местные так называемые самоуправления, чтобы она была ответственна перед судом. Царь делает вид, что он готов удовлетворить и этим желаниям. В манифесте он обещает передать новый закон о крестьянах в губернские совещания «при ближайшем участии, — как говорится в манифесте, — достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных». Царь не боится дать такое обещание: он знает, что сюда не попадут ни действительные представители рабочих и крестьян, ни даже наиболее честные представители буржуазии и либералов, потому что достойнейших людей будут определять полицейский и жандармский сыск, а фраза «общественным доверием облеченных» — просто лживая фраза, написанная, чтобы затуманить головы. Хочет царь лгать и относительно двух других требований, но очень быстро показывает себя в настоящем виде: оставить самоуправление без давления администрации боится, сделать администрацию ответственной царь не может, потому что тогда рухнет произвол, которым самодержавие только и держится.

Не забыл царь, конечно, в манифесте и своего любимого детища — полиции. Речь идет только не о гражданской полиции, а о длинноволосой армии — православных попах. Эти духовные отцы, по закону обязанные доносить обо всем, что узнают о противоправительственных замыслах на исповеди, обязанные следить за беспаспортными, беглыми и поднадзорными и нести целый ряд полицейских функций, с успехом исполняют эти обязанности, являясь надежнейшими оплотами и проповедниками суеверия, мракобесия и покрывателями всех гадостей самодержавия, и царь решил наградить своих верных соучастников и слуг. В манифесте он обещает им улучшение их материального положения, конечно, опять из трудовых грошей обманутого ими же народа. Кроме этого царь расширяет их полицейские функции, он хочет под их надзор отдать и земство, единственное учреждение, которое кое-как заботится о благосостоянии населения, за что и терпело постоянные нападки правительства.

Удастся ли царю своим манифестом опять обмануть и привлечь на свою сторону буржуазию, трудно сказать; судя по тому, что некоторые так называемые либеральные газеты возрадовались этому манифесту, можно думать, что царская плутня отчасти вывезла, но царю не удастся замазать глаза сознательному революционному пролетариату, который не вступит ни в какие переговоры с самодержавием, потому что его требования совершенно несовместимы с ним.

Не соблюдения законов, чем удовлетворяются многие из буржуазии, а полной отмены существующего законодательства требует пролетариат и замены его новым, созданным выбранными представителями всего народа.

Не веротерпимости по нашим законам хочет пролетариат, а полной свободы совести в делах веры и окончательного отделения церкви от государства.

Не отмены круговой поруки и проч. для крестьян требует пролетариат, а полного уравнения крестьянского сословия с другими, при полной политической свободе для всех.

Не участия представителей, назначенных жандармами, в обсуждении новых издаваемых законов, а издания законов выбранными представите-

лями народа, при всеобщем, равном для всех избирательном праве, требует он.

А для всего этого необходимо свержение самодержавия!

Организационный комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

29 марта 1903 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ростов на Дону.

В воскресенье 2-го марта у нас была очень удачная демонстрация.

Донской комитет воспользовался для устройства демонстрации кулачными боями, которые происходят здесь в степи за Темерницким поселением и Гниловской станцией. Комитет отправил туда оратора, несколько рабочих из организации с красными знаменами. Когда собралась уже большая толпа и должен был начаться кулачный бой, было развернуто красное знамя, и делегат комитета обратился к собравшимся со словами: «Товарищи! Зачем тратить нам свои силы на драку между собою, когда мы должны вести борьбу с правительством?»... Дальше ему не дали говорить. Толпа восторженно приветствовала красное знамя, раздались громкие крики: «В город! В город! На демонстрацию! Долой царя!». И вот в город двинулась громадная толпа с 3-мя красными знаменами, на которых были надписи: «Да здравствует политическая свобода!» «Мы требуем 8-часового рабочего дня!»

До города было версты 2 и даже больше. В городе полиция не знала о готовившейся демонстрации, и потому демонстранты совершенно свободно вступили на главную улицу — Б. Садовую. Зрелище было грандиозное. Стройная толпа, красные знамена, развевающиеся от легкого ветра, революционные песни, словом—демонстрация как нельзя более удачная. Знамена окружило сплоченное ядро человек в 300—400, за ними шли менее тесные ряды, самые задние ряды шли уже не по середине улицы, а только по тротуарам. Кстати на Большой Садовой улице тротуары очень широкие, не менее 20 шагов. Оба тротуара были заняты сплошной массой демонстрантов, которая растянулась шагов на пятьсот, — это по скромному счету, а в действительности, вероятно, было гораздо больше. Навстречу знаменам выбегали толпы народа и располагались тоже очень тесной массой по тротуарам. Демонстрантов было тысяч 5—10.

В центре около знамени пели сначала революционные песни, но потом петь перестали, так как пение заглушалось громкими криками толпы. Кричали: «Долой царя! Долой буржуазию! Да здравствует свобода! Да здравствует 8-часовой рабочий день!» Но больше всего кричали: «Долой царя!» Этот крик раздавался даже в отдаленных рядах демонстрантов.

Впереди центрального ядра демонстрантов шли человек 6—10 полицейских, совершенно растерявшихся и изливавших всю свою бессильную злобу на встречных извозчиках: почтенные блюстители порядка деятельно расчищали путь для демонстрантов. Толпа прошла более половины всей

главной улицы до самого Большого проспекта, т. е. немного более версты. Таким образом всего демонстранты прошли версты 3-4, и шествие продолжалось часа полтора и даже больше. Приближаясь к Большому проспекту, демонстранты заметили издали казаков. Знамена были спущены, и толпа быстро расположилась по тротуарам, казакам ничего больше не оставалось делать, как показывать публике свое уменье проделывать разного рода военные артикулы.

Но еще прежде, чем появились казаки, полиция своими силами пыталась остановить демонстрацию. Человек 15—20 околодочных и полицейских, выхватив шашки, пытались отрезать часть толпы от главного ядра демонстрантов. Однако толпа сейчас же вернулась обратно, и полиция, очутившаяся между двух огней, должна была позорно бежать, причем ей порядочно досталось от дюжих кулачных бойцов. Между прочим, одному полицейскому, который начал, было, слишком бесцеремонно работать шашкой, кто-то из рабочих ударил в лицо ножом и рассек нос. Тут же пристав Антонов (взяточник и зверь, пользующийся ненавистью всего города) и несколько околодочных набросились на одного из демонстрантов, желая его арестовать. Двое рабочих, выхватив колья, вбитые около деревьев, бросились вдогонку за приставом, и один из них со всего размаха ударил толстым колом по голове Антонова. Антонов упал, обливаясь кровью. Околоточные же, бросив арестованного, подняли Антонова и понесли его на извозчика. Антонов был доставлен в городскую больницу в бессознательном состоянии. Что с ним теперь, неизвестно. Полицмейстер тоже едва спасся от кулаков. Он врезался в толпу демонстрантов в коляске. Его, было, схватили, но ему удалось вырваться и уехать, оставив в руках рабочих шашку. Шашку полицмейстера демонстративно переломили и бросили. Вся эта схватка с полицией происходила около Соборного переулка и продолжалась очень недолго, так как полиции было немного, и она не могла задержать шествие громадной толпы. Через два-три квартала после этой схватки знамена были спущены, как я сказал, и толпа спокойно разместилась по тротуарам. Но демонстрация не кончилась, так как тротуары были заняты сплошной массой до вечера, и казаки разъезжали по городу до глубокой ночи. Иногда казаки набрасывались с нагайками на тех, которые по неосторожности останавливались среди улицы. Было несколько арестов. Впечатление от демонстрации громадное. Нужно было видеть возбужденные лица толпы, чтобы понять, как велико сочувствие революционерам. Над полицией, над казаками открыто насмехались. Сторонники порядка не показывались на улицу. Магазины были все заперты, и буржуа попрятались по домам, дрожа за свое добро. Совершенно напрасно! Никакого насилия, никаких попыток громить не было несмотря на то, что в толпе было немало босяков. Только 2-3 окна были случайно выбиты камнями, брошенными в полицию. Весь город поднялся на ноги, всюду слышно: «Бунт! Опять стачку собирают!» Полицейских окружают толпы народа и жадно слушают их наивные рассказы о знаменах и надписях на них. До глубокой ночи город не успокаивался. Несмотря на все усилия полиции тротуары переполнены народом.

Донской комитет может праздновать еще одну крупную победу.

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЩАМ.

Организационный комитет.

Типография Организационного комитета.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Ужасное преступление было совершено в Кишиневе в первые дни Пасхи. Разграблено несколько сот магазинов, лавок и домов, убито около ста человек, раненых считают сотнями. Невозможно описать всех ужасов погрома. Озверевшая толпа громил вырывала руки и ноги, убивала грудных детей, мучила и издевалась над своими жертвами. Вот что пишут очевидцы: «Разгром длился с полудня 6-го до утра 8 апреля, и, можно сказать, нет буквально ни одной еврейской квартиры, не пострадавшей так или иначе; ни одного целого стекла в окнах; ступаешь по оконным осколкам и лязг их отдается в голове и режет душу на части; море перьев из разрезанных подушек на улицах; перьями, как инеем, облеплены деревья, заборы; среди перьев, обрывков еврейских и русских книг, лоскутов священных еврейских облачений, старых брюк, обломков мебели видны обагренные кровью камни; ручейки запекшейся крови на тротуарах, коридорах, в домах; ужас, один панический ужас внушает эта картина! Пострадали более всего беднейшие еврейские кварталы. Уничтожены мелочные лавки, рундуки, разорена голь, убиты беззащитнейшие из беззащитных: старый синагогальный служка, хилый ремесленник, девушка, подросток-учащийся, 6- и 9-месячные дети».

Теперь целый десяток следователей по приказанию правительства подыскивают лжесвидетелей, желая скрыть истинного виновника преступления. Но народная молва уже нашла его: в Кишиневе все, как евреи, так и русские, говорят, что погром был организован правительством. И в самом деле, вглядитесь внимательнее в подробности дела, и у вас не останется сомнения в этом. О подготовке погрома было известно задолго до Пасхи. Находящаяся под особым покровительством правительства кишиневская газета «Бессарабец» всячески старалась вооружить русское население против евреев. Один из сотрудников этой газеты прямо говорил адвокату Слуцкому, что в Кишиневе «скоро перережут всех жидов». Евреи также знали о готовящемся погроме и просили заблаговременно губернатора принять меры, чтобы защитить их жизнь и имущество. Губернатор успокаивал депутатов, говорил, чтобы евреи сами не принимали никаких мер к самозащите, но, оказывается, делалось все это только из опасения, как бы евреи своевременно принятыми мерами не помешали погрому. Когда погром начался, у полиции, по ее словам, оказалось недостаточно сил, чтобы удержать грабителей. В Кишиневе стоит тысяч пять войска, — если не больше, — но все эти войска потребовались, видите ли, для защиты губернатора и правительственных зданий, на которые никто и не думал нападать. Полиция старалась прекратить беспорядок громкими криками, но она кричала большею частью: «Бей жидов!» По городу разъезжали и ходили патрули войск, но они вмешивались только тогда, когда евреи оказывали неожиданное сопротивление грабителям. Тогда войска неизменно помогали последним. Пристава Соловкин и Добросельский присутствуют при убийстве беззащитных евреев, но не только не стараются помешать преступлению и не арестуют убийц, но еще одобряют и подстрекают их. Вице-губернатор грозил арестом евреям, собравшимся на кладбище и хоронившим убитых: вице губернатор находил, что евреи нарушают этим общественное спокойствие и порядок. Нечего уж и говорить о том, что полиция присвоила себе львиную долю из расхищенного имущества евреев. Погром совер-

шался правильно организованными отрядами: таких отрядов было 20—30, они нападали на евреев одновременно в разных частях города, а сообщения между ними поддерживал специальный отряд велосипедистов. Во главе шайки нападавших всегда стояли или офицеры, например, Попов, Бирлин, или чиновники, как, например, смотритель военного лазарета Львов с двумя сыновьями гимназистами.....[1]) к чиновничеству; нотариус Писаржевский, инженер Балинский, доктор Синандино, студент Малой. Губернатор не решается употребить военную силу и шлет телеграмму царю, но царь отвечает только на третий день: царю некогда—он в это время юродствует и пьянствует в Москве вместе с жандармским генералом Шраммом и любуется, как царица отплясывает мазурку с московским полицмейстером. На правительство нашла нерешительность... То самое русское правительство, которое стреляло без всякого повода в мирных стачечников в Ростове, стреляло — опять таки без всякого повода—в рабочих в Златоусте, Батуме, Петербурге, Риге, Мариуполе, Домброве, Орехове-Зуеве, это обагренное кровью правительство теперь не решается остановить убийц и грабителей; уж не потому ли, что оно само убивало и грабило? Припомните крестьянские беспорядки прошлого года в Полтавской и Харьковской губерниях. Крестьяне не только не убили, но даже не ударили ни одного помещика, однако в деревни немедленно явились губернатор с войсками, в крестьян стреляли, их беспощадно секли, не разбирая, кто прав, кто виноват, правительство тогда немедленно уплатило «беднякам» помещикам 800 тыс. руб., не покрывших убытков. Тогда и сам царь обеспокоился: он собрал крестьян в Курске и говорил им глупые речи о том, что они мало работают.

Сравните теперь с этим поведение правительства в Кишиневе. Тут не в глухих деревнях, а в губернском городе, на виду у администрации, в присутствии всей полиции и под охраной «христолюбивого воинства», происходит массовое убийство, и правительство ничего не делает, чтобы помешать ему. Скажите, не очевидно ли, что оно было соучастником в этом ужасном преступлении? Но оно было не только соучастником, оно было зачинщиком и подстрекателем его. Мы уже говорили о подстрекательстве к погрому со стороны газеты «Бессарабец»; эта газета распространила нелепый слух о том, что евреи в своих религиозных обрядах употребляют христианскую кровь и что для этого они убили мальчика в Дубоссарах. Правда, «Бессарабцу» пришлось поместить официальное опровержение судебной власти, но и после того эта газета продолжала на разные лады подстрекать к погрому, а вице-губернатор, на обязанности которого лежит цензура газеты, нимало не препятствовал «Бессарабцу» делать его гнусное дело, становясь таким образом соучастником его. Правительство вообще считает травлю евреев патриотическим делом, и потому оно всегда отказывалось дать разрешение на другую газету в Кишиневе, которая могла бы раскрывать гнусную клевету «Бессарабца». Затем по городу были распространены листки с призывом «бить жидов»; листки эти были, по всей вероятности, напечатаны в типографии «Бессарабца».

Обратите внимание на то, что до сих пор никто не может указать непосредственного повода, вызвавшего погром; погром начался, повидимому, без всякого повода, начался одновременно в разных концах города. Не естественно ли думать, что погром начался по предварительному уговору руководителей толпы — тех офицеров, полицейских и чиновников, о которых мы говорили, и многих других, имени которых не удалось узнать?

---

[1]) Несколько слов напечатано неразборчиво.

Наконец, есть и непосредственные указания на то, что еще задолго до погрома околодочные и полицейские старались вербовать грабителей среди темной массы населения. Мы забыли сказать, что в толпе грабивших было много семинаристов. И если вы примете во внимание, что без разрешения начальства учащиеся даже в театр не смеют ходить, то вы не будете удивляться, когда мы скажем, что будущие пастыри [1]) стада Христова участвовали в погроме не на свой страх и риск: их духовное начальство благословило их на этот христианский подвиг. Вспомните, наконец, что наше правительство всегда и всюду старается восстановить русское население против евреев. Оно милостиво поддерживает такие газеты, как «Свет», «Новое время», которые ставят своей главной целью травлю евреев. Оно своими ограничительными законами и всевозможными стеснениями евреев деятельно старается внушить остальному населению мысль, что евреи — враги государства и причина всех народных бедствий. Оно всюду, где может — в войсках, в церквах, в школах — настойчиво распространяет и поддерживает вражду к евреям. Следует ли удивляться кишиневским событиям? Эти события — не случайность. Правительство совершило свое кровавое преступление в Кишиневе с заранее обдуманным намерением. Нам остается теперь указать цель, которую правительство преследовало погромом. Цель эта — спасение самодержавного трона, но спасение не от евреев, а от тех же темных масс рабочего люда, которые громили евреев. Это кажется странным, но посмотрите, что делается у нас в России, и вы согласитесь с нами. Россия разорена правительством. Крестьянин напрягает последние силы, чтобы на своем клочке земли выработать подати, которые он должен заплатить правительству. Это не всегда ему удается, и тогда в воздухе свистит розга станового. Рабочие проданы правительством в рабство капиталистам: они должны всю жизнь работать на богачей и голодать в награду за это. Все это нельзя молча терпеть. В груди накопляется отчаяние, злоба, ненависть, ненависть к такому порядку, когда за каторжный труд получаешь только жизнь, полную лишений. Дальше терпеть невозможно. И правительство видело, что рабочим надоело терпеть — оно видело ряд демонстраций, в которых рабочие громко заявили, что они не хотят больше оставаться покорными рабами. Правительство видело на прошлогодних беспорядках крестьян Полтавской и Харьковской губерний, что вслед за рабочими начинают просыпаться и крестьяне. Царский трон зашатался. И вот в борьбе с приближающейся опасностью правительство пускает в ход два испытанных средства, которыми всегда держался трон Романовых: насилие и обман. Оно расстреливает рабочих везде, где только видит перед собою рабочую массу, и в то же время старается обмануть эту массу, старается совратить рабочее движение с того пути, на которое оно вступило. Святое стремление рабочих к полному освобождению от рабства оно старается заглушить обещанием дать лишнюю копейку к заработной плате. Святую ненависть ко всякому угнетению оно хочет подменить позорной ненавистью к угнетаемым евреям. Разжигая племенную вражду и устраивая погром, правительство убивает сразу двух зайцев: оно отвлекает месть народа от себя на голову ни в чем не повинного населения. И в то же время вносит смуту и разлад в среду самих рабочих, восстановляя русских рабочих против рабочих евреев.

Позорная агитация правительства велась не в одном Кишиневе. Такие же листки распространены были в Одессе; в Киеве полиция нанимала

[1]) В подлиннике «пасторы».

босяков для погрома. Обратите внимание, что вся кампания против евреев ведется в апреле, т. е. как раз тогда, когда правительство ждет враждебных ему демонстраций рабочих, и вам станет совершенно ясной скрытая цель правительства: разжигая племенную ненависть против евреев, оно тем самым хочет задержать революционное движение рабочих. В этой позорной деятельности правительства ему помогает целая армия Суворинных, Крушеванов, Богдановичей; находятся предатели среди самих рабочих — Афанасьевы, Красивские, которые ради денег делают то же гнусное дело.

И много понтийских Пилатов
И много кровавых Иуд
Христа своего распинают,
Отчизну свою продают!..

Товарищи! Вы все страдаете от одного зла — капиталистического рабства; у всех вас один враг — царское правительство, охраняющее это рабство; для борьбы с этим врагом нужны соединенные силы всех рабочих, без различия национальностей. Не давайте же обмануть себя нашим врагам и, борясь за свободу, боритесь и против всякого угнетения евреев правительством! Рабочие евреи такие же рабочие, как и вы: они страдают теми же страданиями, они стремятся к тому же освобождению, к которому стремитесь и вы; они ваши товарищи в одной всемирной армии рабочих. Мало того, они уже давно подняли великое знамя борьбы за освобождение рабочего класса в России. Они уже создали прочную революционную организацию, и с тех пор правительство напрасно старается ее уничтожить.

Понимаете ли вы теперь, каким злорадством горят глаза правительства, когда оно видит, как темная народная масса под руководством его шпионов и других агентов громит жилища евреев-рабочих? Не давайте же правительству внести замешательство в вашу армию и расстроить ее ряды. Вы не должны допускать врагов ваших устраивать еврейские погромы, и, когда вы услышите предательский крик: «Бей жидов», — вы должны еще громче отвечать: «Долой самодержавие!» Не забывайте , что самодержавное правительство ежегодно десятками убивает ваших товарищей; теперь к целому ряду убийств оно прибавило еще одно преступление. Пролитая правительством кровь требует суда и мщения. Но мы уже можем сказать, что недалеко время этого суда. История будет судить правительство, и она вынесет ему смертный приговор. Вы же, товарищи рабочие, своей борьбой за свободу приведите этот приговор в исполнение!

Организационный комитет.

Типография Екатеринославского комитета.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Готовьтесь к первому мая!

Ко всем рабочим и работницам России.

Товарищи-рабочие! Социал-демократическая партия зовет вас к борьбе. В день первого мая тысячи листков разносят ее призыв по всей России. Она зовет вас на улицу. Боритесь! Выходите, как ростовские рабочие, на демонстрацию! Если не можете устроить демонстрацию, бросайте все

работу в этот день. Все равно, так или иначе, боритесь, заставьте всю Россию прислушиваться к вашим требованиям! Этот день — великий день. Во всей России, во всей Европе, далеко за океаном в Америке, празднуют рабочие свой праздник. Этот день — наш день. В день первого мая мы боремся за то, за что можем бороться только мы одни, рабочие. Мы боремся за социализм!

Социалистический строй придет на смену тому, который царит теперь, и только одни рабочие помогут его наступлению. Рабочие всех стран — одна великая армия. Рабочие во всем мире трудятся друг для друга, трудятся для всего человечества: китаец и негр для француза и русского, русский и американец для англичанина и индуса. Весь мир — одна огромная рабочая мастерская, где труд разделен не между отдельными рабочими и цехами, а между странами. Как на долю кузнечного цеха выпадает работа для сборной мастерской, как на долю закройщика выпадает работа для портного, на долю земледельца — работа для и кузнеца и портного вместе, так на долю каждой страны выпадает работа для другой. Америка готовит машины для Германии. Германия закаляет сталь для Франции, а Россия готовит хлеб для обеих. И как в мастерской над тысячами рабочих стоят десятки надсмотрщиков и один управляющий и хозяин, так над миллионами рабочих всего земного шара стоят десятки тысяч хозяев — класс капиталистов. Как в отдельной мастерской рабочий не получает всего того, что он создает, так и во всем мире весь рабочий класс не обладает всеми созданными им богатствами. Они попадают в руки капиталистов. Если бы не было хозяина в отдельной мастерской, все созданное рабочими принадлежало бы им самим. Они были бы хозяевами мастерской и машин, они обладали бы всем, что дал их труд. Если бы не было хозяев-капиталистов у рабочих всего мира, всем трудящимся принадлежало бы все, добытое их руками, все созданное трудом. Но все богатства в мире созданы только трудом. Все богатства мира стали бы поэтому богатствами тех, кто трудится. Не трудящиеся должны были бы погибнуть или начать трудиться наравне со всеми.

Когда миллионы рабочих всех стран поймут это, они соединятся друг с другом в борьбе против общего для всех рабочих врага, класса капиталистов, загораживающего дорогу к счастью, они столкнут его с узкой площадки, на которой он гордо высится над миром трудящихся, и сами поднимутся по лестнице на вершину, где для человечества настанет царство равного труда, свободы и счастья. Праздник 1-го мая, когда рабочие всех стран соединяют свой голос в одном могучем крике «Да здравствует социализм!»— есть праздник грядущего социализма. В этот день мы выступаем, как борцы за социализм!

Но мы, русские рабочие, — борцы со связанными руками. А враги наши свободны. Две великих ступени должны перешагнуть мы, чтобы стать в более равные условия с нашими врагами: 1) мы должны быть свободными, как граждане, 2) мы должны стать свободнее, как люди.

Мы не сможем успешно бороться за социализм до тех пор:

1) пока нас могут сечь за демонстрации, на которых мы являемся борцами за социализм, как секли виленских рабочих;

2) пока могут стрелять в нас за стачки, как стреляли в ростовцев;

3) пока могут арестовать нас за собрания, где говорится о социализме;

4) сажать в тюрьмы за книжки, которые учат нас бороться за свое освобождение;

5) наказывать тюремным заключением и ссылкой без суда за участие в борьбе за социализм;

6) пока чиновники, незаконно арестовавшие нас или совершившие над нами какое-нибудь другое насилие, а также начальство, отдавшее приказ стрелять и сечь нас, будут оставаться на своих местах, а не привлекаться к ответственности;

7) пока правительство будет ослаблять наши силы, разъединив нас в борьбе, ставя перегородки между рабочими разных национальностей;

8) пока стеснительные законы и циркуляры, касающиеся нас, а также всего народа, будут издаваться царем и министрами без нашего ведома и согласия.

Словом, мы не можем свободно исповедывать и пропагандировать социализм, не можем успешно бороться за него, пока у нас нет политической свободы.

Для того чтобы проповедь социализма и борьба за него стали успешными, нам нужна политическая свобода;

1) Нам нужно, чтобы нас не наказывали за демонстрации и не запрещали устраивать их, — нам нужно право свободно заявлять свой протест.

2) Нам нужно, чтобы нас не преследовали за стачки,— нам нужна свобода союзов и стачек.

3) Нам нужно, чтобы мы могли говорить, о чем и где хотим, — нам нужна свобода слова и собраний.

4) Нам нужно, чтобы мы имели право печатать, читать и писать все, что пожелаем, — нам нужна свобода печати.

5) Нам нужно, чтобы никого не хватали и не наказывали без суда, — нам нужна неприкосновенность личности.

6) Нам нужно, чтобы чиновники, совершающие преступления и насилия, нарушающие законы, могли быть привлекаемы к законной ответственности каждым гражданином без разрешения их начальства, — нам нужна ответственность чиновников.

7) Нам нужно, чтобы граждане всех национальностей и вероисповеданий в пределах России пользовались одинаковыми правами.

8) Нам нужно, чтоб в правлении народом, в распоряжении народными деньгами, в издании законов участвовал весь народ, ибо никто другой, а только он сам может позаботиться о себе, передавая свои требования и желания людям, которым он доверяет, которых он сам выбирает. Нам нужен парламент.

Словом, нам нужно, чтобы мы стали свободными как граждане, нам нужна политическая свобода, чтобы добиться и политической силы. Для этого нам нужно прежде всего столкнуть с пути первого врага — русское самодержавное правительство.

И когда мы завоюем эту свободу, мы сможем успешнее бороться за освобождение свое как трудящихся. Завоевав себе место в парламенте, мы скорее добьемся законов, облегчающих наше положение, фабричных законов, мы добьемся прежде всего закона о восьмичасовом рабочем дне. Когда мы станем свободнее, как люди, мы сможем все силы, все помыслы посвятить одной только борьбе — борьбе за социализм, за полное освобождение рабочего класса, а вместе с тем за освобождение всего человечества от гнета несправедливости, от обездоленности и неравного труда. В этой последней борьбе мы столкнемся с последним и тогда уже единственным врагом — капиталистами. И сегодняшний праздник наш — только первый раскат той далекой, но все близящейся бури.

Смелее же! На приступ, товарищи! День первого мая — день борьбы! Выходите на улицу! Берите красные знамена! Пойте громче ваши боевые песни! Смелее! Впереди победа!

Не кажется ли вам, товарищи, что вы и с вами вся Россия заперты в темных и тесных подземных пещерах? Гнилой и затхлый воздух давит грудь. Тьма слепит очи и наполняет сердце неясным ужасом. Там позади в испуганной толпе порой слышатся рыданья, порой пролетает стон и срывается подавленное рабское проклятье. Но тьма окутывает все, и смятенная толпа порой испуганно шарахается в сторону, наступая на трупы безмолвно гибнущих товарищей. И все рвется вперед, все мечется, все ищет выхода... И часто в безумном страхе ослепленная толпа отступает назад, часто во тьме, увлеченная мгновенной злобой, она начинает взаимную борьбу. И льется кровь, и гады обвивают ноги. Нетопыри хлещут крыльями в лицо. Мрачный ужас овладевает душой.

Но впереди огни! Кто это там с факелом в сильных мускулистых руках? Кто это с ясным взором, с бодрыми юными лицами, кто уверенно шагает впереди изверившейся толпы? Это вы, рабочие! Ваши твердые шаги звонко отдаются в каменных коридорах. Ваши ободряющие голоса звучат там, в передовых отрядах, напирающих на тяжелую, крепкую дверь. Там, за этой железной дверью — свобода, там свет, вольный простор. Там под ясным небом звучит, как торжественный орган, могучее море. Туда! Еще напор! Дверь поддается! Смотрите! Там сквозь щели блистают во мраке лучи дневного света. Чувствуете? Веет в лицо морской прохладой. Дверь трещит... На приступ, товарищи! Вперед! И пусть, как из одной железной груди, раздастся крик:

Да здравствует свобода!
Долой самодержавие царя!
Да здравствует самодержавие народа!
Да здравствуют рабочие депутаты будущего российского парламента!
Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!
Да здравствует борьба за социализм!
Да здравствует восьмичасовой рабочий день!
Да здравствует майский праздник!
Долой военщину!
Да здравствует вечный мир народов!

Организационный комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Апрель 1903 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Первое мая.

Ко всем работникам и работницам России.

Товарищи! Еще один год революционной работы, год неустанной борьбы, год серьезных завоеваний и тяжких жертв,— и мы снова встречаем наш великий, наш светлый рабочий праздник — Первое мая.

Товарищи! Существуют праздники церкви, но это праздники наших врагов, праздники, установленные в честь сказочного царства небес, чтобы заставить нас забыть о неправде царства земли.

Товарищи! Существуют «царские» праздники, но и это — дни ликования для наших врагов. У деспота и у народа не может быть ни общей скорби, ни общей радости. Но существует праздник, который наводит ужас на всех попов, на всех царей, на всех властных, на всех богатых, это — праздник Первого мая. 14 лет назад представители сознательных рабочих всего мира на Парижском конгрессе определили Первое мая, как день пролетарского торжества, день подсчета революционных сил, день напоминания старому миру, что гибель его приблизилась еще на один год.

Мы требуем законодательного установления 8-часового рабочего дня, потому что мы хотим жить, как люди, мыслить, как люди, чувствовать, как люди.

Мы требуем уничтожения постоянных армий, набираемых из сынов народа, содержимых на средства народа и служащих для порабощения народа! Такие требования ставит революционный пролетариат всего мира в день Первого мая.

Но это не все! И 8-часовой рабочий день и уничтожение постоянных армий — только средство увеличить классовую мощь пролетариата и ослабить его врага. Организованный и сознательный, дисциплинированный и непримиримый пролетариат низвергнет, наконец, этот позорный строй, при котором неустанный труд дает рабочим право на голодную смерть, а обладание капиталом обеспечивает богачам-паразитам покой и довольство.

Долой частную собственность! Долой капиталистов! Земли, фабрики и машины должны стать собственностью всего народа, должны служить нуждам всего народа. Да здравствует социализм, наш конечный идеал! Да здравствует социальная революция, которая введет нас в царство социализма! Так восклицает революционный пролетариат всего мира в день Первого мая.

И это не пустые речи, не бессильные угрозы. Если мы обратимся к цивилизованным странам Европы и Америки, то увидим, что там борьба труда против капитала, борьба пролетариата против буржуазии ведется в таких колоссальных размерах, о которых русский пролетариат, закованный царским деспотизмом в ручные и ножные кандалы, не может и мечтать. Последний год был свидетелем громадных рабочих стачек на всех пунктах земного шара. Что послужило причиной гигантских возмущений труда против капитала в Швейцарии, во Франции, в Голландии, в Италии, в Соединенных штатах Америки? Всемирный промышленный кризис. Современная форма народного хозяйства еще раз обнаружила себя во всей своей наготе и лишний раз доказала, что капитализм и пролетариат непримиримы, как огонь и вода, как ночь и день.

Кризис и безработица! Что может быть бессмысленнее и постыднее таких явлений? Алчность капиталистов побуждает их производить и производить без конца, и та же алчность заставляет их сводить заработную плату к жалким размерам. И в результате — целые горы товаров, произведенных ради прибыли и не находящих покупателя, ибо рабочие массы, создавшие эти горы, обездолены и нищи. Проклятье тому обществу, которое роскошь сделало обратной стороной нищеты!

И ты, русский рабочий, понял весь ужас капиталистического строя, и ты пробудился к сознательной жизни, к великой освободительной работе. Ты горишь жаждой справедливости и равенства, ты простираешь руки к царству социалистического братства, — но подлое самодержавие не дает тебе ни говорить, ни думать, ни бороться!.. За смелое слово — тюрьма и ссылка, за попытку борьбы — штык и нагайка! Вот почему в день Пер-

вого мая мы не устанем восклицать: «Долой самодержавие!» Нам нужна свобода стачек, союзов, собраний, слова и печати, нам нужна свобода пролетарской борьбы! Нам нужно правительство из представителей всего народа, которое охраняло и защищало бы интересы народа! Нам нужен избираемый всем народом парламент! Политическая свобода и народоправление — вот наша ближайшая цель, вот главный лозунг наших майских демонстраций, вот боевой клич, который в недалеком будущем мы вынесем на баррикады.

Оглянемся, товарищи, есть ли у нас союзники в борьбе за нашу ближайшую цель, за свободную Россию?

За последний годовой промежуток, от мая до мая, почти совсем затихла революционно-политическая борьба студенчества. Под давлением правительства в движении молодежи наступил период затишья, будем надеяться, что не надолго, будем надеяться, что 1 мая демократическое студенчество сумеет заявить о своей солидарности с революционным пролетариатом.

Грозными раскатами пронеслись в этом году по нескольким губерниям крестьянские волнения, снова обнаружив ту пропасть нищеты и невежества, в которую ввергнут наш полукрепостной мужик, и снова поставив пред революционным пролетариатом насущную задачу: вовлечь русское крестьянство, обираемое и закабаляемое самодержавным правительством, в великую освободительную борьбу за демократическую конституцию. Слабо и робко заговорили о свободе наши либеральные буржуа и помещики; и они слегка разбужены от политической спячки громом революционных демонстраций и крестьянских возмущений, но до сих пор они обнаружили лишь желание б ы т ь о с в о б о ж д е н н ы м и. Мы в них не можем видеть даже временных союзников в борьбе против самодержавия, доколе они не присоединятся к освободительному движению смелыми политическими резолюциями, доколе своей платонической любви к свободе они не переведут на язык политических протестов против позорного режима!

Русский пролетариат! Твои политические задачи, твои исторические обязанности тем сложнее, чем более темен русский крестьянин, чем менее активен русский либерал!..

Русский пролетариат! Почин в деле народного освобождения лежит на тебе. От демонстраций к демонстрациям, через харьковские и тифлисские маевки, через колоссальные ростовские митинги, ты идешь неуклонно к народной революции, к последней решительной схватке с самодержавным драконом, к окончательной развязке долгой тяжбы русского народа с русским деспотизмом. Мы не обманываем себя. Предстоящая нам борьба потребует многих жертв. Но нам ли бояться их?! Вся наша пролетарская жизнь — одна жертва: жертва идолу самодержавия, жертва идолу капитала. Мы безропотно идем в царские солдаты и слагаем жизнь в войне с китайцами, не сделавшими нам зла. Мы безропотно позволяем машинам рвать и калечить наше тело, а попам и царским чиновникам — топтать и оплевывать нашу душу. Да, вся наша жизнь, товарищи, жертва... Довольно, довольно!.. И когда нам придется [?], а этот час близок, мы сделаем это с тем энтузиазмом, который история вложила в пролетарские души.

Кто посмеет усомниться в этом теперь, после нижегородского и саратовского процессов, на которых рабочие бросили своим судьям и царскому самовластию, стоявшему за их спиной, обвинения, исполненные революционной отваги и политической мысли: «окружающие нас условия, — сказал сормовский рабочий Заломов, — настолько ненормальны, что рабочие

принуждены во что бы то ни стало бороться с препятствиями, стоящими на их пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена с потерей свободы и даже жизни», — «испытывая на себе,— сказал саратовский рабочий-демонстрант, Воеводин, — всю тяжесть безвыходной нужды, весь гнет своего бесправия и беззащитности, могут ли рабочие молчать? Могут ли они не протестовать, не бороться за лучшую жизнь?» Так думает и так говорит русский рабочий-революционер, и разве каждое слово его не дышит правотою? Оглянитесь, товарищи, сегодня, в день 1 мая, вокруг себя; жалкая лачуга, может быть, плач голодных детей, неуверенность в завтрашнем дне, грабеж со стороны хозяина, издевательства со стороны полиции — вот ваша жизнь, вот ваша судьба. Товарищи! Вдумайтесь сегодня, в день Первого мая, в великий смысл социалистического идеала! Равенство людей-братьев, разумная, одухотворенная жизнь человека, впервые родившегося к истинно-человеческому существованию, вот что нас ждет, вот что нас призывает. Товарищи! Перед вами два пути — либо покорность, а значит, гнет и нищета, либо борьба, и, значит, свобода и счастье; можете ли вы задумываться над выбором? Нет, в великий пролетарский праздник 1 мая вы бросите решительный и гордый вызов этому подлому миру штыков и крови, миру рабства и слез. Товарищи! Празднуйте Первое мая! Празднуйте этот день теми способами, какие вам укажут ваши местные комитеты, празднуйте 1 мая во имя 8-часового рабочего дня, во имя разоружения, во имя грядущей революции, во имя юного торжествующего утра свободы, во имя восходящего социализма!

Братский привет вам, товарищи!

Организации «Искры» и Организационного комитета Росс. с.-д. раб. партии.

10 апреля 1903 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1 мая.

Ко всем рабочим и работницам России[1]).

Как? И сегодня также, товарищи? Сегодня, в день 1 мая, также стоите вы у станков, вы, живые слуги мертвых слуг хозяина — машин? И в этот день пришли вы, замученные люди, еще не отдохнув после вчерашнего трудового дня, после многих тяжелых рабочих дней Пришли закаливать сталь для ружей, из которых в вас станут стрелять, отделывать колеса машин, которым станут служить ваши дети; пришли, чтобы и сегодня, как во многие дни вашей жизни, работать для тех, кто губит и порабощает вас?..

И вот вы стоите за работой, бледные, вялые от полуголодной жизни, истомленные от непосильной работы. На улицу! На улицу зовем мы вас, товарищи! Остановите вертящиеся колеса! Тушите огни в печах! Давайте тревожный сигнальный гудок!

Но вы сурово склоняете свои лица над станками и уходите мыслями в работу и наполняете весенний воздух шумом хлопотливого труда.

«Уйдите! Уйдите!» говорите вы нам каждым движением, каждым поворотом быстро вертящихся колес. «Мы работаем! Мы работаем! Оставьте нас, мы добываем свой хлеб. Уйдите! Оставьте нас!»

---

[1]) Напеч. в сб. «Пролетарская революция на Дону», вып. III.

Нет, мы не уйдем без вас, товарищи. Мы не оставим вас. Мы распрямим ваши спины, мы оторвем вашу мысль от труда. Мы заставим ваши сердца биться, как одно громадное сердце. Мы зовем вас на улицу. Шире ворота мастерской! Остановите скорее колеса! Давайте поспешно сигнальный гудок! На улицу, товарищи!

Мы не оставим вас. Мы знаем вас иными. Мы знаем, что эти бледные лица могут загореться в борьбе. Мы знаем, что ваши мысли принадлежат не одному только труду. Мы знаем, что вы хотите не только хлеба. Вы хотите жить. Вы хотите больше свободы. И этого не дает вам работа. И вы знаете это с нами. Это вы бежали на улицы Москвы и Петербурга, когда весной раздался призыв студентов. Вы шли бороться за право быть свободными людьми. Это вы шли добывать себе лучшую долю, вы подняли свои знамена в майских демонстрациях. Из вашей среды вышли те молодые, пылкие, имена которых теперь известны всей рабочей России,— Заломов, Михайлов, Воеводин. Вчера, как и вы теперь, они стояли за работой, скромные, незаметные; сегодня, в день 1-го мая, они шли бороться, завтра их слушали смущенные судьи, и они бичевали своими горячими речами ту жизнь, против которой они восстали, которая наградила их тюрьмой и ссылкой. Это вы шли в передовых отрядах ростовских рабочих, вы подставили свою грудь под солдатские ружья, вы объявили войну самодержавию и дважды сразились с ним на улицах Ростова.

Нет, мы не оставим вас; мы видели вас борющимися за свободу. Или, может быть, вы уже не хотите быть свободными? Или вас страшит мысль о том времени, когда не станет больше рабочих и господ, когда труд будет уделом каждого? Вы знаете — это время настанет. Вы знаете — это время освобождения рабочих. Сегодняшний день — день борьбы за него. И разве вы останетесь у станков сегодня, когда рабочие всего мира, те, которые живут лучше вас, те, которые уже завоевали себе часть человеческой свободы — политическую свободу, — все они во всей Европе, далеко за океаном в Америке, идут сегодня на улицу, чтобы пред лицом всего мира заявить себя борцами за то время? Нет, вы не покорные живые слуги мертвых машин. Вы также хотите жить, вы хотите бороться за лучшую жизнь, за свободу! Когда же будет у вас лучший день для этой борьбы, как не сегодня? Вы шли ведь бороться весь год, когда вы были одни, когда всякий раз бросались в борьбу только вы одни, русские рабочие [1]). Сегодня же, в день первого мая, весь рабочий класс во всем мире станет бороться вместе с вами. И разве вы не чувствуете, как крепнут ваши силы оттого, что где-то за сотни и тысячи и сотни тысяч верст борются неведомые вам братья! Они родились под чужим небом, они говорят чужим вам языком, они живут по своим, непохожим на ваши, обычаям. Но они рабочие. Они чувствуют, как и вы, тяготу своей жизни. И вот исчезают эти сотни и тысячи верст, как будто падают перегородки разных стран, и вы, рабочие всех стран, мыслите одни мысли, живете одним чувством, одним могучим криком требуете лучшей жизни.

Сегодня великий полководец всемирной рабочей армии делает вам смотр, рабочие. И каждая страна на перекличке выступает вперед и говорит: «Я здесь». И разве, когда назовут сегодня имя России, она ответит молчанием? И разве не выступит русский рабочий и не скажет: «Да, я здесь, товарищи. Да, и я пришел бороться вместе с братьями, да, я иду одним с ними путем. Да, я знаю: сегодня именно я должен соединиться вместе с ними!» Сегодня мы выступаем перед врагом, как единая армия. Сегодня ваш рабочий празд-

[1]) Так в подлиннике.

ник — праздник борьбы. Кто не выходит сегодня бороться, тот изменяет делу борьбы. Так станем же в ряды! Потребуем вместе с другими 8-часового рабочего дня для рабочих всех стран! Потребуем отдельно от других политической свободы для нас! Долой самодержавие царя! Да здравствует самодержавие народа! Да здравствуют рабочие депутаты будущего русского парламента! Да здравствует борьба за социализм! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует майский праздник!

На улицу, товарищи!

Организационный комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Апрель 1903 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим.

Товарищи!

Недавно в газетах появилась следующая телеграмма из Уфы: «6 мая, в 4 часа дня в городском парке тремя злоумышленниками убит губернатор Богданович». Вслед затем газеты сообщили, что весь город оплакивал безвременную кончину Богдановича, снискавшего общую любовь за горячую отзывчивость ко всякому горю. Его гроб завален венками; между ними выделяются 2 венка с надписями: «Истинному другу народной школы» и «Доблестному герою долга». Последняя надпись уфимского дворянства говорит, что Богданович был убит за то, что он «доблестно» исполнял свой долг. Какой же это долг привел к могиле «всеми любимого» губернатора? Вы, вероятно, уже догадались, вы вспомнили появившееся в марте правительственное сообщение о беспорядках на казенном железоделательном заводе в Златоусте. Богданович ездил тогда в Златоуст «восстановить порядок», и результатом его поездки было 28 убитых и более 50 раненых, по данным правительственного сообщения, а на самом деле 35 убитых и более 250 раненых. О смерти этих рабочих немного писали в газетах, на их могилы не было положено красивых венков, и нам не сообщали по телеграфу о том, кто их оплакивал: ведь это были самые простые рабочие — стоит ли и говорить о них? Довольно того, что правительство сделало сообщение об этих «беспорядках». Странное это сообщение: в нем говорится, что рабочие были недовольны какими-то расчетными книжками, бросили работу, а когда в Златоуст приехал губернатор Богданович, толпа рабочих «бесчинствовала», ломилась в дом горного начальника, требовала освобождения каких-то 3 арестованных, не слушала увещаний губернатора, осаждала квартиру какого-то ротмистра Долгова, вследствие чего губернатор «вынужден был», как говорит правительственное сообщение, действовать оружием, после чего стачка окончилась, и все цехи принялись за работу. Вот все, что сообщает правительство. В чем выражалось «бесчинство» толпы, зачем и как рабочие ломились в квартиру горного начальника, кто был ротмистр Долгов и почему толпа осаждала его квартиру, освобождения каких арестантов требовала она, — об этом правительство не считало нужным гово-

рить: очевидно, по мнению правительства, 35 убитых и 250 раненых не такое уж крупное событие, чтобы о нем стоило подробно рассказывать,— к тому же Златоуст расположен так далеко от всей остальной России!.. пожалуй, никто и не узнает, что там происходило. Но мы более внимательно, чем правительство, отнесемся к доблестному исполнению долга героем Богдановичем; теперь, когда хоронят и оплакивают этого «гуманнейшего» губернатора, как его называет «Новое время», мы скажем ему свое надгробное слово. Тем более не можем мы относиться так небрежно, как это делает правительство, к убийству 35 человек. Такое преступление требует самого строгого расследования; само правительство, повидимому, не хочет производить его, — мы ему поможем: следствие по этому делу уже закончено нашими товарищами в Златоусте, и мы можем опубликовать теперь данные, добытые этим следствием. Слушайте же, товарищи, мы расскажем вам страшное событие в Златоусте так, как оно было.

6 марта рабочим казанского железоделательного завода были розданы новые расчетные книжки с новыми условиями найма. До этого же времени на заводе действовали старые правила, составленные еще на основании манифеста 1861 г. Правилами этими утверждались права рабочих на земельный надел, на лесные делянки, за рабочими признавалось право устраивать собрания в помещениях завода для обсуждения своих нужд, начальству вменялось в обязанность предупреждать рабочих за 3 месяца об изменении условий найма. Уже при раздаче новых книжек горный начальник грубо нарушил старые правила, назначив рабочим 3-дневный срок для принятия новых книжек вместо 3 месяцев, как это следовало по закону. Но это были только цветки. Прочитав новые правила, рабочие были поражены: в них подробно говорилось об обязанностях рабочих, но ни слова не было сказано об их правах, о манифесте же 1861 г. не упоминалось вовсе. «Эти книжки фальшивые», решили старики, и с ними согласились все рабочие. В субботу, 8 марта, рабочие заявили, что книжек новых они не принимают, и просили председателя заводского приказа Глепова ходатайствовать об отмене книжек. Глепов отговаривался, ссылался на то, что это не его дело, и советовал обратиться к управляющему заводом, но было уже поздно, и рабочие, не смея «беспокоить начальство», разошлись по домам. Воскресенье прошло совершенно спокойно; рабочие нимало не сомневались, что новые правила, так нагло отнимавшие у них все права, данные им царским манифестом 1861 года, будут отменены самим начальством. В понедельник 10 марта рабочие явились на завод, но завод оказался запертым. В то же время, как это выяснилось впоследствии, горный начальник Зеленцов уже поспешил дать телеграмму губернатору с просьбой выслать войска для усмирения рабочих, хотя рабочие не давали ни малейшего повода предполагать, что они нарушат порядок.

На следующий день, во вторник 11 марта, рабочие собрались на дворе завода для обсуждения дел. Такое собрание, как вы уже знаете, рабочие имели право устраивать на основании действующих правил. Вот как описывают дальнейшее очевидцы: «После незначительных дебатов решено было снова итти к начальнику приказа Глепову и просить защиты. Часть рабочих вместе с тем отправилась и к исправнику с той же просьбой. Глепов, выйдя к рабочим, сказал: «По распоряжению г. главного начальника управления заводов, я предлагаю вам избрать из своей среды уполномоченных для переговоров». Тотчас были выбраны делегаты, рабочие Симонов и Филимошкин. Когда они явились к Глепову, тот накричал на них, обозвал бунтовщиками и отправил в тюрьму. Между тем в среду 12-го вечером в Зла-

тоуст с экстренным поездом прибыл уфимский губернатор Богданович. Узнав об участи делегатов, рабочие опять направились к Глепову и совершенно мирно просили его объяснить причину ареста их выборных. Он ответил, что выборные арестованы жандармским ротмистром Долговым. Тогда толпа направилась к горному начальнику с жалобой как на Глепова, так и на Долгова. Все время настроение рабочих было мирное. Они совершенно не могли понять причины ареста выборных и ходили от горного начальника к жандармскому ротмистру, от него к исправнику, но ничего не добились. Вечером 12 марта они снова собрались перед домом горного начальника и просили освободить делегатов. Ни угроз, ни дерзостей, ни вызывающих криков — ничего этого не было. Было видно только, что толпа ошеломлена поведением властей и сосредоточенно хочет уяснить себе его. Горный начальник, выслушав требования собравшихся, заявил им, что с своей стороны он ничего сделать не может: «Все дело зависит от губернатора», и посоветовал обратиться к нему. Тогда рабочие потребовали губернатора и подали ему прошение, в котором ходатайствовали: 1) о сохранении прежних правил, составленных согласно манифесту 1861 года, и 2) об освобождении выборных товарищей. При появлении губернатора толпа сняла шапки. Приняв прошение, губернатор предложил толпе разойтись до утра. Толпа совершенно мирно начала тотчас расходиться».

Вы видите, что рабочие ведут себя крайне сдержанно: они верят, что «начальство» обратит внимание на их просьбу и решит дело по справедливости. А начальство явно глумится над рабочими: точно сговорившись, гг. начальники посылают рабочих друг к другу, и каждый из них заявляет, что «дело от него не зависит».

На следующее утро, 13 марта, в четверг рабочие стали собираться к дому горного начальника, где остановился губернатор. Заметьте это: рабочие собирались не самовольно, а по приглашению губернатора, так как он обещал им дать ответ на их прошение. Собралось до 10 тысяч человек — многие пришли с женами и детьми. Губернатор вышел на крыльцо. Вся толпа сняла шапки и начала просить губернатора: «Ваше превосходительство, явите божескую милость, отмените новые правила». «Молчать, бараны!» орет Богданович. «Не могу я говорить со всеми, выберите депутатов». Снова рабочие поспешно выбирают двух депутатов: Воргунова и Лоськова. Губернатор затем удаляется в квартиру горного начальника, а депутатов ведут на завод, а оттуда в тюрьму. Толпа же рабочих ждет ответа у крыльца. Губернатор долго не выходит, но зато у собора начинают выстраиваться войска. В это время рабочие узнают, что их депутатов опять арестовали. В толпе слышится ропот, и на крыльце снова показывается Богданович и начинает ругаться. Толпа однако держится спокойно и просит только освободить депутатов. К крыльцу подходит жена арестованнаго Филимошкина с двумя девочками, — обращаясь к губернатору, говорит: «Кто теперь будет кормить их? Освободите мужа или возьмите их»... Слова Филимошкиной кажутся, вероятно, страшным преступлением поручику, командующему солдатами: с руганью он бросается на нее, толкает и бьет одну из девочек. Возмущенная мать не выдерживает и отвечает поручику пощечиной. Ропот в толпе усиливается, и Богданович уже не считает себя в безопасности; он поспешно навязывает платок на шпагу и машет два раза. Быстро играют сигнал к стрельбе, и, прежде чем 10-тысячная толпа успела двинуться с места, один за одним раздаются 4 залпа. В то же время из окон, из дверей дома горного начальника, где остановился и завтракал перед тем Богданович, открывается пальба из револьверов и охотничьих

ружей: это заводское начальство после завтрака потешается охотой на людей.

Действие залпов было ужасно. Первый залп, правда, никого не убил на площади (солдаты стреляли через головы толпы), но зато им были убиты: проезжавший неподалеку башкир с двумя лошадьми, старуха, зажигавшая дома лампаду у иконы, и два ученика в городском училище, расположенном на той же площади. Вероятно, за эти то два убийства и положили на гроб Богдановича венок с надписью: «Истинному другу народной школы». Следующие три залпа были сделаны непосредственно за первым в убегающую толпу. И, когда дым рассеялся, на площади остались: 31 убитый и более 250 раненых. И тех и других полиция поспешно подбирает на извозчиков и развозит: раненых по больницам, а убитых на кладбище. В заводской больнице раненых бросают как попало на пол и оставляют без медицинской помощи целых 3 дня; зато околодочные очень внимательно относятся к убитым и тщательно их обыскивают. Полиция надеялась, вероятно, найти у них оружие, чтобы потом можно было обвинить их в нападении на губернатора, а, может быть, прав и кладбищенский сторож, очевидец этого обыска, предполагавший просто, что полиция хочет обокрасть убитых. Во всяком случае, полиция ошиблась в рассчете: в карманах у рабочих ничего не оказалось, и только у одного нашли краюху хлеба и 6 печеных картошек. Эти люди были слишком бедны для того, чтобы иметь деньги, и слишком доверчивы для того, чтобы, отправляясь для переговоров с губернатором, захватить нож для самозащиты.

Стачка окончена. Порядок восстановлен. Богданович доблестно исполнил свой долг: он убил 35 человек и ранил около 300, и все это были совершенно мирные граждане, у которых в руках не было даже хворостин. Какая блестящая победа! Честь и слава доблестному герою!

Теперь правительство может писать свое сообщение, которое должно поведать всей России, что «бесчинствовавшая» толпа рабочих заставила «всеми любимого губернатора» прибегнуть к военной силе. Вы видите теперь, насколько можно верить правительству. Мы еще немного остановимся на его сообщении. Там говорится, что «толпа рабочих осаждала полицейское управление, квартиру ротмистра Долгова и дом горного начальника, у которого выбила стекла и ломала двери, производила выстрелы из револьверов, которыми легко ранены помощник исправника и жандармский унтерофицер Изергин». Все это чистейшая ложь: рабочие часами простаивали перед квартирами этих негодяев и терпеливо сносили их издевательства, а правительство говорит, что рабочие осаждали квартиры. А до чего нелепа выдумка, будто бы рабочие с оружием нападали на дом горного начальника, это показывает следующее. Если бы рабочие действительно хотели нападать, они могли бы прекрасно вооружиться. Тут же неподалеку был арсенал, который охранялся от 10-тысячной толпы всего одним часовым, но рабочие не тронули арсенала. Далее — рабочие сами приготовляют на заводе гранаты: стоило им бросить в дом 1-2 гранаты, и от войска и губернатора не осталось бы ничего, но рабочие этого не сделали. Ни у кого из убитых и раненых не нашли решительно никакого оружия, а между тем окна в доме горного начальника были выбиты, и, — добавим мы, — дверь прострелена несколькими пулями. Кто же сделал это? Послушайте, что говорят об этом сведущие люди, осматривавшие дверь: «часть пульных пробоин идет изнутри наружу, потому что выходные отверстия с расщепом, а входные гладкие». Так это и должно быть, ибо, по показанию самых разнообразных свидетелей, двери крыльца были полуотворены, и если бы стреляли в эти

двери со стороны толпы, то на наружной стороне дверей были бы входные отверстия гладкие, а на внутренней с расщепом. Но этого нет. Кроме того, пробиты насквозь косяки, что могло быть лишь в том случае, когда стреляющий, боясь высунуться из двери, стреляет из-за прикрытия. Дверь эта — беспристрастная свидетельница охоты на людей. По пробоинам нельзя не заключить о том, что изнутри дома кто-то стрелял из охотничьих ружей,— повидимому, штуцеров крупного калибра, — но не из 3-линейной солдатской винтовки»... Правительство говорит, что рабочие легко ранили помощника исправника и жандарма Изергина. Не знаем, действительно ли они были ранены, но если это так, то по всей вероятности в этом виновата их собственная неосторожность.

С тех пор прошло 2 месяца. И вот получается известие: «доблестный герой» этой бойни убит тремя неизвестными людьми. Кто эти мстители—мы так же не знаем, как не знает этого правительство. Но мы не будем удивляться, что мстители нашлись: ведь после мартовских событий в Златоусте осиротели целые десятки семейств. Не будем обвинять родных или друзей убитых рабочих за то, что они отомстили Богдановичу смертью же: это убийство заслуживает оправдания. Не будем и жалеть «доблестного героя».

Но мы жестоко ошиблись бы, товарищи, если бы мы в Златоустовской бойне обвиняли одного Богдановича. Ведь вместе с ним действовала целая свора царских башибузуков: горный начальник Зеленцов, председатель приказа Глепов, жандармский ротмистр Долгов, исправник и еще несколько менее видных негодяев: все они наперерыв друг перед другом старались вывести рабочих из терпения, чтобы найти удобный предлог для избиения. Их старания были безуспешны: рабочие спокойно стояли без шапок перед губернатором, ожидая милостивого ответа. Казалось уже, что Богдановичу не придется убивать людей, но у него неожиданно явился новый союзник, который быстро решил дело в пользу избиения: Богданович вспомнил циркуляр министра Сипягина, изданный два года тому назад: в циркуляре том правительство устами Сипягина говорило, что, раз войска вызваны для подавления «беспорядков», они должны стрелять во что бы то ни стало, — и Богданович отдал приказ стрелять. Теперь вспомните еще раз правительственное сообщение и скажите, разве не очевидно, что правительство укрывает Богдановича, что оно одобряет его варварскую расправу. И Богданович знал, что иначе и быть не может. Он ведь помнил, что, еще едва вступив на престол, Николай II уже благодарил «молодцов фанагорийцев» за то, что они метко стреляли в беззащитных рабочих Орехово-Зуева; он помнил, что князь Оболенский получил орден за убийство крестьян, он помнил целый ряд кровавых убийств беззащитных рабочих, которыми так богато царствование Николая II, и мог ли он сомневаться после этого и не убивать златоустовских рабочих: он ведь знал, что убийство рабочих считается нашим правительством за высший подвиг и за лучшее доказательство преданности царскому престолу. Не удивляйтесь же, когда уфимские дворяне говорят, что Богданович исполнил свой долг. Они правы: Богданович был только исполнителем царских предначертаний.

И теперь мы можем сказать: кровь рабочих в Златоусте не отомщена: главный виновник этого преступления — царское правительство — остается ненаказанным. И если при прочтении телеграммы о смерти Богдановича у кого-нибудь из вас шевельнулось в груди чувство удовлетворения, то не давайте этому ложному чувству убаюкивать свою совесть. Кровью одного

негодяя нельзя искупить кровь ваших товарищей, десятками ежегодно убиваемых правительством. В этой крови повинен не Богданович и не какой-нибудь другой представитель власти, в ней повинно все царское правительство, и, если вы хотите отомстить за нее, уничтожайте не Богдановичей, а самодержавное правительство.

Товарищи, не тратьте свои силы на убийство отдельных слуг царя, не старайтесь потушить свою ненависть к самодержавию в крови одного из его холопов, — это недостойное вас дело. Ваша ненависть должна быть так же велика, как и ваши страдания; она должна разрушить весь современный строй: свергнуть самодержавие и уничтожить порабощение рабочих капиталом. Теперь уже поднято знамя этой мести — красное знамя рабочей социал-демократической партии. Это знамя окрашено кровью ваших товарищей, сложивших свои головы за ваше дело, и оно призывает вас к мести за их кровь; но вместе с тем оно — знамя вашего освобождения, знамя будущей свободы и равенства. Становитесь же, товарищи, в ряды этой партии: она освободит вас от вашего рабства!

Организационный комитет.

Типография «Искры».

II.

Публикуемые ниже документы извлечены из фонда особого отдела департамента полиции, хранящегося в Архиве революции и внешней политики: №№ 1, 6, 7, 12, 13, 14, 16, 19, 20, 21, 22, 24, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 38, 39, 40 из дела № 1000, т. 1, 1903 г., под заголовком: «Лига революционных социал-демократов («Искра» и «Заря»). Организационный комитет, химические письма», — № 2 из дела № 164, 1901 г. «О Надежде Константиновне Ульяновой, рожденной Крупской». № 3 из дела № 825, ч. 9, 1901 г., под заголовком: «Лига революционных социал-демократов («Искра» и «Заря») [1].»—№№ 4, 5, 8, 25, 26, 27, 28, 35, 37 из дела № 1000, т. 2, 1903 г., под заголовком: «Лига революционных социал-демократов («Искра» и «Заря»), Организационный комитет. Исполнительные бумаги».—№№ 9, 10, 11 из дела № 5, ч. 85, л. В, 1898 г., под заголовком: «Преступная пропаганда среди рабочих и распространение среди них воззваний. С.-Петербургский комитет Российской социал-демократической партии.»—№№ 17, 18, 37 из дела № 1000, т. 3, 1903 г., под заголовком: «Лига революционных социал-демократов («Искра» и «Заря»). Организационный комитет. Исполнительные бумаги.» — № 23 из дела № 5, ч. 27, л. Б, 1898 г., под заголовком: «Преступная пропаганда среди рабочих, распространение среди них преступных воззваний. По Донской области».

При подготовке текста документов к печати на перлюстрациях сохранены заголовки оригинала, к прочим же документам заголовки даны редакцией. Слова, написанные в подлиннике с сокращениями, дописаны; пунктуация исправлена, расшифровки имен даны в тексте в прямых скобках.

Публикуемые документы подготовлены к печати М. А. Сыромятниковой.

1.

Копия письма без подписи (а по почерку известной «Кати» [Н. К. Крупская]), Нюренберг, от 4 сентября 1902 г., Эдуарду А., станция Царицыно, Московско-Курской железной дороги, до востребования [1]).

Химический текст.

Ваше письмо повергло нас в полное недоумение. Очевидно, что пишет не Макс. Но кто? Нам необходимо это знать (или, по крайней мере, способ

[1]) На копии имеется след. помета департамента полиции: «Письмо пролежало на ст. Царицыно невостребованным до конца февраля, когда и направлено обратно в Нюренберг».

получения ключа), так как иначе нам трудно отнестись к пишущему с полным доверием. Вы просите литературы. Сообщите, в каком количестве и для какой местности? Дайте адрес для явки — можем доставить. Вообще в интересах дела желательно было бы иметь более обстоятельное письмо. Всего хорошего.

2.

Из справки департамента полиции о революционной деятельности Н. К. Крупской.

В 1898 г. Ульянова (Н. К. Крупская) привлекалась в С.-Петербурге по делу о преступном сообществе «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»; дознанием установлено, что Ульянова устраивала рабочие кружки, причем была посредницей между рабочими и интеллигентами, давая первым руководителей. На основании высочайшего повеления 11 марта 1898 г. Ульянова подлежала высылке в Уфимскую губернию под гласный надзор полиции на три года сроком по 11 марта 1901 года. Постановлением Особого совещания Ульяновой воспрещено жительство в столицах и С.-Петербургской губернии впредь до распоряжения, а в университетских городах и фабричных местностях на один год, считая с 11 марта 1901 г. 12 марта 1901 года за № 27 уфимским губернатором выдан Ульяновой заграничный паспорт. В мае того же года Ульянова выбыла в Австрию и была помещена в циркуляры департамента от 24 апреля и 22 июня 1901 года за №№ 1354 и 2235 на предмет учреждения за ней негласного надзора полиции в случае возвращения ее в пределы России. Проживая со второй половины 1901 г. заграницей, она, под именем «Кати», вела из разных заграничных городов оживленную конспиративную переписку со всеми действующими в России комитетами Российской социал-демократической рабочей партии и занимала центральное положение в заграничной организации «Искры».

3.

Копия письма «Кати» [Крупская Н. К.] из Лейпцига, от 15—20 декабря н. ст. 1902 г., к Марии Николаевне Сергеевой, в Тулу, Нижне-Миллионная ул. д. Насина [Папина?].

Химический текст.

(Места, напечатанные курсивом, зашифрованы [1]).

Дорогие товарищи! Письмо ваше, посланное с оказией, получено. Последний раз мы писали вам 6 октября по новому адресу. Получено ли это письмо? Известите тотчас же о получении этого письма, чтоб мы знали, что адрес действует. Ни плана, ни статьи вашей мы не получили. По какому адресу послано? Мы дали ваш адрес *для явки в Москву*, просили во что бы то ни стало доставить вам литературу, как только она у них будет. Дело транспорта все никак не может прочно встать на ноги, мешает сильно отсутствие общепартийной сильной центральной организации, каждая районная организация, каждая группа старается наладить «свой» особый транспорт, все страшно мешают друг другу, силы тратятся зря, за транспорт хватается всякий совершенно неопытный человек. А людей, годных для постановки дела, совсем не так много. Самое трудное — устройство приемки

[1]) Помета департамента полиции на машинописной копии письма.

в России. Теперь, с образованием Организационного комитета, цель которого — подготовка партийного объединения, есть серьезная надежда на успех. [1]) Ждем скорого ответа. Всего лучшего.

4.

Отношение департамента полиции в Тульское губернское жандармское управление от 15 апреля 1903 г. № 3579.

Совершенно секретно.

В департаменте полиции получены сведения, что в г. Туле существует филиальная группа преступного сообщества «Искра», которая в настоящее время находится в оживленных сношениях с «Московским» и «Организационным» «комитетами» этого сообщества.

Все эти сношения производятся, между прочим, при посредстве проживающей в г. Туле, по Нижне-Миллионной улице, в доме Папина, Марии Николаевой Сергеевой.

Ввиду изложенного департамент полиции имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство обратить особое внимание на упомянутую Сергееву и, приняв меры к тщательному и всестороннему выяснению безусловно негласным путем ее личности и сношений, о последующем уведомить.

За вице-директора З у б а т о в.

За заведующего отделом Т р у ш к о в.

5.

Отношение начальника Тульского губернского жанд. управления в департамент полиции от 7 июля 1903 г. № 1715.

Совершенно секретно.

В дополнение представления моего от 12 прошлого мая за № 1151, имею честь донести департаменту полиции, что проживающая в г. Туле,

---

[1]) Речь идет об Организационном комитете по созыву II съезда РСДРП, вновь сконструировавшемся на Псковской конференции 2-3 ноября 1902 г., в составе И. И. Радченко — от организации «Искры», Е. Я. Левина — от группы «Южного рабочего» и В. П. Краснухи — от Петербургского комитета РСДРП. Путем кооптации в Орг. комитет были введены Ф. В. Ленгник, Г. М. Кржижановский, П. А. Красиков, П. Н. Лепешинский и А. М. Стопани (см. письмо П. Н. Лепешинского в редакцию «Искры», опубликованное в его книге: «На повороте», стр. 128-129, и в № 2 (26) за 1928 г. «Красной летописи», стр. 25). На другой день после конференции Радченко, Краснуха и Лепешинский были арестованы. Позднее в Орг. комитет были кооптированы В. Н. Розанов, Е. М. Александрова, К. Портной (от Бунда), Р. С. Гальберштадт. На пленуме Орг. комитета в феврале 1903 г. были выбраны кандидатами Б. И. Гольдман, А. П. Доливо-Добровольский и Р. С. Землячка (см. письмо Е. Я. Левина в редакцию «Искры» от 27 февраля 1903 г. № 8 (1928 г.) «Пролет. революции», стр. 58-59). Впервые Организационный комитет выбран был на Белостокской конференции в марте 1902 г., но почти все члены его вскоре были арестованы.

Организационный комитет не только подготовлял съезд, но под руководством В. И. Ленина временно выполнял функции Центрального комитета, до образования его съездом. Организационный комитет производил работу по оформлению и перестройке местных организаций, укрепляя искровские организации, борясь с экономистами. Право на выполнение Организационным комитетом общепартийных функций признано было всеми организациями РСДРП, за исключением Одесского и Николаевского комитетов.

по Нижне-Миллионной улице, в доме Дырова, Мария Николаева Сергеева, как установлено агентурным наблюдением, имеет более частые и деятельные сношения: 1) с провизором находящейся на Миллионной улице аптеки Иогансена, Станиславом Францевым Стихоновичем, 2) со своей двоюродной сестрой Евгенией Степановой Сергеевой, проживающей на патронном заводе и служащей конторщицей латунного отделения, и 3) прусской подданной, будто бы, портнихой, Юлией Генриховой Липперман, проживающей по Петровской улице в доме Кронрод, рядом с типо-литографией Савищева и при первоначальных наблюдениях принятой за жену Савищева.

Ведя знакомство и сравнительно редко видясь: 1) с сыном доктора, бывшим студентом Рафаилом Михайловым Здановским, 2) евреем, только что окончившим курс реального училища, Львом Давыдовым Ратницким, сыном проживающего в Туле комиссионера, 3) слесарем из тульских мещан Василием Васильевым Решетовым и 4) фельдшером психиатрического отделения Тульской губернской земской больницы, сыном подполковника Николаем Николаевым Кондыревым — лицами, по всей вероятности, действующими в одном кружке, Сергеева, надо думать, исполняет конспиративные поручения касательно этих лиц через провизора Стихоновича.

Через свою же двоюродную сестру, Евгению Степанову Сергееву, ведущую знакомство с Марией Михайловой Сегалиной, Мария Николаева Сергеева поддерживает деятельные сношения с служащими на патронном заводе, дочерью конторщика патронного завода Зоей Карповой Валериановой и учительницей школы при патронном заводе Софьей Константиновой Засыпкиной.

Кроме всех названных лиц Мария Сергеева знакома также: 1) с фельдшерицей Тульской детской больницы Софьей Ильиной Сахаровой, 2) с дочерью конторщика императорского Тульского оружейного завода Лидией Тихоновой Сахаровой, 3) дочерью заведующего приютом «Ясли» Юлией Сергеевой Глушковой и 4) дочерьми сиделицы казенной винной лавки № 4 на Миллионной улице Варварой и Верой Николаевыми Соболевыми.

Что же касается иногородних сношений, то таковые, надо полагать, Мария Сергеева ведет: 1) с Москвою через Юлию Липперман, так как в квартире этой последней она виделась с некими Евгенией и Еленой Дмитриевыми Хлебниковыми, приезжавшими из Москвы на время около 2 недель, к их двоюродному брату — директору Тульского реального училища Корякину; 2) с Калугой — через тульского мещанина Ивана Петрова Татаринова, заходившего однажды рано утром к Сергеевой в один из своих приездов в Тулу из Калуги, где, по собранным сведениям, он служил некоторое время в колониальном магазине бр. Кануновых, затем ходатайствовал об определении его на службу в управление Сызрано-Вяземской железной дороги и, не будучи принят, уехал к брату своему на станцию Платоновка, Рязанско-Уральской железной дороги; 3) с Петербургом — через посредство приехавшей к ней дней 10 тому назад тульской мещанки Марии Ивановой Стрекопытовой, отец которой, будто бы, служит где-то в Петербурге, получая до 200 руб. жалованья в месяц.

Из родственников или близких знакомых Марии Сергеевой, сношения с которыми этой последней были бы замечены, по Нижне-Миллионной улице в доме Папина никто не проживает. Из живущих в этом доме более или менее подозрительными в политическом отношении представляются конторщик тульского торговца Земцева Михаил Степанов Усачев, смотритель зданий станции Тула Сызрано-Вяземской железной дороги Петр Карлов Страндсберг и дочь надзирателя штыковой мастерской оружейного за-

вода, слушательница фельдшерских курсов при Тульской губернской земской больнице, Антонина Григорьева Успенская, состоящая в близком знакомстве с Надеждой Ивановой Салищевой.

Из знакомых же Усачева и Страндсберга обращают на себя внимание поселившийся недавно в г. Туле, по прибытии из Москвы, будто бы, чертежник, потомственный почетный гражданин Иннокентий Дмитриев Есипов и крестьянин дер. Комоволовой Тульского уезда, Михаил Семенов Шагопаев, навестивший квартиру Усачева и Страндсберга, проезжая на короткое время из Москвы к себе на родину.

Если у Марии Сергеевой имеются сношения с домом Папина, то таковые, надо полагать, ведет она чрезвычайно осторожно, так как до сих пор в таких сношениях, более или менее явных, она не замечена. Возможность же вообще сноситься с проживающими в доме Папина Усачевым и Страндсбергом она имеет как через упоминаемого выше Рафаила Здановского, который знаком с Усачевым, так и через Любовь Федосееву Есипову, жену названного выше Иннокентия Есипова, с которой Сергеева знакома, равно как знакома и с хозяином квартиры, в которой проживают супруги Есиповы, — чиновником акцизного управления Евгением Павловым Поповским. Кроме того эти сношения Сергеева может поддерживать более или менее скрытно через Антонину Успенскую, с которой встречается, как с коллегою по занятиям, в стенах губернской земской больницы.

Неблагоприятных в политическом отношении сведений о всех поименованных лицах до настоящего времени во вверенное мне управление не поступало, за исключением Марии Михайловой Сегалиной, за которой по приезде ее в г. Тулу, согласно отношения от 9 июня 1895 г. за № 1482 начальника Саратовского губернского жандармского управления, учреждено было, ввиду подозрительного ее политического направления, секретное наблюдение, каковым чего либо предосудительного за ней до настоящего времени установлено не было, и Надежды Ивановой Салищевой, участвовавшей в демонстрации на площади перед вокзалом при проследовании через ст. Тула поезда с высланными в пределы Иркутского генерал-губернаторства бывшими студентами и курсистками (донесение департаменту полиции 26 марта 1902 г. за № 581).

Генерал-майор Меллер.

6.

Копия письма с подписью «Мария» [Крупская Н. К.] от 2 марта 1903 г. н. ст., Дармштадт, к Марии Николаевне Сергеевой, Тула, Нижне-Миллионная улица, дом Папина.

Химический текст.

Дорогие товарищи! Ваше письмо и листок № 2, посланные с оказией, вчера получили. Пишите нам по адресу: Herrn Richard Etzold, Pünderplatz, 4, II, München. Этот адрес № 22. Запомните этот нумер. В случае отмены адреса опубликуем: «Адрес № такой-то отменяется». Листка № 1, а также плана и статей, о которых вы писали в предыдущем письме с оказией,

мы так и не получили до сих пор. На какой адрес было послано? Если возможно, пошлите еще раз заказным письмом по вышеуказанному адресу; если неудобно заказным, то простым. Получили ли литературу? Сколько и чего именно? Как распространена? Знаете ли о существовании Организационного комитета? Читали ли заявление? [1]). Как относитесь? Если нет, мы дадим им вашу явку и кто-нибудь заедет к вам. Годна ли старая явка Басовой? Мы слышали, что в вашем городе были аресты. Сообщите о положении дела, о вашем отношении к «Искре». Отчего не присылаете корреспонденций? Что касается Организационного комитета, то до 1 февраля его признали, кроме организаций, по инициативе которых он образован (организация «Искры», Петербургский комитет, «Южный рабочий» и Бунд), Северный союз, комитеты: Московский, Харьковский, Киевский, Ростовский, Екатеринославский, Одесский и Николаевский. Все эти комитеты признали за Организационным комитетом исключительную инициативу в деле созвания съезда, и все (за исключением Одесского и Николаевского) признали за О. К. право писать общепартийные листки, доставлять и распространять литературу и проч. Ну, пока кончаем, ответьте немедленно по получении этого письма. Шлем привет.

7.

Копия письма за подписью на явном тексте «Васса» [Смидович П. Г.], из Берлина, от 5 марта 1903 г., Екатерине Петровне Смирновой, в Петербург, Архиерейская ул., Женский медицинский институт.

Химический текст.

Письмо передать тому, кто переписывается с вами. Дорогой товарищ! Вы даже не знаете, кто переписывается с вами.

Итак еще раз здравствуйте.

Я же писал и те два письма, на которые вы отвечаете. Из последнего вашего письма мне выяснилось, прежде всего, что вы очень мало знакомы с «Искрой» и с ее планами и что вы совсем неверно представляете себе роль ее в революционном движении. Вы не знаете даже, что такое Организационный комитет и как он возник. Все это было разъяснено на страницах «Искры», и ничего нового я в письме писать не могу. Если бы люди читали и знали все это, если бы дали себе труд продумать все это, разве были бы возможны все эти пререкания? Люди, как вы пишете, «сначала примкнули к искровской организации», т. е. стали на известную точку зрения, приняли известную программу и план действий. После того произошли, судя по вашему письму, личные разногласия, и люди снова устранились от этой организации, устранились и снова сели в ту лужу, в которой сидели ранее. Это последнее вытекает из тех заявлений «Рабочей организации», которые напечатаны [2]), и из содержания № 16 «Рабочей мысли» (особенно конец

[1]) Речь идет об «Извещении об образовании «Организационного комитета», напечатанном в № 32 «Искры» от 15 января 1903 г., с заметкой В. И. Ленина об этом заявлении, — см. сочинения Ленина, 2 изд., т. V, стр. 225—227.

[2]) Речь идет о заявлении сторонников старого, более или менее близкого экономизму направления от имени «Комитета Рабочей организации» в сентябре 1902 г., с протестом против соглашения, состоявшегося в июле 1902 г. между Петербургским искровским комитетом и Петербургской «Рабочей организацией», а также о листке, выпущенном «Комитетом Рабочей организации» в октябре 1902 г., где объявлялось, что руководящим органом Петербургского «Союза борьбы» является «Комитет Рабочей организации» (опубликованных в № 30 «Искры», в статье: «Пе-

передовой) [1]). Я уверен, что если бы люди лучше знали, каким образом возник Организационный комитет и какие полномочия даны ему были и к а к были даны эти полномочия, никому не пришло бы и в голову требовать опровержения о согласии Петербургского Комитета по поводу существования и функций Организационного комитета. Каким же иным путем в настоящее время может быть восстановлена партийная организация? Конференция поручила выбранному ею Организационному комитету подготовить съезд [2]). Если не Организационный комитет, то кто же другой будет созывать съезд? С другой стороны, только съезд может восстановить партийную организацию. И сделать это нужно как можно скорее, ибо ни отчего так не страдает революционное движение, как от отсутствия центральной организации и о б щ е г о плана борьбы. Неужели они до сих пор думают, что партийная организация создается только путем объединения демократических рабочих организаций? Но ведь придется ждать того времени, когда они будут созданы, — но ведь уже доказано фактами, что и демократизм при наших условиях ведет только к провокации и провалам. Или и это еще не ясно, может быть?.. Ведь могут же они до сих пор думать, что «Рабочая организация» должна играть руководящую роль в «Союзе» [3]). Да в рамках такой организации и вырабатывается слишком мало революционеров. А они хотят в рамках такой организации выработать целую организацию целой революционной партии!.. Но ведь это абсурд. И все это происходит теперь — в то время, когда всю силу внимания

тербургский раскол», см. «Искра», вып. IV, стр. 62 и 157, изд. Истпарта ЦК ВКП(б). В № 16 «Рабочей мысли» опубликован листок с подписью «Комитет Рабочей организации» от декабря 1902 г., с приветствием группе «Свобода» и редакции «Откликов» за выражение с их стороны сочувствия и готовность оказывать полную поддержку.

[1]) «Рабочая мысль» — с.-д. газета, выходившая в 1897-1902 гг. (всего 16 №№), орган наиболее последовательного и крайнего направления в экономизме.

Передовая статья в № 16, за ноябрь-декабрь 1902 г., под заглавием: «В чем зло нашей жизни» делала след. вывод: «Итак все зло нашей жизни происходит не от наших грехов, не оттого, что мир тесен, а от наших порядков, вернее — непорядков. Для коренного изменения этих порядков нужно совершить с о ц и а л ь н у ю р е в о л ю ц и ю; эту социальную революцию способен и заинтересован совершить только рабочий класс. Но раньше, чем совершить социальную революцию, русский рабочий должен завоевать для России ту политическую свободу, которой в большей или меньшей степени пользуются народы Зап. Европы. И там, на Западе, конечно, рабочий класс угнетается и обирается, но там он может свободно бороться; там у него руки не связаны. Этого и мы должны добиться: мы должны сделать политическую революцию, чтобы подготовить будущую социальную революцию. Все рабочие, которые хотят лучшей жизни, должны бороться за эти цели. Но как бороться? В одиночку нельзя, а все еще не готовы к борьбе. Большинство, впрочем, способно вести борьбу и ведет ее, но за слишком узкие требования; борется не против всего строя, а против некоторых злоупотреблений. Значит, все сознательные рабочие должны будить сознание и в остальных, указывать им на цели борьбы и учить бороться, а для этого всем сознательным рабочим надо объединиться в организации, действовать сообща. Организации в состоянии будут изыскать все средства для пробуждения сознательности всего рабочего класса, побуждать к борьбе и придавать ей широкий характер.

В Петербурге рабочая организация уже существует; надо всеми силами помогать ей вести пропаганду (пробуждать сознательность в товарищах), распространять литературу, агитировать (побуждать к борьбе), писать воззвания, листки и уметь печатать их самим, находить средства для организации, помогать во всех, хотя бы мелких, делах. Тогда наша борьба будет разгораться сильнее и захватит, наконец, всю массу наших товарищей рабочих. А когда поднимется вся масса, мы сделаемся непобедимы».

[2]) Конференция в Пскове 2-3 ноября 1902 г.

[3]) Т. е. в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

надо направить в одну точку, когда всякая минута дорога! И все это произошло потому, что «искровцы», быть может, сделали несколько нетактичных шагов, несколько некрасивых ошибок. Эх, если бы люди понимали громадное значение и стройность новой программы и тактики, они и не обратили бы внимания на все эти мелочи, они все бы силы направили на то, чтобы сплотившись провести в жизнь то новое и живое, что выработала «Искра»!

Если бы знали люди, какие опытные и старые товарищи вырабатывали новую программу, как серьезно и вдумчиво отнеслись они к своему делу! Ведь здесь сосредоточены в высшей степени преданные, умные, талантливые и опытные товарищи, которые годами и годами вырабатывали свою программу и готовились к делу. И если представители их допустили действительно какие либо ошибки (всякий может ошибаться), то действительно преданные делу люди не должны были бы отходить, интересы дела должны были бы отодвинуть на задний план всевозможные личные столкновения и обиды. Если бы они понять могли, до какой степени в настоящее время вредны все эти прения и перекоры и из-за чего! Может быть, я все это не так понимаю. Тогда напишите же поподробнее все, что вы знаете, до самых мелочей. Пишите обо всем, что происходит в Питере. Я передам ваши письма для использования. Что же поделывают зубатовские общества [1]). Что слышно среди рабочих и каково настроение? Сколько и какого рода литературы расходится? Все это, — думаю, — вам очень легко узнать. Что делается в студенчестве? Пишите же и, главное, присылайте выходящие листки и прокламации и все вообще новенькое. Будете присылать — а? Будьте же непременно здоровы и живите. Поняли? Крепко жму лапы. Ваше письмо переслано также тому, чье имя вы проставили на первой странице. Поконспиративнее запишите мой адрес и вообще постарайтесь, чтобы он не попал к тому, кому его знать не следует.

8.

Отношение департамента полиции в Петербургское охранное отделение от 30 апреля 1903 г. № 4060.

Совершенно секретно.

При записке от 18 минувшего марта, за № 2746, вашему высокоблагородию препровождена копия письма от 5 марта, за подписью «Васса», из Берлина в С.-Петербург, к Екатерине Петровой Смирновой, касающегося деятельности «Организационного комитета» и отношений к нему петербургских социал-демократических кружков. Вместе с сим вам было предложено выяснить сношения упомянутой Смирновой, которая является передатчицей этого письма, и установить действительного получателя его.

Ныне получено указание, что автором письма к Смирновой может быть близко стоящий к «Организационному комитету» бывший студент Московского университета Петр Гермогенов Смидович (Василий Иванов Червинский), находящийся теперь в Берлине и проживавший некоторое время в С.-Петербурге.

[1]) Речь идет об организованных начальником Московского охранного отделения Зубатовым рабочих союзах в Петербурге («Общество взаимопомощи фабр.-зав. рабочих») целью отвлечения рабочих от революционной деятельности.

Ввиду развившейся в последнее время деятельности «Организационного комитета», сношения Смирновой, несомненно, соприкасающейся с членами этого «Комитета» и, вероятно, с Петром Смидовичем, приобретают особый интерес и подлежат внимательному изучению.

Вследствие этого предлагаю вашему высокоблагородию обратить особое внимание на исполнение поручения, возложенного на вас запискою за № 2746, и добытые вами сведения относительно Смирновой и действительного получателя письма поспешить представить мне. При этом также прошу мне представить, имеются ли во вверенном вам отделении сведения, и какие именно, о сношениях Смирновой с Петром Смидовичем в бытность последнего в столице.

И. д. директора Лопухин.

9.

Копия письма с подписью «Комаров» [Королев Н. А.] (на явном тексте), Петербург, от 19 марта 1903 г., к Сергею Артемьевичу Попцову, Варшава, Долгая ул., управление Привислинских железных дорог, мобилизационный отдел.

Химический зашифрованный текст.

Ваши письма мы получили. Организационному комитету мы потому отказываем пользоваться типографией, что он уже теперь берет на себя функции центра партии, а мы таковым его не считаем, так как вовсе не представлены в нем. Мы не можем одобрить тактики захвата и натиска, как это практикует Организационный комитет.

Для нас Организационный комитет это частная группа, которая, конечно, может на себя взять созыв съезда, но это не есть центральная общероссийская организация, которая от своего имени выпускает майские прокламации для целого севера. Майские листки мы вам на-днях вышлем. С Организационным комитетом у нас в данное время нет никаких отношений, и из них никто больше не приезжал. Теперь стачка на фабрике механической обуви; брожение на резиновой. Возможна местная демонстрация. Закрыты университет, Женский медицинский институт, Бестужевские высшие женские курсы, Горный институт за сходки.

Пишите старательнее, а то во многих местах нельзя разбирать слов. Другого шифра совсем не разобрали. Нехорошо разобрано то место, где говорится о легальных и нелегальных книгах. Данный вам листок манифеста еще не получен.

10.

Отношение департамента полиции в Петербургское охранное отделение от 31 марта 1903 г. № 3178.

Препровождая у сего совершенно доверительно копию полученного агентурным путем письма от 19 сего марта, за подписью в явном тексте «Комаров», из С.-Петербурга в Варшаву, к Сергею Артемьеву Попцову, предлагаю вашему высокородию принять меры к выяснению личности и сношений автора этого письма и о последующем мне представить.

При этом присовокупляю, что, судя по системе шифра, препровождаемое письмо написано лицом, прикосновенным к деятельности преступного сообщества «Искра».

И. д. директора [подпись].

11.

Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 23 июня 1903 г. № 217.

Совершенно секретно.

Вследствие предложений от 31 марта, 2 и 28 апреля за №№ 3178, 3257 и 3954, имею честь доложить вашему превосходительству, что сведения о большой типографии, сообщаемые «Комаровым» Попцову в Варшаву, несомненно, относятся к арестованной 10 апреля сего года типографии в Апраксинском переулке.

Что же касается «Малой типографии», для постановки которой предполагалось пригласить техников из Варшавы, то эти указания, повидимому, могут относиться к имевшим место нынешней весной переговорам ныне привлеченного к дознанию при С.-Петербургском губернском жандармском управлении по делу об организации «Искры» Ицки Шмуйлова Рабиновича с некоторыми рабочими, которые намеревались, при помощи знакомых им наборщиков, собственными средствами поставить маленькую ручную печатню.

Докладывая об изложенном вашему превосходительству, считаю долгом присовокупить, что дальнейшее обследование преступной деятельности «Комарова», под псевдонимом которого, по агентурным указаниям, действует студент Электротехнического института Николай Алексеев Королев, известный отделению по сношениям с Петрашкевичем и Тарасовым, производится, и о результате розыска будет представлено вашему превосходительству дополнительно.

Титулярный советник Л. Квицинский.

12.

Копия письма без подписи, Тифлис, от 22 марта 1903 г., г-же Дорадзе, Медицинская школа, Женева.

Химический текст.

Объединение комитетов в Тифлисе, Батумского и Бакинского в один Союзный комитет состоялось на-днях. Союзный комитет принял огромным большинством программу «Искры» и «Зари». Установлена тесная связь между Союзным комитетом и Росс. с.-д. рабочей партией [1]). Проект Организационного комитета принят [2]). Насчет громогласных заявлений некоторых лиц, что-де нам не поставить пролетариат Кавказа на ноги, пока Росс. с.-д. рабочая партия не обещает Кавказу автономию, или что-то в этом роде, нужно сказать, что эти господа ничего общего с здешними организациями не имеют, и Союзный комитет не только не согласен с ними, даже их не знает.

---

[1]) Кавказский с.-д. рабочий союз образован на первом съезде кавказских с.-д. организаций в Тифлисе в марте 1903 г. В состав избранного Кавказского Союзного комитета вошли: Миха Цхакая, Ф. Махарадзе, С. Джибладзе, И. Сталин, Аршак Зурабов.

[2]) Речь идет о проекте устава по созыву съезда, принятом на пленуме Орг. комитета в феврале 1903 г. и разосланном во все организации для рассмотрения. См. протоколы II съезда РСДРП (2-е издание), приложение VI, стр. 445—447.

Следовательно, они говорили так громко лично от себя. О происшедших недавно демонстрациях в Тифлисе, Баку и Батуме будет особая корреспонденция [1]).

13.

Копия письма с подписью: «Адель» (Леонтьев) [Гольдман Б. И.], из Москвы, от 4 апреля 1903 г., к дантисту Якову Осиповичу Фрейфельду, в Харьков, Екатеринославская ул., д. № 6.

Химический текст.

Все, что вы послали с оказиями, я получил и все поручения исполнил. Я связался со всеми комитетами Центрального района и «Северным союзом» [2]). Все они приняли проект устава целиком. Я виделся с И. [«Игнат»—Красиков П. А.] и знаю о перенесении Бюро, но не имею ни явок, ни адресов [3]). Вам я пишу в третий раз, послал сто рублей. Жду списка полноправных комитетов. Кстати: Тульский [комитет] и Брянский [комитет] полноправны по всем статьям, Тверь же входит в «Северный союз». Вопросник тоже разослан во все места моего района [4]). Здешние дела поправляются, возникают новые связи, предстоит соединение с самостоятельными группами. 50 рублей из провинции, о которых я сообщал в прошлом письме, оказывается, посланы не были.

14.

Копия письма с подписью «Леонтьев» [Гольдман Б. И.], из Москвы, от 4 апреля 1903 г., к К. Тар [Тахтарев К. М.], Лондон, 20. Redgent Square.

Химический текст.

Дорогие друзья! Вы, очевидно, не все получили мои письма, так как в 35 № [«Искры»] нет в отчете еще 100 рублей для Организационного комитета [5]). Повторяю еще раз: из Харькова, для О. К. 40, 30 и 30 рублей. Бюро [Организационного комитета] перевезено. Там теперь Жак [6] [Але-

[1]) Корреспонденции о демонстрациях в Баку, Тифлисе и Батуме помещены в № 37 «Искры» от 1 апреля 1903 г. См. издание Истпарта ЦК ВКП(б) «Искра», вып. V, стр. 157-158.

[2]) «Северный союз РСДРП», или «Северный рабочий союз» возник летом 1901 г. и руководил деятельностью с.-д. организаций в Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме и Владимире. После II съезда РСДРП Союз был переименован в «Северный комитет РСДРП»; в июле 1905 г. на конференции в Костроме он был ликвидирован, и на место его встали отдельные комитеты: Иваново-Вознесенский, Костромской, Ярославский.

[3]) Бюро Орг. комитета находилось в Харькове и только к 25 марта 1903 г., ввиду угрозы ареста, переведено было в Киев. См. письмо редакции «Южного рабочего» редакции «Искры» в Лондон от 25 марта 1903 г. в «Пролет. рев.» № 8 (79), стр. 61.

[4]) Речь идет о статье Ленина, написанной им в январе 1903 г. «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду». (См. Соч. Ленина, т. V, стр. 212—219).

О том, что «вопросы Ленина изданы и рассылаются комитетам», сообщает редакция «Южного рабочего» в письме в редакцию «Искры» от 7 марта 1903 г. См. «Пролет. рев.» № 8 за 1928 г., стр. 60.

[5]) В № 34 «Искры» в отчете сообщается о получении «для Орг. комитета 200 марок».

[6]) «Жак, как усматривается из химических писем, находится в данное время в Киеве» (примечание на департаментской копии письма).

ксандрова Е. М.] и будет, вероятно, Игнат [Красиков П. А.], но я не имею еще ни адресов, ни явок). Одновременно посылаю вам корреспонденцию и 5 разных прокламаций, а также глупейшую брошюру «Письмо матроса». В Ростове провал, нужны люди. Нужны они и в Питере. Нужны будут и здесь. Здесь дела поправляются. Предстоит соединение с самостоятельными группами и расширение связей. Литература Организационного комитета будет распространяться. Я отсюда, вероятно, еще раз напишу. А пока до свидания, друзья мои; всего хорошего. Привет всем.

15.

Отношение департамента полиции на имя заведующего заграничной агентурой от 13 апреля 1903 г. № 3499.

Совершенно секретно.

Препровождая у сего совершенно доверительно, для сведения и соображений, копию полученного агентурным путем письма от 4 сего апреля, за подписью «Леонтьев», из Москвы в Лондон, к Т. Тар, имею честь уведомить ваше превосходительство, что по указанному адресу производятся сношения деятелей преступного сообщества «Искры».

За вице-директора З у б а т о в.

16.

Копия письма с подписью «Землячка» [Залкинд Р. С.], Екатеринослав, от 6 апреля, г-ну Рабиновичу, для А. [Анна Вайсман?], Одесса, Еврейская улица, дом № 8.

Химический текст.

Дорогие! На-днях сообщу вам по тому же адресу, и будет можно писать, адрес... [?] сейчас не могу сообщить потому, что не знаю еще. Емельян сообщит вам, в каком городе я нахожусь. Жму крепко руки. Передайте, пожалуйста, письмо Емельяну. Ваша З е м л я ч к а.

Емельяну.

Дорогой товарищ! Если Шварц со своей спутницей еще не заняты, то не согласятся ли они заняться своей функцией для здешнего комитета, который крайне нуждается теперь в людях именно с этим амплуа? Узнайте от них немедленно, согласны ли они, и если согласны, то пусть выедут немедля. Явку укажет им ваш молодой приятель. Если они не выедут, тогда пусть ваш приятель напишет по тому адресу, по которому он сообщал о моем приезде сюда. Юрий [«Южный рабочий»] теперь, повторяю, крайне нуждается в этих людях. Конфликт продолжается, пусть приедут хоть на время для улажения конфликта [1]). Акулина [типография] не действует, не имея хозяев, и мы бессильны бороться с конфликтом. Быть может, найдете кого-нибудь другого для этого амплуа. Торопитесь только. Саша здесь бы очень пригодился, но нечем его содержать, все живем впроголодь, без своего угла. Денег никаких. Вообще скверно до отчаяния. Конфликту

[1]) Речь идет о происшедшем весной 1903 г. конфликте в Екатеринославском комитете РСДРП, поведшем к распадению его на две отдельные, враждовавшие между собой, организации, причем одна из них лишила другую типографии. Этот конфликт был ликвидирован, и месяца через полтора единство комитета восстановлено.

конца не вижу, хотя и подобран комитет недурно. У вас рай в сравнении с здешними делами.

В следующий раз напишу обо всем подробно и сообщу адрес для писем, а пока всего лучшего, обнимаю вас крепко и горячо жму руки. Если бы вы знали, как хочется поскорее узнать, что у вас хорошего! Не знаю сейчас, к сожалению, адресов, по которым вы могли бы написать мне.

Если Шварц не согласится, обратитесь к «Платомаху» [?], быть может, у него найдется кто-нибудь.

17.

Отношение департамента полиции в Петербургское охранное отделение от 2 сентября 1903 г. № 8076.

Совершенно секретно.

В половине апреля сего года в сферу наблюдения Екатеринославского охранного отделения вошла приехавшая из Одессы в Екатеринослав интеллигентка, именовавшаяся среди своих революционных товарищей «Софьей Михайловной» и «Землячкою» и известная по наблюдению под кличкою «Муха». По установке ее личности, она оказалась домашней учительницей Зинаидой Ильиной Трелиной, 33 лет, проживающей по паспорту, выданному Ревельской городской полицией 22 декабря 1899 г. за № 158.

Упомянутая Трелина явилась в г. Екатеринослав в качестве представительницы «Организационного комитета», деятельно агитировала в его целях среди местных социал-демократических кружков и, поддерживая оживленные сношения с означенным «комитетом» и с заграничными его представителями, находилась, кроме того, в сношениях с Одесским и Киевским «комитетами» «Российской социал-демократической рабочей партии». При ближайшем и руководящем участии Трелиной была поставлена в г. Екатеринославе типография «Организационного комитета», арестованная в ночь на 22 мая сего года в квартире виленских мещан супругов Израиля и Сары Кушелей (одновременно с которыми были арестованы Дебора Щеголева, студент Лейба Ханин, наборщик Вениамин Гинзбург, Рейна Ризберг и Керпель Эпштейн). Незадолго до ареста этой типографии Зинаида Трелина скрылась из Екатеринослава.

Ныне получены сведения, что в первых числах июня Трелина ездила в гор. Ревель к своей матери, постоянно там проживающей, и вместе с нею выехала 7 июня в С.-Петербург, где поселилась в качестве учительницы в каком-то семействе, жившем в то время на даче близ столицы.

Зинаида Ильина Трелина имеет братьев: Аркадия, акцизного чиновника в гор. Вейсенштейне, и Сергея, живущего в гор. Везенберге, и сестер: Меланию, которая замужем за помещиком, живущим в гор. Киеве, Антонину, по мужу Головкину, жену военного врача, и Веру, девицу, привлекавшуюся в 1900 г. к дознанию в г. Ревеле и живущую, повидимому, в С.-Петербурге.

Сообщая о сем, предлагаю вашему высокоблагородию выяснить, проживает ли в настоящее время Зинаида Трелина в С.-Петербурге, и в утвердительном случае, включив вами розыск [1]), тщательно собрать сведения о

[1]) Так в подлиннике.

ее деятельности и сношениях. В случае выбытия ее из столицы предлагаю вам собрать справки, у кого именно она проживала в июне сего года, и осветить при этом личности и сношения ее бывших квартирохозяев.

О следующем прошу мне представить.

К сему присовокупляю, что Зинаида Трелина имеет, по всей вероятности, непосредственные или, во всяком случае, — посредственные связи с теми революционными деятелями и группами, на которых содержатся указания в письмах, копии коих препровождены в охранное отделение при записках от 18 марта, от 2, 14, 18, 28, и 29 апреля, от 13 мая и от 3 июня сего года за №№ 2746, 3260, 3513, 3673, 3955, 3992, 4614, 4617 и 5234.

И. д. директора З у е в.

18.

Отношение департамента полиции в Одесское охранное отделение от 4 сентября 1903 г., № 8151.

Совершенно секретно.

Вследствие записки от 28 июня сего года за № 974 разъясняю вашему высокоблагородию, что бывший студент Новороссийского университета Александр Борисов Шварц, упомянутый в предложении от 13 марта сего года за № 2620 и принадлежащий, по вашим сведениям, к Одесской группе «партии социалистов-революционеров», не имеет отношения к упоминаемым в письмах «Землячки» от 6 и 27 апреля социал-демократам «Шварцу и его спутнице», личности коих вам было предложено выяснить записками от 14 апреля и 4 мая за №№ 3516 и 4235. Эти лица, как видно из писем «Землячки», действительно, выехали в апреле сего года из Одессы в Екатеринослав и поставили там для «Организационного комитета» типографию, в помещении которой, в ночь на 22 мая, они были арестованы. По установке их личностей «Шварц и его спутница» оказались мещанами Азриелем Берковым и Сурой Мовшевой Кушелями.

Помимо названных лиц, установка которых, ввиду их отъезда в Екатеринослав, выходила за пределы ведения вверенного вам отделения, представлялось весьма важным выяснить, кому Анна Вайсман, установленная вами получательница писем по адресу Рабиновича, передавала те письма и сообщения «Землячки», которые предназначались последнею для «Емельяна». При этом установка второго получателя писем «Землячки», к которому, повидимому, она находилась в более серьезных конспиративных отношениях, чем к Анне Вайсман, дала бы, вероятно, указания для выяснения личности «Норы», «Корнея» и других данных, содержащихся в ее письме.

По объяснению, представленному в записке за № 974, выяснить «Емельяна» оказалось невозможным, так как наружное наблюдение за Анной Вайсман не дало указаний на знакомство ее с мужчинами, которые назывались бы этим именем. Между тем внимательное чтение писем «Землячки», освещаемое знанием существующих форм и способов конспиративных сношений, заставляло бы думать, что обращение «Емельян» не может быть чьим-либо подлинным именем, из письма «Землячки» от 16 мая, кроме того, видно, что это имя служит псевдонимом целой группы лиц.

Предположение же вашего высокоблагородия о том, что автор писем называет иногда «Емельяном» Анну Вайсман с целью запутать лиц,

могущих прочитать направляемую к ней корреспонденцию, не имеет никаких оснований.

Приходя вследствие изложенного к заключению, что изучение весьма существенных данных, содержащихся в письмах «Землячки», направлялось вами по ложному пути, предлагаю вашему высокородию вновь подвергнуть эти данные самой тщательной разработке согласно ныне полученным разъяснениям. При этом вы должны иметь в виду, что большинство этих данных, не поддающихся по их существу первоначальному обследованию наружным наблюдением, подлежит выяснению агентурными способами, и лишь по получении более или менее определенных агентурных указаний таковые должны быть проверены и в дальнейшем разработаны средствами наружного наблюдения. Вместе с тем вы должны обратить внимание на то, не находится ли и в настоящее время Анна Вайсман в сношениях с Зинаидой Ильиной, Трелиной, которая в июне сего года находилась в Ревеле и затем в Петербурге.

О последующем прошу мне представить.

И. д. директора [подпись].

19.

Копия письма без подписи (по почерку «Катя» [Крупская Н. К.] — автор писем на имя артиста Качалова и доктора Шаркезича), Лондон, от 7/20 апреля 1903 г. по н. ст., Москва, Кузнецкий мост, банкирская контора Юнкера, Константину Петровичу Давыдову.

Химический текст.

Получили ваши письма от 20, 21 и 26 марта, не разобрали одного адреса для писем и одного для конвертов. Отмененный адрес для явки дали Дорофееву [?], о котором писала Адель [Б. И. Гольдман] — человек будет полезен во многих отношениях, обучен новому способу воспроизводства. Не имеем уже возможности известить его о перемене адреса. Дали также этот адрес и..... [1]). Он также обучен новому способу и имеет все нужное для его постановки. Адрес № 11 меняется так: Генриху Ленгес, Фурманштрассе, 12, Дармштадт. Вещица Каменского («Чу, шумит, гудит») получена. О «Воспоминании» (Воспоминание молодого революционера) не могу ничего написать определенного. Сейчас получили письмо от Адели [Гольдмана Б. И.] [2]). Передайте ей следующее. Пусть пишет первым способом, а то второй она так путает, что ничего нельзя понять. Письмо Заломова [3]) и заявление Иркутского комитета нами получено [4]). Относительно Питера: отколовшаяся группа посылала за границу своего делегата, который ездил по всем организациям в качестве представителя от Петербургского комитета

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Письмо «Адели»-Гольдмана от 5 апреля 1903 г. см. «Пролет. революция» № 6-7, 1928 г., стр. 133.

[3]) Речь идет о письме сормовского рабочего Заломова, одного из осужденных за участие в демонстрациях 1 и 5 мая 1902 г. в Нижнем-Новгороде, изданном Нижегородским комитетом РСДРП в феврале 1903 г. под заголовком «Письмо товарища». Оригинал на мимеографе хранится в Архиве революции и внешней политики, отд. печати, № 8935.

[4]) Заявление Иркутского комитета РСДРП в феврале 1903 г. о признании «Искры» руководящим органом опубликовано было в № 37 «Искры». См. «Искра», изд. Истпарта ЦК ВКП(б), вып. V, стр. 166.

и наделал немало скандала. Мы держались с ним сдержанно, но не враждебно. Хотелось как-нибудь уладить раскол, разъяснили ему кое-что, написал он письмо в Организационный комитет с просьбой прислать делегата для улажения конфликта. Поскольку мы можем судить, с этой публикой трудно кашу варить. Наши, должно быть, вполне правы, мы всецело на их стороне, отколовшаяся публика довольно-таки несуразная [1]). Шлем привет и просим продолжать писать. Бывайте здоровы.

20.

Копия письма без подписи, Харьков, от 12 апреля, торговому дому «Вайнштейн и Левин», Одесса.

Химический, частью зашифрованный, текст.

Чтобы иметь возможность своевременно составить надлежащий бюллетень о майских днях, Организационный комитет просит вас аккуратнее писать ему о всем происходящем. Было бы очень хорошо, если бы, начиная с 19 апреля, вы писали каждые три дня, даже в том случае, если ничего не произошло, чтобы Организационный комитет, по крайней мере, был уверен в целости комитета. Особенно просим вас ответить на следующие вопросы: 1) в чем выразилось усиление агитации в предмайское время, 2) когда именно (начиная с апреля) и какие распространялись издания и в каком количестве, 3) каково было настроение рабочих и как были встречены прокламации, 4) что распространялось кроме прокламаций, 5) были ли аресты? Если возникнет стачка или демонстрация, Организационный комитет просит сообщать немедленно, не ожидая, пока получатся подробные и точные сведения. Просим особенно обратить внимание на быстроту. Передайте то же в Николаев и Кишинев и убедите их быть аккуратными и писать, даже если ничего не случится. Передайте им и новый адрес для писем: Киев, Крещатик, ювелирный магазин Носкина, Слуцкому.

Прежние адреса сохраняют силу только для группы «Ю. Р.» [«Южный рабочий»] [2]). Пишите же непременно и аккуратно.

21.

Копия письма без подписи, из почтового вагона Москва—Нижний, от 12 апреля 1903 г., В. С. Клюзе, Лондон, 62, Mildmay Grove Islington.

Химический текст.

Видел питерскую компанию. Прежде всего о своих делах. Питерцы попрежнему готовы воспользоваться совам..... [3]). Я им рассказывал о прачечной. Говорят, что для них не подойдет. У меня было свидание с представителем «Рабочей организации». Говорили об их отношениях к Организационному комитету. Теперь Петербургский комитет согласен поделить с ними

---

[1]) Речь идет о комитете «Рабочей организации» в Петербурге. См. примечание I к документу № 7, стр. 44.

[2]) Группа «Южный рабочий» — с.-д. организация на юге России, издававшая в 1900-1903 гг. газету «Южный рабочий», имевшая значительное влияние на юге России. После II съезда РСДРП организация «Южного рабочего» была распущена и газета ликвидирована.

[3]) Так в подлиннике. «Совы» — матрицы.

голоса, то [1]) с этой стороны затруднений не предвидится. Рассказывал о проекте устава; они не хотят согласиться с пунктом об обязательности решений съезда для его участников. Если этот пункт пройдет (а это несомненно), то они намерены отказаться от участия в съезде, — и взгляд на положение партии таков: никакой единый руководящий орган в партии невозможен. Возможно лишь временное сношение [1]) и связи между комитетами (своего рода теория свободной любви). Впрочем, они не надеются, что к съезду настроение изменится. Из заграничного союза пишут, что «Искра» готова на какие-то уступки. При этом намекают на какие-то разногласия между Плехановым и Лениным. Я предложил им выразить литературные их взгляды на задачи съезда. Они таковы, что вызовут всеобщие отрицательные отношения и помогут нам. Затем [представитель] «Р[абочей] о[рганизации]» обещал сообщить рабочим кружкам извещение Организационного комитета о своем возникновении. Ну, пока до свидания, остальное потом.

22.

Копия письма без подписи, из Ростова-на-Дону, от 17 апреля 1903 г., фельдшерице Кугелевой, Киев, Еврейская больница.

Химический текст.

Последнее письмо было отправлено еще на харьковский адрес. Спешу предупредить, что цифра, обозначающая страницу ключа, наверху страницы, составлена сложением числителя и знаменателя, а их просто нужно проставить рядом, например: $^2/_5$ будет 25 страница.

О подготовке к маю много сообщить не могу. Как вы, вероятно, знаете, мартовская демонстрация повлекла за собой серьезные аресты. В комитет вошли новые лица, что, конечно, несколько затормозит работу [2]). Я думаю, что другим комитетам мы, конечно, не уступим, но могли бы сделать значительно больше.

За апрель месяц выпущены: 1 апреля — прокламация по поводу брошюры генерала Богдановича, усиленно распространяемая в народе [3]), 7 апреля — прокламация о социализме — предмайская, 15 апреля — о политической сходке — предмайская. Печатается о демонстрациях — тоже предмайская — и намечены: «Майский праздник», «К военным», «К береговым рабочим» и, вероятно, еще 1-2, если технические условия позволят; печатается все в количестве 5-6 тысяч.

Остается еще, под самый конец, майский листок Организационного комитета, уже уже [4]) давно напечатан. Подробный отчет мы дадим потом. Что касается настроения, то, в общем, чувствуется возбуждение, но не решусь сказать, насколько оно охватило серую массу. О демонстрации масса самых различных толков не только в городе, но и в окрестных деревнях, слухи доходят в тюрьму, куда тоже просят прокламаций. В обществе несколько боятся, в особенности евреи после Кишинева.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Т. е. Донской комитет РСДРП в Ростове на Дону. Во главе комитета в начале 1903 г. стояли М. Балабанов, С. И. Гусев (Драбкин), А. С. Локерман.

[3]) Речь идет о листовке Донского комитета РСДРП от 1 апреля 1903 г.: «К рабочим Ростова и Нахичевани. Ответ книжке [sic!] генерала Богдановича: «На добрую память».

[4]) Так в подлиннике.

Нужно предполагать, что демонстрация не удастся (назначена на 1 мая по-русски), так как принимаются экстренные меры со стороны администрации. Вчера прошел слух, что не батальон, а целый полк приходит 19 апреля [1]).

23.

Отношение департамента полиции в Донское охранное отделение от 30 апреля 1903 г. № 4071.

Совершенно секретно.

В дополнение записки от 23 февраля сего года за № 1715, уведомляю ваше высокоблагородие, для соображений при производимом вами розыске, что кроме известных вам Александра и Розалии Локерманов в состав «Донского комитета», по вновь полученным сведениям, входят Семен Итин, Ширман, по имени Михаил или Александр, и Драбкин, находящийся ныне в Женеве, но предполагающий возвратиться вскоре в Ростов на Дону. Кандидатом в члены «Донского комитета», может быть, уже вошедшим в его состав, является Парамонов, сын одного из местных капиталистов, который прежде заведывал кассой Ростовского кружка для сбора денег в пользу политических ссыльных и заключенных.

К сему присовокупляю, что сообщенными сведениями вам надлежит пользоваться с крайней осторожностью, имея в виду охранение агентурного источника.

И. д. директора Лопухин.

24.

Копия письма с подписью «Жак» [Александрова Е. М.], Киев, от 20 апреля 1903 г., Юлии Викторовне Громовой, Самара, Троицкая ул., собственный дом.

Химический текст.

Вы не разбираете моих писем, а мы ваших. Последнее письмо к Косте [Гальберштадт Р. С.] разобрано не все, а письма к Юрию [Е. Я. Левин] совсем не могли разобрать. Поэтому шифрую по тому ключу, который установлен Лукой [?].

Игнат [Красиков П. А.] просит передать вам следующее: если явится Лиза [Леман М. Н.] в назначенное время в условленное место, то она должна стать в зависимое и подчиненное положение к Игнату; он просит также напомнить вам, что дело, которое вы теперь поручили Лизе, с вашего же согласия было поручено Игнату. Дело идет о деньгах.

Я лично не объявляю [2]) по поводу Лизы, отчество [2]) не имеет важности, но, повторяю, очень огорчена была ее появлением и той назойливой развязностью (простите), которая ей присуща вообще, а здесь проявилась в особенности. Мы о ней еще поговорим. Мы просим (5 членов) [Организационного комитета] вас передать местной организации, что считаем крайне важ-

[1]) См. корреспонденцию о предмайской демонстрации 26 апреля в Ростове на Дону в № 40 «Искры», изд. Истпарта ЦК ВКП(б), вып. VI, стр. 61.

[2]) Так в подлиннике.

ным получить ответы на следующие вопросы. Ответы должны быть переданы своевременно и, во всяком случае, не позднее 6 мая, в крайнем случае,— 10-го.

1) Когда именно праздновалось 1 мая, 2) была ли демонстрация, или забастовка, или то и другое, 3) как подготовлялось 1 мая: а) были ли выпущены листки, прокламации, воззвания (число их), б) были ли предварительные агитационные собрания? Число их. Сколько приблизительно рабочих было пропущено через них? 4) Как была организована демонстрация? Был ли выработан план, назначены руководители? Было ли организовано отбивание арестованных у полиции? 5) Число организованных демонстрантов, состав их (ремесленные, заводские рабочие). 6) Продолжительность демонстрации. 7) Знамена. 8) Участие других революционных организаций. 9) Как держала себя полиция? 10) Как держала себя посторонняя публика? 11) Было ли подготовлено к демонстрации общественное мнение и чем именно? 12) Были ли аресты массовые и единичные? 13) Настроение рабочих во время демонстрации и после нее. 14) Настроение общества. 15) Понесла-ли урон местная организация (как последствие демонстрации) и насколько он серьезен? 16) Была ли забастовка общая или частичная и где именно? 17) Подготовка ее: листки, прокламации, собрания. 18) Число забастовавших. 19) Их тактика и настроение. 20) Формальный повод забастовки. 21) Требования. 22) Последствия забастовки. 23) Чем руководствовалась организация, выбирая тот или иной способ празднования, т. е. подчинялась ли она в данном случае настроению среди рабочих или иным соображениям? Если не было ни демонстраций, ни забастовок, то почему?

25.

Отношение департамента полиции в Самарское губернское жандармское управление от 24 апреля 1903 г. № 3862.

Совершенно секретно.

В департаменте полиции получены сведения, что в Самарской губернии существует социал-демократическая группа, находящаяся в сношениях с «Организационным комитетом» преступного сообщества «Искры», главные деятели которого проживают в настоящее время в г. Киеве.

Эти сношения производятся, между прочим, при посредстве Юлии Викторовой Громовой, проживающей в г. Самаре, по Троицкой улице, в собственном доме, причем в кружок Громовой вошло недавно лицо, известное в революционной среде под именем «Лизы».

Сообщая об изложенном, департамент полиции имеет честь просить ваше высокородие принять меры к тщательному и всестороннему выяснению сношений упомянутой Громовой, а равно к выяснению личности и сношений «Лизы» и учредить за ними осторожное и безусловно негласное наблюдение.

О последующем департамент ожидает вашего уведомления.

И. д. директора Лопухин.

Заведующий особым отделом Трушков.

26.

Отношение департамента полиции в Самарское губернское жандармское управление от 13 мая 1903 г. № 4666.

Совершенно секретно.

В дополнение к отношению от 24 минувшего апреля за № 3862 департамент полиции имеет честь уведомить ваше высокородие, что к числу лиц, содействующих сношениям местной социал-демократической группы с «Организационным комитетом», принадлежит также Дмитрий Игнатьевич Кузнецов, проживающий в г. Самаре, по Троицкой улице, в д. № 12. Названный Кузнецов близок с активным деятелем Самарской группы, носящим фамилию «Сидорова», причем департаменту пока неизвестно, есть ли это действительная фамилия упомянутого деятеля или только его революционная кличка.

Сообщая об изложенном, департамент полиции покорнейше просит ваше высокородие выяснить личность и сношения сказанных Кузнецова и «Сидорова» и о последующем уведомить.

И. д. директора Лопухин.
Заведующий особым отделом Трушков.

27.

Донесение Самарского губернского жандармского управления в департамент полиции от 31 мая 1903 г. № 2530.

Секретно.

Вследствие предложения от 13 сего мая за № 4666 имею честь донести, что Дмитрий Игнатьев Кузнецов находится в близком знакомстве и постоянных сношениях с Федором Ивановым Сидоровым, к каковому и нужно отнести лицо, упоминаемое в вышеназванном предложении под фамилией «Сидорова».

Знакомство и сношения этих лиц нижеследующие: у некоего молоканина Ивана Ефимова Рябова, проживающего в г. Самаре, был свой кирпичный завод, каковой он в апреле 1902 г. сдал другому лицу. На заводе этом служили: Сидоров — машинистом, а Кузнецов — приказчиком. Кузнецов и Рябов ежедневно с 22 по 25 мая посещали ученика 8 класса самарской гимназии Александра Скольненкова, прибывшего в г. Самару 21 мая из Ялты и выбывшего 25 мая на какой-то хутор близ гор. Уфы к своему отцу, управляющему имением. Впоследствии Сидоров служил на железной дороге в г. Самаре, и его квартиру часто посещали неизвестные лица, просиживавшие до поздней ночи; 20-го же сего мая Сидоров выбыл в гор. Уфу и поступил машинистом на железную дорогу.

Полковник Добрянский.

28.

Отношение департамента полиции в Одесское охранное отделение от 13 июня 1903 г. № 5726.

Совершенно секретно.

Препровождая у сего совершенно доверительно копию полученного агентурным путем письма от 20 минувшего мая, от «Луки», из Киева в Одес-

су, к Софии Бабаджан, предлагаю вашему высокородию, собрав сведения о ее деятельности и сношениях, выяснить действительного получателя письма.

О последующем прошу мне представить.

К сему присовокупляю, что автором письма является один из членов «Организационного комитета».

И. д. директора Лопухин.

29.

Копия письма без подписи, Лондон, от [20 апреля] 3 мая н. ст., [«Катя»], она же «Таня» [Крупская Н. К.], Жану Кульману, банкирская контора Юнкера, Москва, Кузнецкий мост.

Химический текст.

Рузову [Орлов А. И.]. Получили ваше письмо от 1 апреля. В адресе не разобрали переулка, повторите. Очень рады, что дела у вас идут на лад и открываются широкие перспективы. Та объединительная работа, которую имеете в виду, чрезвычайно важна, необходимо впитывать в себя все годные элементы, может быть, тогда удастся создать нечто более прочное. Позаботьтесь о присылке рабочих корреспонденций.

Связали ли Митрофана [Гусаров Ф. В.] с Дорофеевым? Устраивается ли что-нибудь по постановке нового способа? Ну, всего хорошего, жмем крепко руку. Дальнейшее для... [1]) [Б. И. Гольдмана].

Получили ваше письмо от 4 апреля и предыдущее [2]). Как-нибудь, когда будет свободное время, напишите про свои впечатления, вам ведь много приходится видеть народу. Все адреса, которыми пользуетесь, функционируют хорошо. Новостей мало. «Борьба» выпустила книжку против программы «Искры», в 308 стр., видали, но, говорят, несостоятельна очень, их собственная программа совсем жалкая, ругань ужасная, а главное—сплетен ворох. Кажется, единственная цель книжки — получить право участвовать на съезде [3]). Бундисты тоже отличаются. Выпустили специальный номер известий «Федерация или автономия», где договорились до чортиков. Наконец списались с Жаком [Александрова Е. М.], но в общем публика либо вовсе не пишет, либо пишет плохо. Вы знаете, что у нас был делегат от отколовшейся части Питерского комитета, был и у союзников [4]) и у «Жизни» [5]),

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) См. выше письмо Б. И. Гольдмана на стр. 49.

[3]) Речь идет о брошюре Н. Рязанова: «Проект программы «Искры» и задача русских социал-демократов». Материалы для выработки партийной программы. Выпуск II, изд. группы «Борьба». Женева, 1903 г.

«Борьба» — заграничная социал-демократическая группа, в составе Д. Б. Рязанова, Ю. М. Стеклова (Невзорова) и Э. Л. Гуревича (В. Даневич, Е. Смирнов), относилась резко враждебно к организационным идеям «Искры» и отрицательно к той тактике, которая проводилась «Искрой». Группа «Борьба» добивалась представительства на II съезд, не имея никакой реальной силы за собой ни в одной из российских организаций.

[4]) «Союзники» — деятели основанного в 1894 г. и перешедшего с 1898 г. в руки экономистов «Союза русских социал-демократов» (Кричевский, Мартынов, Акимов и др.), издававших в 1899—1902 гг. «Рабочее дело» (вышло 12 №№) и при нем «Листки» «Раб. дела» (вышло 8 №№).

[5]) «Жизнь» — легальный марксистский журнал, издававшийся с 1899 г. по 1901 г. под редакцией В. А. Поссе. После закрытия журнала правительством он издавался в 1902 г. за границей в качестве «внефракционного» соц.-дем. органа (вышло 6 №№ и 12 №№ «Листков» «Жизни»).

всюду оповестил о расколе. Мы держались нейтрально, сам приезжавший был парень ничего себе, хотя непомерно самолюбив и не самостоятельный, но стоявшая за ним публика — порядочные скоты.

30.

Копия письма с подписью «Авдаков», Ростов-Дон, от 22 апреля 1903 г., к фельдшерице Кугелевой, Киев, Еврейская больница.

Химический текст.

На месте мы живы и здоровы. К сожалению, из района вести приходят неутешительные. Еще перед Пасхой арестовано в Юзовке 6 наших товарищей. Из них 2 сидели до последнего времени в Бахмуте, теперь же переведены в Луганск, а в Мариуполе, должно быть, были захвачены во время разброса прокламаций. Остальные трое арестованы были по подозрению и хотя выпущены были на свободу, но настолько уже скомпрометированы, что дальнейшее пребывание их в Юзовке, где все на виду, немыслимо.

Один из них уехал из Юзовки во-время, так как местные власти спохватились и теперь энергично разыскивают его. Вследствие большого урона в людях, нам приходится оставить мысль о демонстрации в Юзовке, которая и без того была проблематична: при молодости организации рискованно было сделать теперь опыт. Зато агитация путем распространения литературы продолжается. За последнее время распространено первомайских листков союза [заводских рабочих] [1]) 7 600 экз., листков с призывом бросать работу 1 мая —4 000 экз., предмайских листков Организационного комитета— 2 000 экз., первомайских листков О. К.—2 000 экз. [2]) и , наконец, 400 первомайских брошюр. «Листки» (500 экз.), изд. «Воли», недурно составлены. Кроме Луганска у нас еще есть теперь связи с Таганрогом, где оказалась довольно порядочная организация. Тесные сношения у нас с Донским комитетом, которому мы на время уступили свою технику ввиду того, что его собственная техника не в состоянии печатать таковые экземпляры, какие теперь требуются ввиду предстоящей майской демонстрации.

31.

Копия письма с подписью «Землячка» [Залкинд Р. С.], Екатеринослав, от 23 апреля 1903 г., в Одессу, Еврейская ул., д. № 8, г-ну Рабиновичу, для А. [Анна Вайсман?]

Химический текст.

Дорогие друзья! Напишите мне, что у вас нового, как устроились в чужом городе. Не хотела бы терять связь с вами, а это всецело зависит от вас. Если вздумаете переехать в другой город, непременно сообщите мне об этом, а я сообщу вам связи в этом городе. За границу я сообщила о вас. Здесь дела обстоят неважно. Страшная нужда в людях, в деньгах и в связях с обществом. Всего вам лучшего. Крепко жму руку.

---

[1]) Имеется в виду Комитет С.-д. союза горно-заводских рабочих (на юге России).

[2]) См. листовки Орг. комитета на стр. 26—34.

Дальше Емельяну.

Дорогие мои! Очень удивляюсь, что не ответили на мою просьбу. Не писала до сих пор потому, что не могла никак устроиться с адресом. Напишите мне немедленно, как обстоят дела у вас. На-днях к вам поедет на жительство человек. Это член местного комитета, убежденный и-ъ [искровец], недавно практикующий. Отнеситесь к нему с полным доверием и введите его немедленно в комитет. Он сообщит вам о положении дел у нас. Передайте Норе [Фишман Х. М.?], что ее поручения я до сих пор не исполнила, потому что поехала не туда, куда думала. Пусть обо всем сообщит Емельяну, а последний пусть сообщит Оле [Организационному комитету]. Не забудьте сказать ей об этом.

Дела здесь обстоят хуже, чем я это предполагала. Людей мало, денег совсем нет, связи с обществом до крайности слабы. Распущенная публика в конспиративном отношении переходит всякие границы. Провал мой здесь неизбежен, и только благодаря халатности товарищей местных. Приехала в самую горячку: аресты и обыски беспрерывные. Благодаря той же халатности меня и мою квартиру знают все шпионы в городе. Досадно, что все это из пустяков. Но это яма, которую необходимо очистить. Очень негодую на товарищей за то, что они так мало внимания уделяли такому важному центру. Оппозиция не сегодня — завтра будет сломлена [1]). Понемногу проникаю в общество. Но самочувствие мое лично самое мизерное.

Очень хотелось бы поговорить с каждым из вас отдельно. Свободное время скучаю по многим из вас. Всего лучшего. Пишите мне. Обнимаю всех вас. Шлю привет всем, кто знает и помнит [2]).

32.

Копия письма без подписи [Землячка Р. С.], из почтового вагона Ковлов-Ростов [апрель 1903 г.], к фельдшерице Кугелевой, Киев, Еврейская больница [3]).

Химический текст.

Недели две с половиной назад я направила к вам товарища. Если с вашей стороны были на это какие-либо расходы, то сообщите, сколько— мы все уплатим. Прокламации Организационного комитета в количестве 500 экземпляров (от 18 апреля) были распространены и имели большой успех.

---

[1]) Речь идет о группе лиц, стоявших на платформе «экономизма» и «Рабочего дела», которая представляла «оппозицию» в противовес искровской организации, работавшей под именем Екатеринославского комитета РСДРП. В состав комитета входили: С. Гуревич, С. И. Образцов и Полонский и была кооптирована по приезде в Екатеринослав Р. С. Землячка. Из активных работников был Вилонов — «Миша Заводской». Во главе оппозиции стоял Малкин. (См. «Историю Екатеринославской с.-д. организации 1889—1903 гг.», стр. 262, воспоминания В. П. Ногина).

[2]) См. «Историю Екатеринославской с.-д. организации 1889-1903 гг.», стр. 388-390, письма Р. С. Землячки от 15 апреля 1903 г. по тому же адресу в Одессу и от 14 и 23 апреля 1903 г. в Киев, по адресу Организационного комитета, о положении дел в Екатеринославе.

[3]) Письмо без указания даты; зарегистрировано в департаменте полиции 1 мая 1903 г.

33.

Отношение Одесского охранного отделения в департамент полиции от 31 декабря 1903 г. № 2032.

На предложения от 20 июня, 11 сентября и 27 ноября сего года за №№ 5954, 8483 и 11819, имею честь доложить вашему превосходительству, что несмотря на все принятые мной меры выяснить лицо, скрывающееся под именем «Емельян», до сего времени не представилось возможным.

Что же касается упоминаемой в предложениях за № 8433 и 11819 «Норы», то таковой является состоявшая под надзором полиции мещанка Хая Мордкова Фишман, привлекавшаяся в 1902 г. к дознанию при жандармском управлении города Одессы по обвинению в преступлении, предусмотренном 250 и 318 ст. уложения о наказаниях. Дело о ней по высочайшему повелению, последовавшему в 11 день июня 1903 года, разрешено в административном порядке с тем, чтобы Хаю Фишман выслать под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь сроком на три года.

Во исполнение приговора Хая Фишман 25 июня сего года была по распоряжению одесского полициймейстера арестована и препровождена в Одесский тюремный замок, где она вышла замуж за поднадзорного мещанина Лейзера Фальковского и откуда 8 августа сего года освобождена вследствие болезни, с тем, чтобы, по выздоровлении ее, приговор был немедленно приведен в исполнение.

13 августа сего года Хая Фишман вместе со своим мужем Лейзером Фальковским скрылись из Одессы неизвестно куда.

Докладывая об изложенном, имею честь представить при сем вашему превосходительству подлинное письмо «Емельяна», препровожденное мне при предложении от 27 ноября сего года за № 11819.

Ротмистр Васильев.

34.

Копия письма с подписью «Авдаков», Ростов-Дон, от 24 апреля 1903 г., к фельдшерице Кугелевой, Киев, Еврейская больница.

Химический текст.

Писали вам 23 [апреля]. Аресты в Юзовке продолжаются. Вчера получили сведения, что забрано еще 3 рабочих. Ввиду непрерывных арестов мы решили изменить систему разбрасывания. Вместо того, чтобы раскидывать листки по городу, как это практиковалось, решено теперь ограничиться одними заводами и, если можно будет, то и в самих шахтах.

Брожение везде сильное. В Мариуполе готовится большая стачка на заводе. В Юзовке тоже. В Юзовке опасаются антиеврейских беспорядков, так что более сознательные рабочие высказываются против устройства [демонстрации].

Мы бы очень просили вас указать, хотя бы приблизительно, время, когда предполагается съезд. От этого зависит, как мы устроимся на месте втечение лета, так как некоторые из товарищей уезжают.

Не помню, сообщали ли вам, что резолюция о признании «Искры» руководящим органом уже отправлена нами [1]).

[1]) См. заявление Комитета Соц.-дем. союза горнозаводских рабочих (юга России) от 18 апреля 1903 г. в № 40 «Искры», изд. Истпарта ЦК ВКП(б) «Искра», вып. VI, стр. 76.

35.

Отношение департамента полиции в Киевское охранное отделение от 2 мая 1903 г. № 4129.

Совершенно секретно.

Препровождая у сего совершенно доверительно копии двух полученных агентурным путем писем, от 22 и 24 минувшего апреля, за подписью «Авдаков», из Ростова на Дону, в Киев, к фельдшерице Кугелевой, обращаю внимание вашего высокоблагородия на то, что упомянутый «Авдаков», будучи сам, несомненно, прикосновенным к деятельности «Организационного комитета», ожидает из Киева указания, когда состоится съезд, созываемый тем же «Комитетом» и имеющий целью объединение всех социал-демократических групп, принявших программу «Искры».

Этот запрос «Авдакова» относительно съезда свидетельствует о том, что сношения «Организационного комитета» сосредоточены теперь в г. Киеве, где, повидимому, проживают главные его деятели. Приведенные соображения вполне совпадают с указанием, данным вам телеграммою от 21 минувшего апреля, о перенесении в Киев Бюро «Организационного комитета».

Вследствие сего и ввиду указаний, имеющихся в письмах, копии коих препровождены вам при записках от 13 и 24 апреля за № 3497 и 3850, предлагаю вашему высокоблагородию принять меры к установке по г. Киеву лиц, соприкасающихся с «Организационным комитетом», к обследованию их деятельности и сношений и к выяснению времени и места социал-демократического съезда.

О последующем прошу мне представить.

Вместе с сим прошу ваше высокоблагородие поспешить, по возможности, представлением сведений, добытых вами о фельдшерице Кугелевой.

И. д. директора Лопухин.

36.

Копия письма без подписи, Нижний-Новгород, от 14 мая 1903 г., Кугелевой, Киев, Еврейская больница.

Химический текст.

Мы уже писали вам о больших арестах до 1 мая. Эти аресты и слухи о том, что Сормово переполнено войсками и казаками, несколько понизили настроение рабочих. Демонстрация 1 мая все-таки состоялась, но комитет считает ее почти неудавшейся. Настроение широких масс было все время очень возбужденное. Можно было ожидать стихийного взрыва. Администрация трепетала. Директора завода и некоторые инженеры уже заранее перебрались с семьями в город. Демонстрация же вышла очень странная и непродолжительная. Скажу раньше о ее подготовке. Вопрос о демонстрации обсуждался не только в кружках, но также и на больших агитационных собраниях, куда приходило немало сознательных рабочих, не входящих в организацию. Всего же на этих собраниях перебывало до 600 человек. Они имели большой успех и сильно повышали настроение. Выпущены были следующие листки: 1) Листок организации «Искры» и Организационного комитета—3 000 экз., 2) листок Организационного комитета («маленький»)—

4 000 экз. 3) листок комитета с первомайскими требованиями, 4) листок с обзором событий текущего года, 5) листок к солдатам. Затем были пригласительные листки.

1 мая около 8 часов вечера группа человек в 60, под предводительством лица, посланного комитетом, выкинула красные флаги и с пением революционных песен пошла по главной улице Сормова, где в это время гуляли тысячи народу. Толпа шла по сторонам и сзади них, но присоединялись только отдельные лица.

Демонстранты раскидывали листки, которые подхватывались и расходились по рукам. Приехала конная полиция и начала разгонять толпу. Поднялась суматоха. Урядник ударил плетью одного рабочего, толпа бросилась, было, бежать, но из группы демонстрантов раздался крик: «Бей их, негодяев!», Толпа остановилась, замерла на мгновение и потом с криком бросилась на полицию, которая обратилась в бегство. Это был единственный момент, когда толпа действовала вместе с демонстрантами.

Через некоторое время решено было закончить демонстрацию. Флаги были свернуты, демонстранты рассеялись в толпе. А минуты через три после этого нагрянула туча полиции и жандармов, а через 10 минут явился батальон пехоты. Усмирять было уже некого, и арестов произведено на месте не было. Потом начали производить аресты. Тюрьма переполнена, сидит до 120 человек, а число обысков и подсчитать невозможно. Полиция ждала демонстрации в городе, устраивала облавы в поле и в Марьиной роще (место гулянья обывателей), арестовывала отдельные кучки рабочих, певших революционные песни, хватала всякого, кто казался подозрительным: так, на улице, несмотря на энергичные протесты, был захвачен член окружного суда и выпущен только тогда, когда было установлено его звание.

Пока все. Здесь почему-то был Валь (5 мая). Был в Сормове, в тюрьме [1]).

37.

Отношение департамента полиции в Нижегородское охранное отделение от 26 мая 1903 г. № 5016.

Совершенно секретно.

Препровождаю у сего вашему высокородию совершенно доверительно копию полученного агентурным путем письма, от 14 сего мая, из Нижнего-Новгорода, в Киев, к Кугелевой, по адресу которой производятся сношения деятелей «Организационного комитета», образовавшегося из членов преступного сообщества «Икры».

Предлагаю вам принять меры к выяснению личности и сношений автора этого письма, обращаю внимание вашего высокородия на то, что посредством наблюдения за ним вы можете установить в местности, вверенной вашему надзору, связи упомянутого «комитета», всестороннее выяснение деятельности коего имеет в настоящее время особо важное значение.

О последующем прошу мне представить.

И. о. директора Лопухин.

---

[1]) Речь идет о виленском губернаторе фон-Вале, по распоряжению которого были высечены арестованные участники первомайской демонстрации в Вильно в 1902 г., который, после покушения на него рабочего Леккерта 5 (18) мая 1902 г., был назначен товарищем министра внутренних дел и шефом жандармов.

38.

Копия письма без подписи, Брянск, от 20 мая 1903 г., Слуцкому, Киев, Крещатик, 54, ювелирный магазин Носкина.

Предмайская агитация началась у нас с марта. В марте и начале апреля выпущено было 3 листка, посвященных общим вопросам, связанным с майским праздником: 1) о борьбе за политическую свободу, 2) безработица и 8-часовой рабочий день, 3) рабочее движение и 1 мая за границей и у нас (каждый от 300 до 500 экз.). 17 апреля распространены были в количестве 5000 экз. небольшие печатные листки, призывающие к забастовке 18 апреля всех рабочих Брянского и Рославльского уездов [1]). Забастовки не произошло, так как возбужденное настроение серой массы рабочих заставляло центральную группу опасаться дикого разгрома завода при стачке. Как раз в то время произошло несколько пожаров, и на одном из заводов района ходили упорные слухи, что Бежица снова будет гореть, как в 1898 г. Все это призывало к крайней осторожности. К 1 мая успели только переиздать листок, выпущенный 17-го с поправкой относительно дня, но еще на пути он попал в руки полиции, причем арестован был везший его. Разошлись перед 1 мая только около 300 экз. печатных с поправкою от руки. Стачки не произошло и на этот раз, если не считать 60 рабочих механической мастерской, которые выставили свои требования, но не имели успеха. 4 мая произошла сходка, где произносились речи самими рабочими, так как участие интеллигенции было на этот раз сопряжено с большими затруднениями. Отсутствие внешних результатов не говорит однако ничего об успешности нашей майской агитации; по существу она оказала на массу большое воспитательное влияние. Не только возбужденное настроение, не только пробуждение мысли, вызванное упорным дебатированием вопроса о стачке, но и серьезный рост кружкового движения, усиленный запрос на литературу, подъем сознательности в массе — таковы плоды этого влияния. Другие последствия обычного полицейского усмирительного и сыскного характера, должно быть, подействовали поучительно. После появления первых майских листков (в марте) на завод прислали батальон солдат, которые и по сию пору там. В конце апреля были выпущены листки к солдатам. Станция и завод наводнены полицией и шпионами, по окрестностям завода рыщут патрули. Брянскую тюрьму очистили. Арестовано было 8 человек, привезенных в Орел. Как безуспешны были эти преследования, видно из того, что за время сидения этих мнимых заправил успели выйти листки местного изготовления.

39.

Копия письма с подписью «Организационный комитет», Киев, от 15 июня 1903 г., Тиграну Арутюмову (Бакинский комитет), Баку, Старо-Кладбищенская, 19.

Химический текст.

Бакинскому комитету.

Организационный комитет, принимая во внимание: 1) что представителю Организац. комитета было устно заявлено членами Бакинского и

[1]) Экземпляры упоминаемых в письме листовок за подписью Брянского комитета РСДРП хранятся в Архиве революции и внешней политики. Первые три листовки изданы на гектографе, листовка: «Всем рабочим Брянского и Рославльского уездов» напечатана в типографии Организационного комитета.

Тифлисского комитетов, что «Кавказский союз» не уполномочен комитетами, входящими в его состав, представительствовать на съезде (по общему правилу в количестве 2 голосов, согласно уставу), 2) что комитеты, по их заявлению, решили посылать отдельно каждый своих делегатов, постановил: ввиду того, что Организационному комитету было прислано формальное заявление о возникновении «Кавказского союза», в который входят Бакинский, Батумский и Тифлисский комитеты, и не прислано устава «Союза», из которого было бы ясно, что, по договорам между комитетами, «Кавказский союз» не является официальным представительным учреждением, — ставит необходимым условием признания действительности выборов по комитетам — письменное заявление всех трех комитетов, удостоверяющее факт ограничения функций «Кавказского союза». Это значит, что заявление должно констатировать, что «Кавказский союз» по уставу не является уполномоченным лицом по общепартийным делам, или, если это не так, т. е. устав не оговаривает этого, то выборы по комитетам будут признаны действительными только в том случае, когда Организационному комитету будет прислано официальное заявление всех 3 комитетов (Бакинского, Батумского и Тифлисского), что «Кавказекий союз» находится еще только в процессе формирования, т. е. еще не существует. Заявление должно быть прислано по оставленному вам адресу, а копия заявления передана для хранения [1]).

40 [2]).

Тифлисский комитет заявляет сим Организационному комитету, что, так как «Союз Кавказских соц.-дем. рабочих организаций» организовался только недавно, не имеет еще выработанного устава, находится в фазе формировки и не уполномочен на съезде представлять кавказское движение, он, согласно полученному постановлению О. К., оставляет за собой право представительства на очередном съезде партии. «Союзный комитет» пока организовывает техническую работу, т. е. как официальный представитель по партийным делам не существует.

Кавказский социал-демократический рабочий союз.

Тифлисский комитет РСДРП.

---

[1]) В архиве протокольной комиссии II съезда РСДРП сохранилось только одно заявление Бакинского комитета РСДРП, опубликованное в приложении к протоколам II съезда. См. Протоколы II съезда, РСДРП, 2-е издание, приложение XX, стр. 474 и примечание 24, стр. 496.

[2]) Воспроизводится с подлинника, не имеющего даты; на нем помета департамента полиции: «К входящему № 11492. 9 июля 1903 г.».

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИЗВѢЩЕНІЕ

О второмъ очередномъ съѣздѣ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Недавно состоялся II-ой очередной съѣздъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Послѣ пятилѣтняго промежутка, протекшаго со времени I-го съѣзда, мы, Россійскіе Соціалдемократы, имѣемъ наконецъ фактически возстановленную единую организованную партію. Сплоченный въ Рабочую Партію нашъ пролетаріатъ удесятеритъ теперь энергію своей борьбы съ царскимъ самодержавіемъ и со всѣми эксплуататорскими массами Россіи.

Второй съѣздъ былъ созванъ Организаціоннымъ Комитетомъ послѣ самой тщательной подготовки всѣхъ условій, обезпечивающихъ правильное и полное представительство всѣхъ дѣйствующихъ организацій Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи. На Съѣздѣ были представлены 14 комитетовъ Партіи, 3 Союза комитетовъ, 1 рабочій союзъ, приравненный къ комитету, обѣ заграничныя организаціи Союзъ и Лига, Группа Освобожденія Труда и Южный Рабочій, организація Искры, центральный и заграничный комитеты Бунда. Изъ всѣхъ организацій, за которыми Организаціоннымъ Комитетомъ было признано право представительства на съѣздѣ, только одна не могла быть представлена по причинамъ чисто случайнаго характера. Рядъ видныхъ дѣятелей Партіи былъ приглашенъ къ участію на Съѣздѣ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Орг. Комитетъ успѣшно выполнилъ свою задачу, созвавши Съѣздъ, который по полнотѣ представительства является небывалымъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Продолжая работу перваго съѣзда, второй съѣздъ послѣ провѣрки полномочій делегатовъ и утвержденія регламента поставилъ прежде всего вопросъ о положеніи Бунда въ Партіи. Вопросъ былъ разрѣшенъ послѣ продолжительныхъ дебатовъ въ смыслѣ безусловнаго осужденія федеративнаго принципа организаціи Партіи. Затѣмъ съѣздъ перешелъ къ обсужденію проекта партійной программы. Взявъ за основу проектъ „Искры" и „Зари", Съѣздъ подвергъ его въ длинномъ рядѣ засѣданій всестороннему разбору по пунктамъ и, внеся соотвѣтствующія измѣненія, окончательно утвердилъ программу Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Далѣе, чтобы вполнѣ опредѣлить общій характеръ партійной тактики, чтобы положить конецъ борьбѣ разныхъ теченій внутри Соціалдемократіи, Съѣздъ громаднымъ большинствомъ голосовъ утвердилъ центральнымъ органомъ партіи Искру, признавъ такимъ образомъ направленіе этого органа направленіемъ всей Партіи. Выслушавъ затѣмъ доклады делегатовъ, Съѣздъ перешелъ къ вопросу объ организаціонномъ уставѣ партіи и, послѣ оживленныхъ преній объ отдѣльныхъ пунктахъ, утвердилъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ организаціонный уставъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Обезпечивая автономію мѣстныхъ комитетовъ и всѣхъ вообще учрежденій Партіи во всемъ, что касается спеціально и исключительно тѣхъ отраслей партійной работы, для выполненія которыхъ они созданы, этотъ уставъ провелъ централистическій принципъ организаціи, поставивъ во главѣ Партіи съ одной стороны редакцію Центральнаго Органа для идейнаго руководства Партіей, съ другой стороны Центральный Комитетъ для объединенія и направленія всей практической работы Партіи. Для согласованія дѣятельности обоихъ центровъ созданъ Совѣтъ Партіи, какъ ея высшее учрежденіе. Отъ общаго организаціоннаго устава Партіи Съѣздъ перешелъ къ спеціальному уставу Бунда и отвергъ II-ой пунктъ, предложеннаго Бундомъ проекта, по которому Бундъ является единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата и никакими районными рамками не ограниченъ. Когда этотъ пунктъ былъ громаднымъ большинствомъ отклоненъ, делегаты Бунда удалились со Съѣзда, заявивъ о выходѣ Бунда изъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Съѣздъ, разсмотрѣвъ затѣмъ вопросъ о районныхъ организаціяхъ, призналъ ихъ несовмѣстимость съ утвержденіемъ Центральнаго Комитета, распустилъ [illegible] отдѣльныя группы партіи: Группу Освобожденія Труда, организацію Искры, Группу Южнаго Рабочаго, Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ заграницей и Группу Борьбы.

Единственной заграничной организаціей Партіи Съѣздъ призналъ Лигу, при чемъ постановилъ, что Лига можетъ оказывать поддержку русскому движенію не иначе, какъ черезъ посредство лицъ или группъ, особо назначенныхъ Центральнымъ Комитетомъ. Наконецъ Съѣздъ произвелъ выборы должностныхъ лицъ въ редакцію Центральнаго Органа, въ Центральный Комитетъ и въ Совѣтъ Партіи и принялъ резолюціи о профессіональной борьбѣ, о демонстраціяхъ, о представительствѣ на международныхъ конгрессахъ, о движеніи среди учащихся, объ отношеніи къ либераламъ и соціалистамъ-революціонерамъ, о партійной литературѣ, о работѣ среди сектантства, о поведеніи на допросахъ и пр.

Полный текстъ партійной программы, организаціонный уставъ Партіи и др. важнѣйшія резолюціи Съѣзда опубликовываются по постановленію Центральнаго Комитета и Центральнаго Органа въ особой брошюрѣ. Что-же касается до протоколовъ Съѣзда, которые велись по каждому засѣданію и утверждались самимъ Съѣздомъ, то вопросъ объ ихъ опубликованіи сданъ въ особую комиссію, избранную Съѣздомъ. Комиссія эта уже приступила къ своей работѣ. Въ настоящее время Центральныя учрежденія нашей Партіи, созданныя II-мъ очереднымъ Съѣздомъ, уже конституировались и приступили къ своей дѣятельности на основаніи организаціоннаго устава Партіи.

Товарищи! Передъ нами стоитъ теперь громадная задача — провести въ жизнь тѣ рѣшенія, которыя приняты II-мъ Съѣздомъ, превратить на дѣлѣ нашу Партію въ то, чѣмъ она должна стать по мысли Съѣзда — въ централизованную, дисциплинированную организацію, сплачивающую политическую силу, способную руководить всѣми проявленіями классовой борьбы за свободу всего народа и за освобожденіе труда отъ всякаго гнета и эксплуатаціи.

Товарищи! Мы прекрасно сознаемъ всю гигантскую трудность этой задачи, но мы также твердо [illegible], что она можетъ быть осуществлена и будетъ осуществлена — за это ручается растущее сознаніе русскаго рабочаго класса, который все съ большей и большей энергіей, все болѣе и болѣе широкими массами встаетъ на борьбу и вступаетъ въ послѣдній отчаянный бой съ врагомъ. Конецъ разброду и шатанію среди соціалдемократіи! Положительная работа начинается. Дружнѣе за дѣло и пусть всѣ члены Партіи въ комитетахъ, группахъ, кружкахъ и рабочихъ союзахъ сплотятся плотнѣе въ ряды и шеренги, чтобы идти, какъ одинъ человѣкъ, впередъ и впередъ къ полной побѣдѣ надъ всѣми врагами пролетаріата!

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВІЕ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РОССІЙСКАЯ, ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТІЯ!

Центральный Комитетъ поручаетъ всѣмъ организаціямъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи перепечатать это извѣщеніе и распространить его [illegible] въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ.

Центральный Комитетъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Типографія Центральнаго Комитета.

Несколько документов о М. С. Ольминском из жандармских архивов.

Сухие сведения департамента полиции и царской охранки об этапах революционной жизни Михаила Степановича Ольминского (Александрова) могут служить только некоторым ориентировочным материалом для его биографов при установлении точных дат его попаданий в тюрьму, моментов освобождения из тюрьмы и некоторых других подробностей его революционного стажа. Но само собой разумеется, что эти сведения очень неполны ни с точки зрения установления внешних событий, имеющих отношение, так сказать, к календарю революционной жизни М. С., ни тем более с точки зрения отображения подлинных внутренних состояний его мятежного, вечно беспокойного, вечно «взыскующего» правды революционного «я».

В поле зрения полиции М. С. Ольминский попадает впервые в 1885 г., когда он уже вышел из полосы юношеского возраста. Но охранке совершенно было неизвестно, что «зацапанный» ею 22-летний Александров был уже самоопределившимся революционером, симпатии и умонастроения которого намечались чуть ли еще не в детском возрасте (по устным рассказам М. С., в интимной беседе с друзьями, видно, что в возрасте 14 или 15 лет он хранил дорогую ему нелегальщину где-то в тайниках спинки семейного дивана) и который, будучи еще воронежским гимназистом, с увлечением вел пропаганду в рабочих кружках.

Попав первый раз в тюрьму, М. С. не теряет бодрости. Перед жандармами стоит не перепуганный, готовый расплакаться, с дезорганизованной психикой юноша-интеллигент, а спокойный революционер, который умеет держать свои нервы в порядке и которого жандармский иезуитизм не застает врасплох. Все его ответы в общем и целом сводятся к традиционному российско-бытовому «знать не знаю и ведать не ведаю». Жандармы принуждены были вскоре выпустить из тюрьмы плохо разгаданного ими «государственного преступника» и ограничиться обычными предохранительными мерами в форме гласного надзора, запрещений жительства в местностях, находящихся на положении усиленной охраны, и т. д.

Полоса пребывания М. С. в казарме (при зачислении его на военную службу по жребию) проходит под знаком якобы его полной лойяльности и политической благонадежности. Командир полка, в котором служил М. С., дает похвальный отзыв о «безукоризненном поведении» «рядового Михаила Степанова Александрова». Но ведь и то нужно сказать, что военное начальство не совсем похоже на охранку, и оно, недостаточно искушенное по части виртуозного шпионажа и сыска, многое, вероятно, просмотрело и прозевало из казарменной жизни М. С. Во всяком случае, будущему биографу М. С. придется, вероятно, заинтересоваться вопросом, а как же на самом деле «рядовой» Александров реагировал на окружающую его казарменную жизнь. Быть может, он был далек от такого революционного вспышкопускательства, которое познакомило бы его с прелестями военной юстиции, но совершенно несомненно, что получивший уже вкус к пропаганде среди низовых масс молодой революционер не упускал ни одного подходящего случая заронить искру классовой неприязни и протеста

против режима кнута и палки в голову того или иного «меньшого брата» в солдатском мундире. Но само собою разумеется, что полутюрьма-казарма не могла не быть в тягость свободолюбивому революционеру с орлиными крыльями, и он пользуется первой возможностью, сдав экзамен на чин прапорщика запаса, снять с себя солдатский мундир.

Следующим этапом в революционной «карьере» М. С. с точки зрения охранки является новый арест его в 1894 г., потянувший вслед за этим многие годы тюрьмы и ссылки. На этот раз жандармы распознают уже в лице своей жертвы крупного революционного активиста, занимавшего в одной из народовольческих организаций того времени руководящее положение. Но они не имеют никакого представления о той внутренней мировоззренческой эволюции, которую переживал в это время М. С. Они не видят в его лице особых черт того течения позднейшего народовольчества, которое стояло уже на перепутьи от эпохи народничества к полосе марксистского самоопределения революционной интеллигенции. Им — этим грубым регистраторам революционных фактов с точки зрения их жандармских трафаретов — было и невдомек, что матерой народоволец Александров (в момент его второго ареста ему было уже свыше 30 лет) уже заразился микробом марксизма и испытывает «миллион терзаний» и душевных колебаний, будучи не в силах сразу и резко порвать со старой товарищеской средой по его народовольческому прошлому (это долго казалось ему изменой делу революции), а с другой стороны, неудержимо стремясь всеми щупальцами своей здоровой революционной мысли к тому новому учению, которое дает точные и научно обоснованные ответы на загадочные проблемы борьбы пролетариата с проклятым наследием прошлого крепостнической России, — борьбы за конечные цели рабочего движения [1]).

С момента отъезда М. С. Ольминского из Воронежа за границу 13 марта 1904 г. охранка теряет его из виду. Ей впоследствии не удается «накрыть» его своей лапищей (за исключением кратковременного ареста в 1913 г. в связи с его работой в «Правде») благодаря его умелой конспирации. А между тем именно с 1904 г. и начинается яркий расцвет революционной деятельности М. С., вполне уже самоопределившегося революционного марксиста, бессменно стоявшего с тех пор на своем большевистском посту в качестве революционера-литератора, обслуживавшего интересы Ленинской партии и дела пролетарской борьбы на протяжении почти 30 лет — до самого последнего дня своей славной жизни.

П. Лепешинский.

Справка департамента полиции от 3 января 1894 г. [2])

Один из обвиняемых по делу о вооруженном нападении на почту близ гор. Воронежа 17 ноября 1884 г. сын священника Антон Остроумов, между прочим, показал, что летом 1883 г. к нему в Ростов приехал из Таганрога,

---

[1]) О состоянии духа М. С. в этот период его революционного переключения от народнического этапа к марксистскому можно получить яркое представление по автобиографическому очерку М. С. «Игапов», который печатается в № 2 (5) сборника «Старый большевик».

[2]) Публикуемые документы воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в Архиве революции и внешней политики, фонд департамента полиции, III делопроизводство, 1890, д. № 762; особый отдел, 1901, д. № 1904, VII делопроизводство, 1913, д. № 273, т. 2; особый отдел, 1910, д. № 5. т. 3.

Фамилия, имя и отчество.	Александров Михаил Степанов.	Дела, по которым составлена справка.
Звание и происхождение.	Прапорщик запаса. Сын чиновника.	544/90 III д. 207/85 IV д. 6820 V д.
Вероисповедание.		
Время и место рождения.	29 лет (1893 г.)	
Место жительства.	С.-Петербург, Поварской пер., д. 12, кв. 17.	
Место воспитания.	Был студентом С.-Петербургского университета.	
Занятия и средства к жизни	Служит в С.-Петербургской губернской земской управе.	
Состоит ли под негласным надзором полиции	Состоит с 17 ноября 1890 г. (Освобожден 23 декабря 1893 г.)	
Семейное положение и родственные связи	Имеет мать в г. Воронеже, брата, офицера 11 драгунского Харьковского полка, и жену Екатерину Михайлову.	

насколько он припоминает — с рекомендацией от Франца Яцевича (руководителя ростовского революционного кружка), бывший воронежский гимназист Михаил Александров, объявивший, что он послан из Воронежа для установления связи с Ростовом, вследствие чего он, Остроумов, и дал ему явку на свое имя. В августе 1883 г. Остроумов, вместе с Кудряшевым, ездил из Ростова в Воронеж и виделся там как с Рудневым, так и с Александровым, который познакомился тогда и с Кудряшевым.

12 ноября 1885 года был допрошен в качестве обвиняемого другой обвиняемый по тому же делу Семен Руднев, показавший, между прочим, что Михаил Степанов Александров — близкий его товарищ; имел ли он какие либо революционные поручения на юге, он, Руднев, не знает. Однажды в августе 1883 г. к нему, Рудневу, явился какой-то приезжий молодой человек, признанный по предъявленной Рудневу карточке за Антона Остроумова, и просил свести его с Александровым, который еще раньше предупреждал его, Руднева, о приезде своего знакомого. Он свел Остроумова с Александровым, и они вместе гуляли по Воронежу, причем Остроумов показал свою квартиру при литографии Шеренберга.

26 ноября 1885 г., ввиду того, что обстоятельства, послужившие, было, основанием к привлечению к дознанию о нападении на почту в качестве обвиняемых Лебедева, Руднева и Иваньшина, оказались не имеющими к нему отношения, дело об этих лицах было выделено из дознания о нападении на почту и передано для дальнейшего производства начальнику Воронежского губернского жандармского управления [1]).

По рассмотрении этого производства в г. Воронеже сделано было распоряжение о производстве у Александрова обыска и задержании его ввиду падающего на него обвинения в участии в преступной деятельности. При обыске были найдены 5 гектографированных брошюр под названием: «Политический террор в России» [2]).

Кроме того были найдены писанные им заметки: 1) об убийстве Пеленичникова в Саратовской губернии рабочими, 2) о беспорядках в селе Ровном [3]) и 3) Нижегородском погроме [4]). Допрошенный в качестве обвиняемого, Александров, не признавая себя виновным и отрицая как поездку свою в Ростов, свидание свое с Остроумовым, так и свидание с ним в Воронеже и вообще знакомство свое с ним и Кудряшевым, показал, что летом в июне 1883 г. он ездил в гости к родственнице своей Дубянской в г. Новочеркаск, и поездка его продолжалась 3 или 4 дня. В конце июля 1883 г., по приглашению полковника Антулаева, ездил к нему в деревню Потаповку. Пробыв там недели две, он в середине августа вернулся в Воронеж и 25-го или 26 августа поехал в Петербург, где и поступил в университет. Кроме указанных мест он никуда не ездил. В августе 1883 г. Руднев его ни с кем из приехавших из Ростова не знакомил.

Относительно найденных у него брошюр Александров объяснил, что они получены от неизвестного ему студента в читальне С.-Петербургского университета.

Показание это Александрова вполне подтвердилось. Руднев после допроса Александрова, будучи согласно его желанию допрошен вторично, показал, что он Остроумова по карточке признал вследствие торопливости, с которой давал показание, что, признавая его, он упустил из виду, что на карточках ему все физиономии кажутся знакомыми. Свидание с приезжими из Ростова он действительно устраивал, но не с Александровым, а с лицом, которое назвать не желает.

С момента заарестования и до окончания дознания (25 апреля 1886 г.) Александров содержался под стражей. По заключении же дознания, согласно постановлению штаб-ротмистра Померанцева, он был из-под стражи освобожден и отдан на поручительство с денежной ответственностью в размере 300 руб. (донесение начальника Воронежского губернского жандармского управления от 12 мая 1886 г. за № 379).

По высочайшему повелению 7 января 1887 г. над Александровым, по отбытии им 4-месячного тюремного заключения, должен был быть учреж-

---

[1]) Воронежский период описан М.С. Ольминским в его статье «Давние связи» См. сборник «От группы Благоева к «Союзу борьбы». Ростов н/Д. 1921 г.

[2]) Брошюра «Политический террор в России», 2 изд., 1885 г., Петербургской группы молодежи партии Народной воли.

[3]) В с. Ровном, Новоузенского у., Самарской губ., 2 сентября 1884 г. произошло побоище между немцами-колонистами и русскими. См. Еженедельные записки, 1884 г., ч. 2, л. 100, фонд деп. пол., Архив революции и внешней политики.

[4]) Еврейский погром в Нижнем-Новгородебыл 7 июня 1884 г. «Еженедельн. записки», 1884 г., ч. 1, л. 354.

ден гласный надзор полиции на 2 года с воспрещением ему втечение сего срока проживать в местностях, объявленных в положении усиленной охраны.

13 марта 1887 г. в департамент полиции поступило прошение Александрова о разрешении ему, по отбытии тюремного заключения (23 мая 1887 г.), продолжать свое образование в каком-либо русском университете, но ходатайство это было оставлено без последствий, о чем и было сообщено воронежскому губернатору 26 марта 1887 г. за № 959.

Из ведомостей воронежского губернатора от 4 июля 1887 г. за № 5223 видно, что Александров, по отбытии тюремного заключения, водворен в г. Коротояк и что срок гласного надзора считается с 18 июня 1887 г.

12 августа 1887 г. Александров был принят Коротоякским уездным по воинской повинности присутствием по жребию в военную службу с зачислением, согласно распоряжению департамента, в войска Кавказского военного округа, а именно: по сообщению Главного штаба от 19 августа 1889 г. за № 809, в 154 пехотный Дербентский полк, с учреждением за ним ближайшего надзора начальства. Сообщая об этом, Главный штаб просил департамент разъяснить, может ли Александров быть допущен к держанию экзамена на чин прапорщика запаса.

16 сентября 1889 г., за № 3169, департамент полиции уведомил Главный штаб, что Александров имеет право держать экзамен на чин прапорщика.

17 октября 1890 г. в департамент полиции поступил запрос от С.-Петербургского археологического института о том, можно ли допустить Александрова к слушанию лекций в означенном институте.

29 того же октября Археологический институт на запрос департамента о месте жительства Александрова ответил, что Александров живет на 5 ул. Песков, в доме № 10.

13 ноября 1890 г., за № 11624, с.-петербургский градоначальник на запрос департамента о поведении Александрова уведомил, что Александров прибыл в С.-Петербург в сентябре 1890 г. из Воронежа, где состоял на службе до 1889 г., определенных занятий не имеет, существует на небольшие средства, оставшиеся после смерти его отца, и что за время пребывания его в столице в образе жизни его ничего предосудительного не замечалось.

17 того же ноября, за № 4889, департамент полиции предложил с.-петербургскому градоначальнику учредить над Александровым негласный надзор полиции.

Того же числа, за № 4872, департамент уведомил Археологический институт, что к допущению Александрова к слушанию лекций со стороны департамента препятствий не встречается.

22 декабря 1890 г. начальник Воронежского губернского жандармского управления уведомил департамент, что, по сообщению командира 154 пехотного Дербентского полка, бывший рядовой Михаил Степанов Александров во все время состояния на службе в Дербентском полку поведения был безукоризненного и ни в чем предосудительном замечен не был, ввиду чего, по ходатайству командира полка, ему было разрешено держать экзамен на чин прапорщика запаса армии. По выдержании экзамена Александров уволен в запас, в Воронеж. Сообщая об этом, начальник просил уведомить его, следует ли или нет учредить над Александровым негласный надзор полиции, на что департамент 3 января за № 15 и дал утвердительный ответ.

9 января 1891 года, за № 73, Главный штаб уведомил департамент, что Александров во все время нахождения на службе в 154 пехотном Дер-

бентском полку поведения был безукоризненного, к службе относился прекрасно и ни в чем предосудительном замечен не был.

31 января 1891 г. начальник Воронежского губернского жандармского управления уведомил департамент, что Александров выбыл в С.-Петербург, и поэтому негласный надзор за ним в г. Воронеже учрежден не был.

Из ведомостей с.-петербургского градоначальника за время с 1 июля 1892 г. по 1 июля 1893 г. видно, что Александров служил тогда в С.-Петербургской уездной управе.

И в. Щ е р б а к.

Справка департамента полиции от 10 февраля 1896 г. [1])

В 1894 г. Александров привлечен здесь к дознанию по делу Сущинского, Белецкого, Скабичевского и др. о С.-Петербургской группе народовольцев, ввиду сведений о том, что названные лица и другие обвиняемые посещали квартиру Александрова с принятием мер предосторожности.

Перед самым обыском Александров с женой пытался сжечь имевшиеся у него преступные рукописи, стихотворения, издающуюся в Париже Тепловым, Кашинцевым и другими эмигрантами газету «Русский рабочий» № 1 [2]) и план бельэтажа Аничковского дворца, которые были извлечены производящими обыск чинами из пылающей печи.

Дознанием выяснено, что Александров, занимая в кружке руководящее положение, участвовал в составлении изданного группой народовольцев № 1 «Рабочего сборника» и написал статьи революционного содержания для предполагавшегося № 2. Энергично организуя противоправительственные рабочие кружки, он под псевдонимом «Петра Петровича» руководил тремя такими кружками, причем в кружке Хорькова и Майорова произносил революционные речи, распространял нелегальные издания и ввел туда Сущинского, дал деньги на нужды кружка Никифорова и Нефедога, посещал кружки Медова и имел составленный для преступных целей план Аничковского дворца [3]).

---

[1]) Публикуется неполностью. В начале справки содержатся данные вышепубликуемой справки.

[2]) Газета «Русский рабочий» с 1894 до 1895 г. издавалась в Париже—Лондоне «Союзом русских социал-революционеров», в 1895-1899 гг. в Женеве в типографии группы «Старых народовольцев».

[3]) В гектографированной брошюре «Рабочий сборник», изд. народовольцев, 1 апреля 1894 г., помещена заметка «Стачка на ткацкой мануфактуре Воронина» и письмо одного из участников стачки.

В деле департамента полиции «О тайном сообществе, именующемся партией «Народного права», имеется следующие показание о составлении заметки: «Петра Петровича я застал за составлением от лица рабочих их требований к фабриканту Воронину, причем окружающие его пять-шесть человек рабочих, когда Петр Петрович прочел им написанное, указывали, как, по их мнению, следует поправить места. Впоследствии написанное Петром Петровичем при вышеизложенных обстоятельствах заявление я читал в «Рабочем сборнике», издания народовольцев, вышедшем 1 апреля 1894 г.»

Под кличкой «Петр Петрович» М. С. Ольминский (Александров) был известен в 1891—1894 гг. в рабочих народовольческих кружках на Выборгской стороне и за Невской заставой. (Д. п., VII делопр. 1894 г., д. № 86, т. 5).

О рабочих кружках этого периода см. воспоминания М. С. Ольминского «Давние связи» в сборнике «От группы Благоева» к «Союзу борьбы», Ростов н/Д., 1921 г., и «Группа народовольцев» в журнале «Былое», 1906 г. № 11.

Во время производства дознания Александров содержался с 21 апреля 1894 г. сначала в С.-Петербургской крепости, а затем в С.-Петербургском доме предварительного заключения.

На основании высочайшего повеления 24 января 1896 г. Александров подвергнут, по исключении из числа чинов запаса, тюремному заключению на три года с высылкой затем с 24 января 1899 г. в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на пять лет.

При исполнении сего высочайшего повеления об Александрове писано:

В Главное тюремное управление 7 февраля 1896 г. № 729.

Начальнику С.-Петербургской одиночной тюрьмы — № 738.

Иркутскому генерал-губернатору 8 февраля 1896 г. № 851.

Коллежский ассесор В. Зайцев.

Справка департамента полиции от 14 октября 1897 г. [1])

Михаил Александров, отбывающий тюремное заключение в С.-Петербургской одиночной тюрьме, от действия всемилостивейшего манифеста 14 мая 1896 г. был изъят, поступившее же в июне сего года на имя господина министра внутренних дел прошение капитана Владимира Александрова об облегчении участи его брата на основании упомянутого манифеста признано преждевременным, о чем и объявлено просителю через одесского градоначальника 30 того же июня за № 6062.

Делопроизводитель Лерхе.

Письмо начальника Главного тюремного управления директору департамента полиции С. Э. Зволянскому от 9 апреля 1898 г. [2])

Милостивый государь,
Сергей Эрастович!

Начальник С.-Петербургской тюрьмы доложил мне, что содержащимся в названной тюрьме за государственное преступление Михаилом Александровым в период с июля 1896 года по 31 января 1898 года выдано из собственных его денег приходящей к нему на свидание, с разрешения департамента полиции от 4 июля 1896 года № 4623, вдове коллежского советника Вассе Михайловне Можаровской 360 руб., которые тотчас же вносились ею на личные счета других политических арестантов.

Признавая такой способ благотворения заключенным нежелательным, так как способ этот создает из политических арестантов как бы особую корпорацию, я полагал бы прекратить впредь обмен подобных пожертвований, о чем считаю долгом предварительно сообщить вашему превосходительству, покорнейше прося почтить меня вашим по сему заключением.

Примите уверение в истинном моем к вам уважении и совершенной преданности.

Соломон.

---

[1]) Публикуется неполностью. В начале справки содержатся данные первых двух вышепубликуемых справок.

[2]) На подлиннике помета: «Совершенно согласен, ибо, по сведениям департамента, Можаровская передавала деньги, собранные кружком «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным».—*З.*»

Извещение в департамент полиции о лице, выбывшем из Петербургской одиночной тюрьмы, 9 октября 1898 г. № 11855 [1]).

Фамилия, имя, отчество и звание	Время выбытия из тюрьмы	По какой причине выбыл	Примечание
Александров Михаил Степанов, бывший прапорщик запаса армии, дворянин.	9 октября 1898 г.	Согласно предложению Главного тюремного управления от 7 октября 1898 г. за № 504 для высылки в Восточную Сибирь.	

Начальник тюрьмы Чунихин.

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления в департамент полиции от 3 декабря 1898 г. № 1768.

2 сего декабря в Самарской губернской тюрьме, в канцелярии, состоялось свидание между пересыльным арестантом Михаилом Степановым Александровым и следующей при нем совместно его женой Екатериной Михайловой с гласноподнадзорными в г. Самаре Александром Григорьевым Шлихтером и женой последнего Евгенией Самойловой. Свидание продолжалось около 45 минут. Названные лица во время означенного своего свидания вели разговор о проследованной от Петербурга дороге супругами Александровыми и о их ночлегах в попутных тюрьмах, а также о неполучении до настоящего времени разрешения на ходатайство их следовать на свой счет отдельно от пересыльной партии арестантов до г. Омска. Кроме приведенного разговора, названные лица вспоминали в шутливом тоне некоего Николая Клементьевича Суворова, начитавшегося сочинений Канта и мнящего себя большим философом. Одновременно жена Александрова разговаривала также с находившимся при супругах Шлихтер их малолетним сыном и, между прочим, спрашивала его, помнит ли он ее. Вообще по всему можно было заключить, что названные лица были давние знакомые между собой. По документам упомянутый арестант Александров значится прапорщиком запаса армии, из дворян Воронежской губернии, 35 лет от роду, высылающимся в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 5 лет. Следующая добровольно упомянутая жена Александрова в место ссылки последнего находилась в административной ссылке в г. Сольвычегодске и, повидимому, личность весьма подозрительная и неблагонадежная в политическом отношении. Обоим Александровым разрешена в г. Омске остановка у родных по усмотрению местного начальства.

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции для сведения.

Полковник Чарнолусский.

---

[1]) Заголовок подлинника.

Телеграмма департамента полиции самарскому губернатору от 4 декабря 1898 г.

Благоволите приказать объявить следующему по этапу в Сибирь находящемуся в Самаре Михаилу Александрову, что ходатайство об отправлении на свой счет от Самары или Челябинска отклонено.

За директора Лерхе.

Донесение начальника Иркутского губернского жандармского управления в департамент полиции от 27 октября 1901 г. № 2013 [1]).

Управляющий Иркутской складочной таможней, при отношении от 5 сентября сего года за № 11353, препроводил мне две посылки, присланные для осмотра Иркутской почтово-телеграфной конторой.

. . . . . .

Вторая посылка, следовавшая из Олекмы в Смоленск на имя Екатерины Михайловны Александровой, весом брутто два фунта, ценностью в сорок рублей, заключает в себе: а) сто три рукописных листка, озаглавленных: «Литература и цензура», повидимому, изготовленных для печати, и б) копию следственного делопроизводства в г. Средне-Колымске по обвинению Ергина в убийстве земского заседателя [2]).

Представляя при сем означенные посылки на усмотрение департамента полиции, имею честь доложить, что рукопись «Литература и цензура» была препровождена мной, согласно циркуляру департамента полиции 1900 года за № 5925, для определения характера ее направления в Иркутское губернское управление, которое, не высказав своего мнения по этому поводу, возвратило рукопись обратно.

Что же касается копии следственного производства по делу Ергина, то таковое препровождено мной г. прокурору Иркутской судебной палаты для выяснения вопроса, кем именно снята копия со сказанного делопроизводства и было ли это сделано с разрешения производивших дознание и следствие по делу Ергина, или же копия добыта нелегальным путем.

По отношению дворянки Екатерины Михайловой Александровой установлено, что она — жена Михаила Степановича Александрова, находящегося на жительстве в г. Олекминске Якутской области. По распоряжению департамента полиции от 24 февраля с. г. за № 2198, Александрова подчинена негласному надзору полиции. В Смоленск прибыла она в марте текущего года; вращается исключительно среди поднадзорных лиц, проживающих в Смоленске в доме Мясоедова.

Сведений же о Михаиле Александрове, живущем в Олекминске, мной по настоящее время еще не получено.

Полковник Левицкий.

---

[1]) Публикуется неполностью; сведения, не относящиеся к М. С. Александрову, опущены.

[2]) А. А. Ергин привлекался в 1895 г. по делу Лахтинской типографии, был выслан в Сибирь. «После 1894 г. склонился к с.-д., но не сделался им. В дни свободы 1905 г. он был одним из активных с.-р. в Нижнем-Новгороде». (Примечание М. С. Ольминского в статье «Давние связи» в сборнике «От группы Благоева до «Союза борьбы»).

Доклад Особому совещанию, образованному согласно 34 ст. положения о государственной охране, об оканчивающем срок гласного надзора полиции Михаиле Александрове « » сентября 1903 г. [1])

Особому совещанию доложено содержание справки от 2 сентября 1903 г. о дворянине, бывшем прапорщике запаса армии, Михаиле Степанове Александрове, 39 л. Водворен в Якутской области. Ввиду прежнего серьезного характера преступной деятельности Александрова департамент полиции полагал бы воспретить названному лицу по отбытии им срока гласного надзора полиции жительство в столицах и столичных губерниях на пять лет.

За вице-директора Л е р х е. [2])

Донесение Воронежского губернского жандармского управления в департамент полиции от 5 января 1904 г.

За окончанием 28 сентября минувшего года срока гласного надзора полиции, учрежденного по высочайшему повелению, последовавшему в 24 день января 1896 года, за дворянином Михаилом Степановым Александровым, последний, на основании пункта 4 циркуляра г. министра внутренних дел по департаменту полиции от 9 апреля 1882 г. за № 1365, подчинен таковому же негласному надзору.

Об изложенном имею честь донести департаменту полиции с представлением надлежащих сведений о названном лице.

Полковник Р ы к о в с к и й.

Алфавитный список лиц, состоящих под негласным надзором в Воронежской губернии.

№№ дела.	214, 1903 г.
Имя, отчество, фамилия и сословие.	Михаил Степанов А л е к с а н д р о в, потомственный дворянин, родился 2 октября 1863 года в г. Воронеже, вероисповедания православного.
Семейное положение.	Женат на Екатерине Михайловой, урожд. Долговой. Детей не имеет. Имеет братьев: Николая, живущего в г. Воронеже, и Владимира, живущего в г. Ковно; сестру Людмилу, замужем за мещанином Лежа э, живущую в Нижнем-Новгороде.
Имущественное обеспечение.	Не имеет.
Место постоянного жительства.	29 ноября 1903 г. выбыл из Воронежа, по одним сведениям, в Киев, а по другим — в Нижний-Новгород. Ответ на запросы о настоящем месте жительства Александрова еще не получен.

---

[1]) Заголовок подлинника.

[2]) На подлинном пометы: 1) «Особое совещание в заседании 6 сентября 1903 г. постановило: согласиться с заключением департамента полиции. Делопроизводитель Л е р х е». 2) «Означенное постановление утверждено за господина министра внутренних дел товарищем министра сенатором Дурново. 6 сентября 1903 г. Делопроизводитель Л е р х е».

Обстоятельства прошедшей жизни поднадзорного и настоящее его занятие.

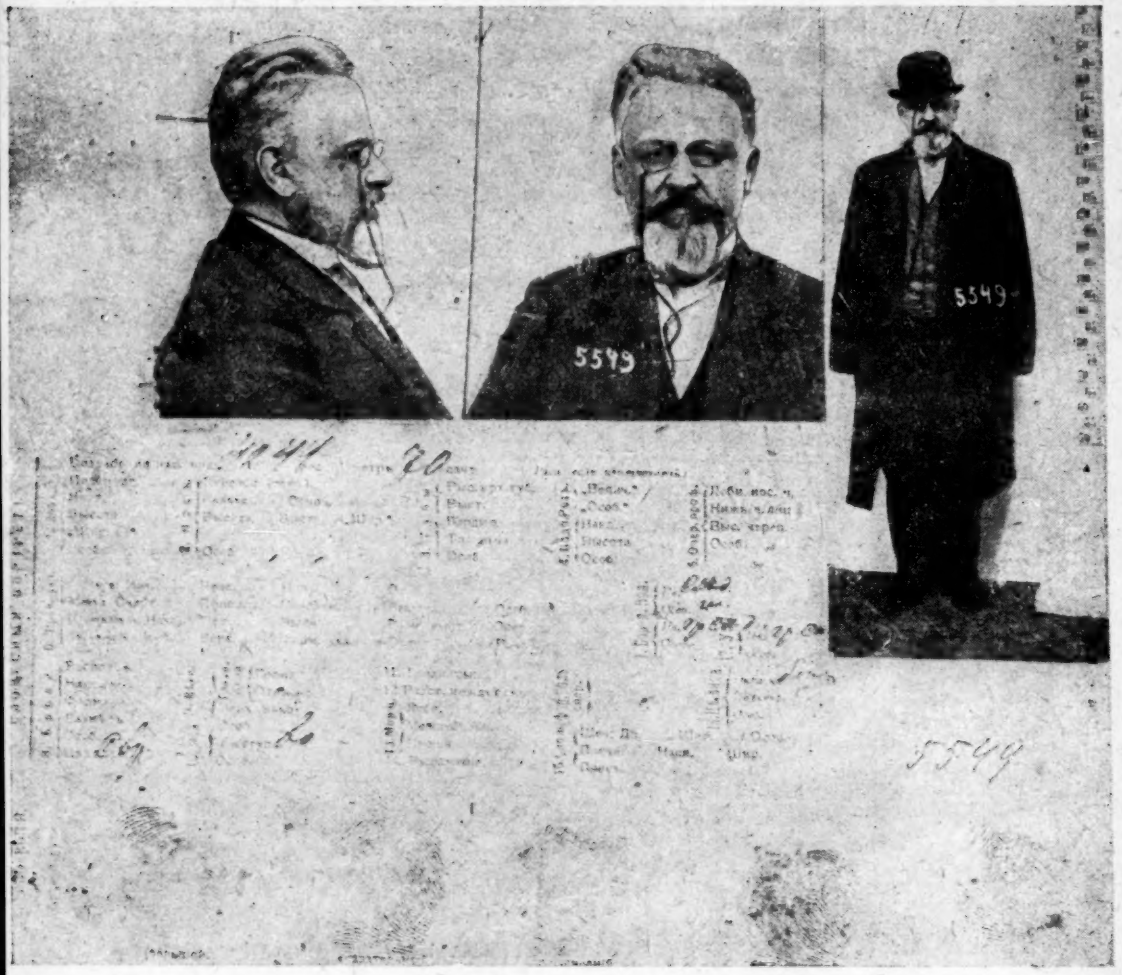
Государь император, по всеподданнейшему министра юстиции докладу обстоятельств дела о противоправительственном сообществе, именовавшемся «С.-Петербургской группой народовольцев», в 24 день января 1896 года высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дело административным порядком, с тем, чтобы, исключив прапорщика запаса армии дворянина Михаила Степанова Александрова из числа чинов запаса, подвергнуть его тюремному заключению на три года, а по отбытии сего наказания выслать на пять лет под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь. На основании высочайшего повеления 12 апреля 1890 года г. министр внутренних дел признал возможным сократить Александрову остающийся ему срок тюремного заключения и выслать его, согласно высочайшему повелению 24 января, в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком на пять лет, считая таковой с 28 сентября 1898 года. Распоряжением Главного тюремного управления от 7 октября 1898 года, за № 506, Александров выслан из С.-Петербурга по назначению, и г. иркутским военным генерал-губернатором назначен на водворение в Олекминский округ. За окончанием 28 сентября 1903 года срока гласного надзора, прибыл 9 ноября того же года в Воронеж, где на основании пункта 4 циркуляра г. министра внутренних дел по департаменту полиции от 9 апреля 1882 года, за № 1365, подчинен таковому же негласному надзору.

Определенных занятий не имеет.

Донесение Воронежского губернского жандармского управления в департамент полиции от 26 марта 1904 г. № 1225.

Имею честь донести департаменту полиции, что состоявший под негласным надзором полиции дворянин Михаил Степанов Александров 13 сего марта по паспорту, выданному из канцелярии г. воронежского губернатора 11 сего марта за № 33, выехал из г. Воронежа за Границу, взяв билет на проезд по железной дороге до станции Границы Варшавско-Венской железной дороги.

Подполковник Тарков.



«Словесный портрет» М. С. Ольминского (Александрова),

(Петерб. охр. отд.)

На оборотной стороне «Словесного портрета» помещены следующие анкетные данные:

Александров Михаил Степанович, потомственный дворянин Воронежской губ; место рождения — г. Воронеж; жена — Екатерина Михайловна Долгова; православный. В С.-Петербургском университете не окончил, литератор; проживал: Лиговка, д. № 44; арестован 18 апреля 1913 г. по делу газеты «Правда»; ранее привлекался в 1885 и 1894 гг.; русский, голос — бас; пенсне светлые стекла в золотой оправе.

Список обысков, о производстве которых в ночь на 18 сего апреля 1913 г. Петербургским охранным отделением сделано распоряжение.

№№ п. п.	Фамилия, имя, отчество и звание обыскиваемого лица	Основание производства обыска	Примечание
1	Все помещения редакции газеты «Правда», в доме № 2, по Ямской улице.	Требование начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления от 11 марта с. г. за № 5696. (Ликвидация газеты «Правда» и служащих в ней).	
2	В типографии Березина, в доме № 14, по Ивановской улице, в которой печатается газета «Правда».	То же.	
3	Самойлова Конкордия Николаева, жена помощника присяжного поверенного.	То же.	
4	Крестинский Николай Николаев, присяжный поверенный.	То же.	
5	Гертик Абрам Мовшев, аптекарский помощник.	То же.	
6	Аксельрод Александр Ефремов, одесский мещанин.	То же.	
7	Савельев Максимилиан Александров, потомственный дворянин.	То же.	
8	Шидловский Георгий Леонидов, потомственный дворянин.	То же.	
9	Александров Михаил Степанов, дворянин.	То же.	
10	Пономарев Владимир Васильев, дворянин.	То же.	
11	Потехин Александр Степанов, студент СПБ политехнического института.	То же.	

Полковник Попов.

Письмо М. С. Ольминского в редакцию газеты «Правда» в апреле 1913 г. [1])

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В «ПРАВДЕ».

(Письмо в редакцию).

Приветствуя редакцию и читателей «Правды» по случаю годовщины издания газеты, я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы сказать несколько слов по поводу своего отношения к «Правде».

Я считаю «Правду» первой и единственной в России ежедневной рабочей политической газетой.

Я основываю это свое мнение на том, что газета создана исключительно на средства рабочих и живет только их поддержкой, что видно из списков пожертвований.

---

[1]) Воспроизводится по автографу, хранящемуся в деле департамента полиции, ос. отд., 1910 г. д. № 15, т. 3. Это письмо было помещено в юбилейном номере «Правды» 23 апреля 1913 г. № 96 (296).

Я основываю это мнение и на том, что фактическим и юридическим хозяином газеты является политический представитель петербургского пролетариата, — раньше депутат Полетаев, а теперь депутат Бадаев.

Я основываю это мнение и на том, что сотрудниками газеты, — в рабочем отделе, а отчасти и в других отделах, — являются не профессиональные литераторы, а рабочие.

Я основываю это мнение и на том, что газета рассчитана исключительно на читателя-рабочего, читается почти исключительно рабочими и является самой распространенной, самой близкой, своей газетой для огромнейшей части сознательного российского пролетариата.

Я основываю, наконец, свое мнение на том, что «Правда» — единственная газета, неуклонно ведущая защиту массовых интересов пролетариата во всей их полноте.

В силу всего сказанного я считаю, что «Правда» и массовое движение сознательного пролетариата в России — неразрывно связаны между собой: работать в «Правде» значит работать в массовом движении, а работать в массовом движении — значит прямо или косвенно работать в «Правде». И наоборот: порвать с «Правдой» значит порвать с массовым движением; выступить против «Правды», бороться против нее — значит бороться против массового движения сознательного российского пролетариата.

По моему глубокому убеждению, бороться против «Правды», как газеты, это не значит бороться против того или иного течения в социал-демократии, а значит бороться против самой социал-демократии.

Вот почему я могу в том или в другом не соглашаться с «Правдой», но не счел бы себя вправе перестать быть ее сотрудником, пока редакция «Правды» удостоивает считать меня в числе сотрудников своей газеты.

Русский социал-демократ литератор может во многом расходиться с авторами, пишущими в «Правде», но уйти от «Правды» он не может, потому что тем самым он уходит от массового социал-демократического движения пролетариата, уходит от социал-демократии, перестает быть русским социал-демократом.

С социал-демократическим приветом М. Ольминский [1]).

---

[1]) Конец письма в «Правде» был опубликован в следующем виде: «Русский социал-демократ литератор может во многом расходиться с авторами, пишущими в «Правде», но уйти от «Правды» он не может, потому что тем самым он уходит от классового движения пролетариата. С товарищеским приветом М. Ольминский».

П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г.

Записка графа Петра Андреевича Шувалова, российского посла в Лондоне и второго русского уполномоченного на Берлинском конгрессе, публикуется впервые. Нужно сказать однако, что ряду исследователей, писавших о русско-турецкой войне и о Берлинском конгрессе, записка эта была известна. Ее использовал реакционный русский историк и публицист Татищев в своей работе об Александре II [1]), использовал ее французский историк (и по совместительству — дипломат) Габриэль Ганото [2]), который получил ее от Артура Рафаловича, агента русского министерства финансов в Париже [3]), и, наконец, — независимо от Ганото и Татищева — J. Badeley в своей книге «Russia in the Eighties» [4]) базируется на показаниях Шувалова.

Таким образом, исследователь не откроет в публикуемой записке каких-либо исторических Америк. Мы уверены однако, что и специалист, хорошо знающий литературу по восточному вопросу, с огромным интересом прочтет в высшей степени любопытную записку Шувалова. Он прочтет ее с интересом хотя бы уже потому только, что, если он и знал от Ганото и Татищева многое из того, что говорит Шувалов, то он знал это только из вторых рук и в передаче, надо сказать, довольно тенденциозной.

Источники о ближневосточном кризисе 1877—78 гг. за последние годы чрезвычайно обогатились. В 1922 г. появился II том дипломатических документов германского иностранного ведомства [5]). Еще раньше появилась монументальная шеститомная биография Дизраэли, составленная Боклем и Monypenny [6]). В 1926 г. появилась 2-я серия писем королевы Виктории [7]). Тогда же, в 1926—27 гг. в английском журнале «Slavonic Review», появилась опубликованная известным английским знатоком славянских дел Seton-Watson'ом [8]) дипломатическая переписка между Горчаковым и Шуваловым за 1877 год.

Немецкая сторона событий получила кроме «Grosse Politik» дополнительное освещение благодаря мемуарам Радовица [9]), вышедшим в 1925 г. Наконец, в 1930 г. появился II том французских дипломатических документов [10]). Турецкая сторона дела получила добавочное освещение в докладе, представленном Порте первым турецким уполномоченным Каратеодори-пашой [11]).

---

[1]) Татищев, Император Александр II, т. 2. стр. 450, 505 и др.
[2]) Hanotaux, Histoire de la France contemporaine, vol. IV.
[3]) Hanotaux, озн. соч., т. IV, стр. 7.
[4]) Особенно стр. 368—370 (о поездке Шувалова в Петербург в мае 1878 г.; далее о спорах из-за Батума на конгрессе).
[5]) Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, Bd. II.
[6]) Monypenny and Buckle, The life of Benjamin Disraeli, vol. 1-6, 1919-1920.
[7]) Изд. Buckle'ем.
[8]) «Slavonic Review», (1926), pp. 413—434, «Russo-British Relations during the Eastern Crisis», edit. by Seton-Watson.
[9]) Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters I. M. Radowitz (1925).
[10]) Documents diplomatiques Français 1-ère Série, vol. II (Paris, 1930).
[11]) Le rapport secret sur le Congrès de Berlin, adressé à la Porte par Carateodory Pasha. Ed. Bertrand Bareilles (Paris, 1919).

Понятно, что все перечисленные буржуазные публикации преследуют те или иные апологетические цели и дают изображение действительности преломленной сквозь призму той или иной политической тенденции.

И тем не менее из них, конечно, можно немало извлечь для изучения ближневосточного кризиса 1877—78 годов. За границей за последние годы в буржуазной литературе появился ряд новых работ о Берлинском конгрессе и русско-турецкой войне [1]), которые по богатству материала оставляют далеко позади себя все то, что писалось об этом раньше, особенно до войны.

Восточный кризис 1877—78 гг. представляет крупнейший момент в истории международных отношений конца XIX—начала XX вв. В самом деле именно тут впервые после долгих лет — собственно впервые после Крымской войны — вырвался наружу жестокий антагонизм между Россией и Австрией в балканском вопросе. В отличие от эпохи Крымской войны этот антагонизм на этот раз выявился в обстановке, которая характеризовалась уже наличием объединенной могущественной Германии. Он вызвал — этот антагонизм — глубокую трещину в «союзе трех императоров». Эта трещина поставила Бисмарка перед необходимостью произвести открытый выбор между Россией и Австрией. Этот выбор — выбор в пользу Австрии — повлек за собой постепенное, но неуклонное обострение русско-германского антагонизма. Бисмарк с исключительным дипломатическим искусством втечение целого десятилетия пытался не рвать окончательно взаимных договорных гарантий с Россией. И тем не менее, дипломатические следствия новой расстановки политических сил, созданной австро-русским столкновением на Балканах и австро-германским союзом, наступили. В 1891—93 гг. был оформлен франко-русский союз. Европа разделилась на два враждебных лагеря, которые в условиях превращения капитализма в капитализм монополистический, в империализм — не могли не становиться во все более и более агрессивную позицию друг против друга.

Есть еще другая сторона у последствий кризиса 1877—78 годов, на которую в литературе обращается меньше внимания, но которую уже тогда, в дни самых событий, разглядели Маркс и Энгельс.

В 1877—78 гг. английский премьер Биконсфильд стремился помешать царской России завладеть Константинополем и проливами. Но все его попытки добиться соглашения с Австрией относительно более решительных действий против царской России кончились неудачей. Австро-венгерский министр иностранных дел гр. Андраши был склонен к решительному выступлению в союзе с Англией. Но его попытки добиться этого разбивались о сопротивление австро-венгерских военных кругов. Только готовность Германии поддержать Англию и Австрию против России дала бы им на суше решительное военное превосходство над Россией. Германское правительство было таким образом наряду с выбором между Россией и Австрией поставлено перед проблемой еще одного выбора — выбора между Россией и Англией в случае англо-русского конфликта.

Бисмарк уклонился от этого выбора в 1877—78 гг., а тем самым помешал и Австрии прочно связаться с Англией. Так встала для Германской империи проблема: найти политическую ориентацию в борьбе между Россией и Англией. В дальнейшем, уже с переходом в империалистическую эпоху, эта проблема нашла своеобразное решение. Занятая тут в конце концов Германской империей позиция более всего напоми-

[1]) См., напр., статьи Gold'a в «English Historical Review», XLI и XLII (октябрь 1926 г. и январь 1927 г.), статью румынского историка Иорга в Revue d'Histoire moderne», III (март-апрель 1928 г.), работу Liebald'a «Die Stellung Englandes in der Russisch-türkischen Kriege von 1875—1878» (1930), статью Lee в «Journale of modern History» (март 1931 г.) и др., помимо соответствующих глав в общих работах по истории внешней политики конца XIX и начала XX века и в многочисленных (особенно в Германии) работах о Бисмарке.

нает позицию между двумя стульями. В основном она была определена новыми моментами чисто империалистического происхождения. Но известные корни этого финала мы видим — правда, в еще довольно неясных очертаниях — уже в эпоху русско-турецкой войны.

Маркс и Энгельс придавали огромное значение восточному кризису 70-х годов и с неослабным вниманием следили за его развитием. В их переписке за годы кризиса 70-х годов в редком письме так или иначе не затрагивается восточный вопрос. Маркс находит, что «рабочая печать уделяет слишком мало внимания восточному вопросу» [1]). Маркс и Энгельс следят за позицией держав, за национальным движением на Балканах, за использованием его царской Россией, за ходом, наконец, военных действий во время русско-турецкой войны — и все это всегда под углом зрения классовых интересов пролетариата, интересов революционного рабочего движения. В их письмах содержатся замечательные образцы анализа дипломатической и военной ситуации. Как пример особенно блестящего анализа военного положения напомним письмо Энгельса от 25 августа 1877 г. [2]), содержащее разбор военной ситуации после первого русского поражения.

Свой анализ общей политической ситуации Маркс наиболее полно, пожалуй, выразил в письме к Либкнехту от 4 февраля 1878 г. [3]).

«Мы самым решительным образом становимся на сторону турок», потому что поражение русских очень ускорило бы социальный переворот в России «и тем самым» «и резкий перелом во всей Европе», — вот тот угол зрения, под которым рассматривает Маркс внешнеполитические события. Маркс дает далее анализ дипломатической ситуации: «дела пошли по-другому. Почему? Из-за предательства Англии и Австрии», которые так и не выступили против России, тем самым предав турок («конечно, за кулисами стоит Бисмарк. Он создал союз трех императоров, удержавший Австрию от выступления.» «Отречение Австрии сразу же дало перевес русской партии в Англии»).

Маркс связывает, кроме того, эту колеблющуюся, по существу предательскую по отношению к Турции, позицию английского кабинета с внутренней партийной борьбой в Англии: «Дизраэли по рукам и по ногам связывали (и связывают) в его собственном министерстве.» Маркс связывает поражение турок и с внутренним положением в Турции, с тем, что «турки не сделали революции». Мы имеем здесь образчик рассмотрения международного положения действительно «во всех его связях и опосредствованиях».

Письма Маркса и Энгельса за период восточного кризиса 70-х годов содержат и несколько ценнейших указаний относительно борьбы против военной опасности и заслуживают и с этой стороны самой углубленной разработки.

Предлагаемая вниманию читателя записка Шувалова составлена в августе 1880 года, т. е. спустя довольно значительный промежуток времени после тех событий, которые в ней описываются. Мы печатаем ее по копии, находящейся в дневнике Половцова, который подготовляется сейчас к печати Центрархивом.

Летом 1881 г. Половцов встретился с Шуваловым, который в то время находился уже в отставке, — в Карлсбаде, и они некоторое время встречались чуть не ежедневно. Главным предметом их бесед были придворные и великосветские сплетни и политика, причем обе эти темы сплетены друг с другом в совершенно неразрывный клубок. Со слов Шувалова Половцов записал в свой дневник целую кучу более или менее пикантных анекдотов из жизни двора Александра II и т. д. Среди подобных вещей, дающих часто весьма любопытные штрихи из жизни правящих сфер того времени,

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I (6), стр. 110.
[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, № 1474.
[3]) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I (6), стр. 380 и сл.

находится и копия записки Шувалова. «Шувалов весьма любезен и словоохотлив,— записал Половцов 3 июля 1881 г. — На мое приглашение когда-нибудь изложить письменно воспоминания о делах, в которых он принимал участие, он сказал мне, что главные события, вызывающие против него обвинение, суть: а) невступление наших войск в Константинополь, б) уступки, сделанные на Берлинском конгрессе». «Об этих двух событиях,— продолжает Половцов,— он написал записку, которую и сообщил мне» — дальше у Половцова скопирована в дневнике записка Шувалова.

Записка Шувалова носит, таким образом, частный характер, как это впрочем с полной очевидностью явствует и из самого содержания записки. Это попытка самооправдания, обращенная не к официальному начальству Шувалова, а к высшему петербургскому «свету». Записка Шувалова дает несомненно много интересного материала — или материала нового, или позволяет по первоисточнику ознакомиться с тем, что было уже известно раньше, но из вторых рук. Не нужно однако забывать, что эта записка составлена все же в целях самозащиты — ввиду той травли, которую подняли против Шувалова высокопоставленные славянофильствующие круги в России. Насколько удачна эта попытка оправдания своей политики? Не подлежит сомнению, что Шувалов, так сказать, стилизует факты. Тут верно, что в январе-феврале 1878 г. он советовал занять Константинополь. В том, что русские войска не заняли Константинополь, виноваты путаные инструкции Александра к русскому главнокомандующему и колебания этого последнего. Зато в апреле-мае 1878 г. угрозы английского кабинета, несомненно, произвели на Шувалова весьма сильное впечатление, и он во время своей поездки в Петербург (в мае) воздействовал на соответствующие сферы в смысле уступок Англии. Результатом явилось письмо Горчакова лорду Дерби, в котором Россия признавала, что вопросы о судьбе Константинополя и проливов имеют европейский характер и не могут быть решены одной Россией. Таким образом русское правительство отказывалось от захвата проливов — уловка, содержавшаяся в инструкциях, данных Шувалову исключительно для личной ориентировки, что речь в письме к Дерби идет лишь о постоянной оккупации, а вовсе не о временном занятии Константинополя и берегов проливов в ходе военных действий, не уничтожала того факта, что Шувалов сыграл свою роль в отказе от приобретения «ключей от своего дома».

Еще пример: говоря о своих успехах в торге с англичанами из-за Батума, Шувалов умалчивает, что уступчивость их не в малой мере объясняется тем, что Англия, в свою очередь, захватила остров Кипр и что цена за Батум была таким образом гораздо выше.

Таких примеров можно бы привести и еще несколько. Но ведь нас записка Шувалова интересует вовсе не с точки зрения того, насколько хорошо защищал ее автор интересы царского правительства на Берлинском конгрессе и накануне его.

В. Хвостов.

Из дневника А. А. Половцова.

3 июля 1881 г.

Обедая с Абазою и Шуваловым, выслушиваю от последнего рассказ о поездке в Лондон Игнатьева для подписания знаменитого протокола, изменившего Сан-стефанский договор.

По получении известия о том, что Игнатьев едет в Англию, Шувалов немедленно телеграфировал в Петербург, что вследствие непопулярности Игнатьева его появление только испортит успех переговоров. В ответ на это последовало распоряжение, чтобы Игнатьев не приезжал в Лондон, а чтобы Шувалов для совещания с ним отправился в Париж. Шувалов, действительно, поехал в Париж, но, во избежание лживых со стороны Игнатьева

показаний, пригласил Орлова присутствовать при их совещаниях. Во время этих совещаний Шувалов, между прочим, сообщил Игнатьеву под величайшим секретом, что на известную ноту русского кабинета Биконсфильд уже изготовил ответ в таком-то смысле.

Когда Шувалов вернулся в Лондон, то к нему приехал Сольсбюри, встревоженный известием о том, что Игнатьев собирается приехать к нему с визитом, на основании приглашения, сделанного во время совместного пребывания их в Константинополе. Сольсбюри просил Шувалова предотвратить этот приезд, предвидя, что он помешает успеху дела. Шувалов не счел себя вправе по своим отношениям к Игнатьеву браться за такое щекотливое поручение, но взялся лишь зашифровать своим русским шифром депешу, написанную Сольсбюри. Несмотря на такой отказ Игнатьев телеграфировал государю, что получил от Сольсбюри приглашение приехать, присовокупляя, что, по его мнению, было бы impoli et impolitique дать отказ на такое приглашение. Разумеется, из Петербурга вновь последовало согласие на поездку.

В самый день приезда Игнатьева в Лондон появилась в «Daily Telegraph» корреспонденция репортера, который со слов Игнатьева передавал содержание заготовленного Биконсфильдом ответа. Шувалов решился дать Игнатьеву обед с наиболее выдающимися английскими политическими деятелями, и каково было его неудовольствие при виде напечатанного в газете сообщения, секретно сделанного им Игнатьеву!

Как только Игнатьев приехал к обеду, Шувалов спросил его о том, как он мог сделать корреспонденту «Daily Telegraph» подобное сообщение. Игнатьев отвечал, что не знает ни этой газеты, ни кого либо из ее корреспондентов. После обеда, когда англичане разъехались, то этот же Игнатьев, забыв о сказанном пред тем, воскликнул: «Какой однако подлец этот корреспондент «Daily Telegraph»! Он мне дал слово, что ничего из сообщенного мною не напечатает».

Рассказ этот весьма любопытен. Если он верен, то каков Игнатьев! Если он не верен, то каков Шувалов! А между тем обоими решались исторические для нашего бедного отечества вопросы.

* * *

Шувалов весьма любезен и словоохотлив. На мое приглашение когда нибудь изложить письменно воспоминания о делах, в которых он принимал участие, он сказал мне, что главные события, вызывающие против него обвинения, суть: а) невступление наших войск в Константинополь, б) уступки, сделанные на Берлинском конгрессе. Об этих двух событиях он написал записку, которую и сообщил мне.

Вот она.

Записка гр. П. А. Шувалова [1]).

Несмотря на блестящие военные успехи, которых мы добились во время войны, и на полученные нами благодаря им материальные и моральные преимущества, наши национальные стремления в известной части остались неудовлетворенными — для этого требовалось вступление наших войск в Константинополь. Я не берусь судить здесь ни о последствиях, которые могли бы произойти от занятия этого города нашей армией, ни о пре-

[1]) Перевод с французского.

пятствиях, которые с военной точки зрения помешали этому. Я ограничусь описанием участия, которое я принимал в этом деле. Мне будет легко установить, что я не только не противился занятию Константинополя, запугивая императорский кабинет последствиями этой меры, но находил ее своевременной, необходимой и, можно сказать, почти безопасной для нас, поскольку она не влекла за собой объявления нам войны со стороны Англии.

Если мы не вступили в Константинополь, то только потому, что главнокомандующий не решился на это и даже не верил в возможность подобного шага. Впоследствии однако предпочли не возлагать ответственности за это на брата императора и косвенным образом на армию, а нашли более удобным свалить все на дипломатию, а именно на представителя России в Лондоне. Вначале тот не мог защищаться: находясь далеко от места действия, он не знал, что там происходило; впоследствии, очутившись перед сложившимся недоброжелательным и ошибочным мнением, он уже не захотел защищаться.

Кое-какие пояснения кажутся мне необходимыми для того, чтобы сделать мой рассказ более понятным.

Медлительность, с какой мы начинали военные действия, и трудности осады Плевны успокоили английское правительство и общественное мнение относительно судьбы Константинополя.

Опасность там считали если не устраненной, то, по крайней мере, отсроченной до следующей кампании, не допуская возможности зимнего перехода через Балканы. Правительство лорда Биконсфильда продолжало свои военные приготовления, но с ними не спешили. За это время я неоднократно продолжительно беседовал с премьер-министром и, даже помимо тех преувеличений, к которым он считал нужным прибегать в своих разговорах с представителем России, для меня было очевидно, что Англия была готова в случае надобности защищать Турцию с оружием в руках. Лорд Биконсфильд любил напоминать о той роли, которую сыграла Англия во времена первой империи, когда она в единственном числе выступила против императора Наполеона I. По его словам, она должна была сыграть ту же самую роль в том случае, если бы Россия стала угрожать существованию Оттоманской империи, хотя бы все остальные континентальные державы и проявили в отношении России только уступчивость и робость.

Лорд Биконсфильд старался меня убедить в том, что Англия располагала огромными военными силами и что она могла довести свою экспедиционную армию до 300 000 человек, влив в нее индийские и канадские контингенты. Для этого нужны были только деньги и время: первое она имела, а зимний сезон предоставлял ей и второе.

После блестящего перехода через Балканы, похода на Адрианополь и полного поражения турецких армий взгляд на вещи в Англии переменился, и там забили тревогу.

Совет министров часто собирался, и в нем секретно обсуждались различные меры, которые надлежало принять против России, чтобы запугать ее и остановить движение ее армий. Лорд Биконсфильд настаивал на посылке английского флота в Константинополь, но этот проект разбивался о мирную позицию лорда Дерби, не хотевшего вовлекать свою страну в политику авантюр и ставившего в зависимость от этого вопроса свое участие в министерстве. Отдававшиеся флоту приказания и контрприказания, свидетелями чего мы были, объяснялись желанием сохранить лорда Дерби и избежать распадения кабинета в момент кризиса. И флот то двигался к Константинополю, то отступал. Взятие нами укрепленного пункта Чаталджи

переполнило чашу, и тогда окончательно было решено послать к Константинополю английскую эскадру. Чтобы победить сопротивление лорда Дерби, его коллеги убеждали его (не знаю, верил ли он этому когда-нибудь), что морская демонстрация не была направлена против России, а только имела целью безопасность английских резидентов в Константинополе. Лорд Дерби уступил, и это известие, в тот же день официально объявленное в обеих палатах, произвело впечатление взорвавшейся бомбы.

Я должен отметить здесь одно важное обстоятельство. Решение нарушить договор и послать флот к Константинополю было принято с такой внезапностью, что русский посланник, естественно, не имел возможности снестись со своим правительством. По необходимости все сношения, начиная с 27 января (8 февраля) 1878 г. (дата декларации в парламенте) и в течение десяти последующих дней, происходили по телеграфу. В этот же промежуток времени была решена судьба Константинополя.

Узнав о том, что произошло 27 января (8 февраля), я отправился к лорду Дерби между концом заседания совета и началом заседания палаты лордов. Я старался отговорить его от декларации, которую он собирался сделать. Я нашел министра иностранных дел очень озабоченным и мрачным. Приказ о выступлении был уже отдан флоту. Лорд Дерби не считал возможным, из опасения скомпрометировать английскую политику, отменить вторично в течение двух недель инструкции, данные адмиралу. Видя, что я уже не могу изменить решения британского правительства, я объявил лорду Дерби на свой страх и риск, что выступление их флота, вместо того, чтобы спасти Константинополь, достигнет совершенно обратной цели, что прохождение ими проливов, как явное нарушение договора, освободит нас от всех данных нами относительно Константинополя и Галлиполи заверений. Мое заявление произвело сильное впечатление на государственного секретаря. В тот же день я отправил следующие две телеграммы.

Телеграмма графа Шувалова канцлеру.

Лондон. 27 января (8 февраля) 1878 г.

Дерби объявил в парламенте, что флот получил приказ отправиться в Константинополь для охраны жизни и имущества подданных. Он просил содействия других держав. Норскот объявил в нижней палате, что условия перемирия содержат опасные пункты и что часть флота отправлена в Константинополь.

(Шифром). Истинные мотивы: удовлетворить сторонников войны, ответить на взятие Чаталджи и быть готовыми захватить раньше нас форты Босфора.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. Того же числа.

(Шифром). Узнав, что несмотря на вашу вчерашнюю телеграмму подготовляется отправка флота в Константинополь под предлогом охраны британских подданных, но очевидно для демонстрации против нас, я предупредил Дерби, что в этом случае мы будем считать себя свободными от всех заверений, данных нами относительно Галлиполи и Константинополя.

В тот же день лорд Дерби дал по телеграфу инструкции британскому посланнику в С.-Петербурге, которые должны были успокоить императорский кабинет. На следующий день, 28 января (9 февраля), я имел с

лордом Дерби новый разговор, после которого послал своему правительству следующую телеграмму.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. 28 января (9 февраля) 1878 г.

Кредиты вотированы огромным большинством.

(Шифром). Дерби просил меня повторить вам мирные заверения Лофтюса. Я отказался, говоря, что не могу вводить вас в заблуждение после того, что говорилось другими министрами в парламенте и особенно вне его. Дерби сказал, что десять судов — еще это не флот; я отвечал, что шесть или двенадцать — дела не меняет. После заключения перемирия и накануне мирной конференции такая мера сама по себе является недопустимой. Я настаивал на прекращении всяких обязательств в отношении Галлиполи; мы, победители, не можем быть одни лишены права входа [в проливы]. Это их пугает. Надо надеяться, что другие державы не санкционируют этой меры, приняв в ней участие, и оставят Англию бессильной и одинокой на ее ложном пути.

На следующий день мои патриотические чувства были оскорблены торжествующим видом английских министров и некоторой части публики.

Отправка флота решительно пользовалась популярностью: видя англичан и слыша их разговоры, можно было бы подумать, что эта мера остановила Россию и спасла Турцию.

Тем временем я не получал из С.-Петербурга никаких известий и даже не знал, одобрило ли мое правительство мое заявление лорду Дерби, сделанное за свой страх и риск. Под влиянием этих соображений я послал в тот же день следующие две телеграммы.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. 28 января (9 февраля) 1878 г.

(Шифром). Здесь гордятся направленной против нас морской демонстрацией. Я считаю, что было бы весьма политично выказать известную энергию, заявив, что вступление флота в проливы освобождает нас от прежних обещаний и что, если Англия высадит хотя бы одного человека, мы будем вынуждены вступить в Константинополь наравне с ними.

Я полагаю, что такая решительная позиция не поведет к разрыву, а наоборот предупредит его, остановив англичан на опасном пути вызывающих действий, которые, если на них ничем не отвечать, могут продолжаться и далее.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. Того же числа.

Ссылаясь на мою сегодняшнюю телеграмму (предыдущую), настаиваю на пользе (шифром) дружественного, но твердого заявления. Англичане считают, что они спасли Константинополь, — надо им доказать, что они повредили ему, и, в случае надобности, остановить частичные десанты, производимые под предлогом охраны [британских] подданных. Мы способствовали бы также возрождению оппозиции, в настоящее время более не существующей, доказав, что меры, принятые правительством, приводят к результатам, обратным ожидавшимся.

Из обмена этими первыми телеграммами видно, что я не только не противился вступлению наших войск в Константинополь, а даже пытался побудить императорское правительство к этой мере. Я считал ее необходимой с точки зрения внутренней политики Англии; надо было дать оружие оппозиции, дать ей возможность доказать, что безрассудство лорда Биконсфильда, пославшего флот в Константинополь, создало новые и серьезные осложнения. Оставляя же этот дерзкий акт без отпора, мы тем самым способствовали бы торжеству кабинета Биконсфильда. Телеграфируя в таком смысле императорскому кабинету, я принял на себя серьезную ответственность своим утверждением, что смелая политика не только не приведет к разрыву, но предупредит его. Под смелой политикой я подразумевал занятие Константинополя.

Я всегда боялся конфликта с Англией, предвидя, насколько он может быть гибелен для России, и поэтому необходимо объяснить те обстоятельства, которые заставили меня советовать занять Константинополь. Во мне родилась уверенность, что это не выльется в casus belli; я пришел к этому выводу не на основании слов лорда Дерби, а по выражению его лица, которое я изучил в течение целого ряда лет. Я замечал его испуг и мрачность каждый раз, когда я говорил ему, что вступление английского флота в проливы освобождает нас от всех обязательств касательно Константинополя и Галлиполи, и видел, что он становился спокойнее, когда речь шла только об одном Константинополе. Поэтому я убедился, что вопрос войны или мира зависит не от Константинополя, а от Галлиполи. События последующих дней показали, что я был прав. Я получил от канцлера 30 января (11 февраля) телеграмму следующего содержания, посланную накануне.

Телеграмма канцлера.

С.-Петербург. 29 января (10 февраля) 1878 г.

Британское правительство в связи с донесениями своего посланника в Константинополе решило воспользоваться фирманом, которого они недавно добились, и отправить часть своего флота в Константинополь для защиты жизни и безопасности британских подданных. Другие приняли те же меры в отношении своих подданных. Совокупность этих обстоятельств заставляет нас наметить с нашей стороны меры к защите христиан, жизнь и имущество которых оказались бы в опасности. Для достижения этой цели следует иметь в виду вступление части наших войск в Константинополь.

В тот же день я сообщил лорду Дерби содержание телеграмм канцлера и уведомил князя Горчакова, что наше решение произвело тут огромное впечатление, что не было преувеличением.

Министр иностранных дел ответил на мое заявление приблизительно в следующих выражениях:

«Принятое нами решение очень серьезно. Оно является величайшей угрозой отношениям обеих стран. Между безобидным присутствием нескольких английских судов в водах Босфора с единственной целью охранять жизнь и имущество англичан и военной оккупацией столицы Турции — большая разница. Этот факт настолько важен, что я не могу высказать вам никакого решительного мнения, не посоветовавшись предварительно с моими коллегами».

Действительно, на следующий день лорд Дерби заявил мне, что если русская армия, войдя в Константинополь, двинется в то же время и на

Галлиполи, то это будет равносильно разрыву, а со стороны Англии вызовет объявление войны.

Флот прошел Дарданеллы. Присутствие русских в Галлиполи будет для него угрозой: русские могут расставить в проливе мины, и английские суда окажутся в ловушке. Так как возбуждение в Англии достигло сильной степени, взрыв был бы неминуем. Эти слова меня обрадовали, они оправдали мои предположения. Мы могли, следовательно, войти в Константинополь, не навязывая себе войны с Англией. Таким образом Константинополь мог безнаказанно стать объектом наших операций, а его временная оккупация была бы лишним триумфом нашей армии. Занятие же Галлиполи не принесло бы нам никаких лавров, — делать там нам было совершенно нечего, и этим шагом мы могли бы лишь вызвать войну с Англией. Одно или два английских судна, крейсирующие в проливах, помешали бы всякой попытке расстановки мин. Впоследствии я узнал, что для нас было бы невозможно запереть английский флот, даже если бы Галлиполи и его окрестности были в наших руках.

Я отправил канцлеру 1(13) февраля следующую телеграмму.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. 1(13) февраля 1878 г.

(Шифром). Дерби выразил мне серьезную надежду, что мы не двинемся на Галлиполи и не предпримем ничего угрожающего флоту.

Подобное движение рассматривалось бы в Англии как угроза безопасности флота и при настоящем состоянии общественного мнения повело бы к серьезным последствиям. Это новый клапан для предотвращения взрыва. Находясь перед Константинополем, они не могут сохранять свою прежнюю позицию запрета нашим войскам вступить в Константинополь, и поэтому английские министры запрещают нам войти в Галлиполи.

Если хотите не допустить падения Дерби, дайте ответ, способный их удовлетворить.

Князь Горчаков ответил на это следующей телеграммой от 3(15) февраля.

Телеграмма канцлера.

С.-Петербург. 3(15) февраля 1878 г.

(Нешифрованная). Получил ваши телеграммы до 2 февраля включительно. Лофтюс ознакомил меня с телеграммой Дерби, подчеркивающей мирные цели входа английской эскадры в Дарданеллы, но утверждающей, что вступление наших войск не будет иметь того же мирного характера.

Я заметил ему, что наша цель была совершенно тождественна: охрана христиан в случае опасности, и сослался на свою телеграмму от 31 января.

(Шифром). Ввиду того, что английская эскадра прошла Дарданеллы несмотря на протесты Порты, временное вступление наших войск в Константинополь неизбежно. В виде крайней уступки вы можете заявить, что мы подтверждаем наше обещание не занимать Галлиполи при условии, что ни один английский солдат не высадится ни на азиатском, ни на европейском берегу.

После этой телеграммы втечение десяти дней я ждал известия о вступлении наших войск в Константинополь.

Карлсбад. Август 1880 г.

Меня неоднократно просили написать если не мемуары, то хотя бы записки о тех важных событиях, в которых я принимал участие, но я постоянно от этого отказывался.

Мне всегда казалось, что, описывая то, что происходило на наших глазах, или то, к чему мы сами были причастны, мы отводим слишком большую роль выдающимся личностям или своей собственной деятельности. По мере же того, как я старею и наблюдаю жизнь, я с каждым днем все больше убеждаюсь, что все события направляются более могущественной волей, чем воля человеческая, и что роль личностей ничтожна — самые великие из них подобны мухам из басни Лафонтена [1]).

Если я теперь решаюсь нарушить молчание, то только для того, чтобы восстановить истинную картину двух событий в которых я был призван стать действующим лицом и в которых роль моя была в высшей степени извращена, особенно в моем отечестве. Я хочу, чтобы мой сын и мои друзья когда-нибудь узнали, как все происходило на самом деле.

Меня часто обвиняли в России лица, хорошо знавшие правду, которым было более непростительно, чем кому-либо, возводить на меня обвинения,

во-первых, в том, что я помешал занятию Константинополя русской армией;

во-вторых, в том, что я не добился на Берлинском конгрессе результатов, благоприятных для своего отечества.

На эти две темы я буду говорить в своих записках. Начну с Берлинского конгресса. Для другой, более легкой для меня темы у меня имеются многочисленные документы, и к ней я вернусь позднее.

Берлинский конгресс.

Я никогда не был сторонником конгресса. Идея о нем, можно сказать, витала в воздухе с самого начала войны, особенно вследствие многократных деклараций, с которыми С.-Петербургский кабинет обращался к Европе и на которые он не скупился. Кроме принятых нами на себя обязательств по отношению к Германии и Австро-Венгрии, которые вынуждали нас к соглашению с державами относительно результатов войны, мы еще неустанно повторяли, что защищаем с оружием в руках европейские интересы и что впоследствии они будут разрешены с общего согласия. Но позднее, при перемирии в Сан-Стефано, мы старались уклониться от этого принципа.

Я относился к конгрессу с опасением по следующим причинам (мои доклады, сделанные в различное время, служат исчерпывающим доказательством моих слов).

Втечение всего кризиса у нас в руках был прекрасный козырь: скрытое разногласие между Австро-Венгрией и Англией. Причин этого разногласия было много. Возникновение его надо приписать искреннему желанию графа Андраши сохранить тройственное согласие, иначе говоря — соглашение трех императоров, а также тщеславному намерению графа ознаменовать свой приход к власти приобретением для монархии двух провинций, которые мы готовы были ему предоставить в вознаграждение за нейтралитет Австро-Венгрии.

Андраши всегда сознавал, насколько непопулярно было это расширение территории среди венгров и даже среди здравомыслящих людей других

---

[1]) В подлиннике: «les mouches du coche».

частей империи. Но его соблазнило то, что округление владений доставит удовольствие императору Францу-Иосифу, и, кроме того, он считал, что в конечном счете всякому народу приятно расширение его территории. Потомство, может быть, простит его за добрые намерения, но современники в Австрии до сих пор не чувствуют к нему благодарности.

Позднее, когда Венский кабинет, недовольный нами, выразил желание сблизиться в Лондонским кабинетом, он нашел там почву, мало благоприятную для своих попыток.

Лорд Дерби, бывший в это время министром иностранных дел, никогда не был другом Австрии. Он в высшей степени не доверял ей; он неоднократно говорил мне, что Англия не может вступать в договорные отношения со страной, способной покинуть ее в последнюю минуту, даже после совместного объявления войны. С другой стороны, посланник Австро-Венгрии в Лондоне граф Бейст (предлагая соглашение от имени своего правительства) сам скрыто вредил ему, дабы провалить политику своего начальника, которого он считал своим врагом, как мне кажется, только потому, что тот стал его преемником.

Вместо того, чтобы рассеять недоверие лорда Дерби, он его поддерживал, очень тонко давая ему понять, что на слова графа Андраши полагаться нельзя.

Я помню,—это было во время самых оживленных переговоров между Венским и Лондонским кабинетами,— как лорд Дерби говорил со мной с запальчивостью о графе Андраши и его недостаточной добросовестности. Заметив, что его слова меня удивляют, он прибавил: «Бейст представил мне сегодня документальные доказательства того, до какой степени Андраши лжет и как невозможно ему доверять».

Я упоминаю об этом потому, что разногласия между Австро-Венгрией и Англией имели большое влияние на развитие восточного кризиса. Если бы Лондон и Вена могли с самого начала достигнуть соглашения, если бы они заявили, что не допустят войны, возможность ее была бы исключена. Присутствие английского флота в Балтийском и Черном морях раздробляло бы наши силы, а движение австрийской армии угрожало бы нашим путям сообщения и препятствовало переходу через Дунай.

По моему мнению, именно в этом была огромная ошибка графа Андраши с точки зрения австро-венгерских интересов. Он старался достичь соглашения с нами, хотя его интересы и наши были противоположны, и пренебрег теми, с кем у него интересы совпадали.

Возвращаюсь к своей теме. Я боялся конгресса. Я предвидел, что соглашение, которого трудно было достичь издалека, легко осуществится между английскими министрами и графом Андраши в Берлине, и что это соглашение будет направлено против нас. Я помню, что в одном из писем моих к князю Горчакову я высказал примерно следующее: «Если, с одной стороны, созыв конгресса является единственной возможностью избежать европейской войны, с другой стороны, он представляет большую опасность, ибо собрать министров великих держав вокруг зеленого стола это значит облегчить им возможность договориться против нас, чего до сих пор они не могли сделать».

Тем временем все получаемые мною из С.-Петербурга официальные сообщения указывали на то, что там жаждут конгресса, льстя себя надеждой, что Европа не будет препятствовать и санкционирует Сан-стефанский договор. Вследствие этого мне было поручено способствовать созыву конгресса.

В принципе эта идея была принята всеми державами. Но здесь произошел инцидент, который мог все изменить, сделать невозможным созыв конгресса и обречь нас на продолжение войны на этот раз с новыми противниками — с англичанами, а возможно, и с австрийцами.

С.-Петербургский кабинет неоднократно упрекали в непостоянстве его политики или в политическом сантиментальничанье. Мне кажется, его можно было справедливо упрекнуть лишь в том, что вместо дела он занимался фразами.

С достопамятного: «Россия не сердита — она сосредоточена», — красивые, но ничего не значащие слова, — мы ограничивались фразами и только фразами. Ими полны депеши князя Горчакова. Мои коллеги и я, мы часто оказывались в самом тяжелом положении: ожидая точных инструкций, мы получали образцы дипломатической литературы с громкими словами. Даже телеграммы не лишены были этого недостатка. Историку достаточно будет прочитать документы, относящиеся к этому времени, чтобы в этом убедиться.

Итак мы хотели созыва конгрессса, но не хотели обсуждать его принципов и пределов его компетенции, чего вполне справедливо требовали другие кабинеты, так как ничто не может быть печальнее конгрессса без определенной программы. Мы точно также не хотели представлять на обсуждение Европы все статьи Сан-стефанского договора, кроме статей общего характера. Ни англичане ни австрийцы не могли на это согласиться. Вместе с тем мы не хотели, чтобы Европа поняла наше намерение. Желая замаскировать нашу мысль, мы прибегали к громким фразам. На многократные запросы лорда Дерби, мы отвечали, что в основу конгресса должна быть положена «всеобщая свобода действий и оценки». Когда от нас потребовали более точной формулировки, мы не смогли ее дать. На мои запросы, с которыми я обращался к князю Горчакову, он отвечал в таком смысле: «Ограничьтесь требованием свободы действий и оценки». Не имея возможности добиться от нас более полных сообщений и в силу своей осторожности отказываясь принять такую туманную формулировку, лорд Дерби выступил против нас с другой декларацией, которую он имел неосторожность в тот день сообщить в парламенте.

Англия требовала, чтобы Сан-стефанский договор был целиком представлен на конгресс и каждая статья его подверглась бы обсуждению.

Мы оказались таким образом в тупике. Ни та, ни другая страна не могла отречься от своей декларации, не уронив своего достоинства. Созыв конгресса становился невозможным; военные приготовления в Англии усиливались: граф Дерби пал, и маркиз Сольсбюри, захватив портфель министра иностранных дел, к которому, казалось, он давно стремился, издал свой далеко не успокоительный циркуляр от 1 апреля 1878 г.

В этот промежуток времени граф Андраши поспешил использовать перемену в личном составе для сближения с Англией; его попытки были с готовностью приняты лордом Сольсбюри. О конгрессе перестали говорить, и князь Бисмарк ограничивался переговорами о том, что называлось «одновременным отступлением».

Требовалось избавить Константинополь от близости нашей армии, с одной стороны, и английского флота, с другой; для этого надо было удалить их на расстояние двух-трех переходов. Эти переговоры были с самого начала мертворожденными. Они не имели практической основы, так как ежеминутно могли превратиться в скачку с препятствиями между флотом и армией, имевшими одинаковую цель — Константинополь. Самой слабой

стороной этой комбинации было то, что, даже при успешном исходе, она не давала никакого практического решения. Бесполезно было отступать на два-три перехода, раз невозможно было достигнуть соглашения с Европой, и конгресс стал неосуществим.

Я всегда любил трудные положения, в которых приходилось брать на себя большую ответственность. И в этот момент я взял на себя инициативу обращения к маркизу Сольсбюри, обращения, изменившего положения дел и решившего судьбу Берлинского конгресса.

Однажды, когда я был у него в министерстве иностранных дел, он спросил меня, считать ли прерванными переговоры об одновременном отступлении. Я отвечал маркизу, что мало интересуюсь этим вопросом, так как он не может привести к удовлетворительному решению. Мы стоим между войной и конгрессом; вместе того, чтобы предупредить войну и постараться созвать конгресс, мы занимаемся, — сказал я ему, — бесполезной стратегией.

Лорд Сольсбюри ответил мне, что он разделяет мнение своего предшественника относительно опасности созыва конгресса без определения предварительных основ. На его взгляд, это привело бы к европейской войне, к войне неизбежной; конгресс невозможен, если мы не примем основ английской декларации.

Я отвечал, что то, что он говорил, являлось не базой, а формулой. Чем больше формул, тем дальше мы будем от цели. Нам важно сговориться с Англией и уточнить, какие части Сан-стефанского договора можно поддерживать, а какие надо изменить. Договорившись по этому вопросу, мы нашли бы выход из тупика, в который мы попали.

Лорд Сольсбюри подумал несколько секунд и отвечал приблизительно в следующих выражениях: «Если бы мы стали обсуждать с вами эти пункты, как вы предлагаете, это стало бы общеизвестно, а мы хотели бы договариваться не отдельно с вами, но со всеми другими державами».

Я уверял маркиза, что, если бы он согласился обсуждать со мной принципы конгресса, я гарантировал бы ему тайну и обещал бы ему не сообщать об этом своему правительству даже телеграфно. Но если бы я увидел, что наши переговоры могут быть успешны, я попросил бы отпуска по личным делам и отправился бы в С.-Петербург.

Это предложение, казалось, понравилось маркизу, и он попросил меня дать ему время для переговоров с его коллегой лордом Биконсфильдом.

Премьер-министр отнесся очень благосклонно к моему предложению и передал мне это на следующий же день в выражениях, лично для меня очень лестных. Тогда я начал переговоры с лордом Сольсбюри. Они продолжались целую неделю и были очень трудны и утомительны. Приводить их здесь бесполезно, так как изложение их имеется в министерстве иностранных дел. Они послужили подготовлением к тайному соглашению от 30 мая, подписанному мною и английским министром. С самого начала переговоров я заметил, что главной целью Англии было разделение Болгарии на две части, так, чтобы Балканский хребет отошел к султану, дабы дать ему возможность защищаться от наших будущих нападений. Как ни важно было изменение границ в Малой Азии, предоставление России Карса, а главным образом Батума, балканский вопрос имел наибольшее значение для британского кабинета.

В этом и состояла ошибка лорда Сольсбюри и лорда Биконсфильда. Было очевидно, что отделение северной Болгарии от южной могло быть

только искусственным, даже имея в виду, что защита Балкан будет в руках турок, и я, помню, предложил лорду Сольсбюри, когда он подыскивал названия для этих двух Болгарий, назвать одну Болгарией довольной, другую — недовольной.

Через два года после конгресса стало очевидно, 1) что султан не может защищаться на линии Балкан и 2) что через несколько лет или даже месяцев произойдет объединение этих двух провинций. В конечном счете, втечение недели я добился обещания созыва конгресса, который должен был предоставить России Карс и Батум.

Оставалось только выбраться из тупика, в котором мы очутились благодаря русской и английской декларациям. Для достижения этой цели я предложил лорду Сольсбюри следующее: я отправлюсь к князю Бисмарку, посвящу его в наши переговоры и предложу ему инициативу созыва конгресса, выпутавшись из нашего затруднительного положения при помощи следующей формулы — каждая держава, соглашаясь принять участие в конгрессе, тем самым заявляет о своей готовности обсуждать все пункты Сан-стефанского договора.

На другой же день я выехал из Лондона и отправился прямо в Фридрихсруэ, где в это время пребывал князь Бисмарк. Немецкий канцлер был очень удивлен, когда я посвятил его в свои переговоры с английскими министрами. Сначала он казался очень озабоченным тем, что мы будем вести переговоры с Англией, вместо того, чтобы договориться с Австрией,— это, повидимому, особенно ему не нравилось. Я ответил князю, что в наших интересах было вести переговоры с державой, намеревавшейся объявить нам войну и флот которой был вполне наготове. Кроме того, Англия, а не Австрия, оспаривала наше право на Карс и Батум. Общественное же мнение в России высказывалось так же энергично за присоединение этих обоих пунктов, как в Германии в 1870 г. оно требовало присоединения Эльзаса. Князь Бисмарк выразил также крайнее изумление, узнав, что Англия согласилась уступить нам Карс и Батум. Он справедливо находил, что эта уступка не соответствовала тону деклараций, сделанных лордом Сольсбюри с тех пор, как он получил портфель министра иностранных дел. Князь считал это недоразумением. Чтобы убедить его, я должен был дважды прочесть ему заметки, сделанные мною во время моих бесед с министром иностранных дел.

Князь, который был в это время болен, встал в волнении, сделал несколько шагов и сказал мне:

«Ну, в таком случае вы были правы, ведя переговоры с Англией. Она стала бы воевать с вами даже одна, тогда как Австрия объявила бы вам войну только совместно с союзниками». «Когда Андраши приходил в воинственное настроение, — сказал он, — я всегда успокаивал его, доказывая ему, что он не мог воевать с вами один.

В случае австрийских успехов вы отступили бы к Москве, как во время кампании 1812 года, но вы не погибли бы, тогда как, при одной крупной неудаче австрийской армии, и Австрии и династии Габсбургов пришел бы конец».

Князь хотел внести кое-какие изменения в редакцию формулы, которая должна была объединить конгресс. Я просил его не делать этого, зная, как трудно склонить английских министров к изменению уже принятой редакции; они сейчас же начинают подозревать какие-то скрытые цели и недобросовестность. Князь уступил моей просьбе и обещал мне самую искреннюю и лойяльную поддержку.

Проезжая через Берлин, я представился германскому императору, который сообщил мне те же опасения, что и канцлер, по поводу непосредственного соглашения с Англией и одинаково выразил удивление, узнав, что Англия согласна на то, чтобы мы взяли себе Карс и Батум.

Вильдбад. 14 августа.

Не раз, втечение последних переговоров, мне приходило в голову, что если удастся созвать конгресс, меня заставят принять в нем участие. Мне очень хотелось отклонить эту обязанность, — во всяком случае, я не хотел участвовать в конгрессе вместе с князем Горчаковым или генералом Игнатьевым. Оба эти лица по своему положению, так сказать, предназначались к участию в разрешении восточного вопроса. Впоследствии положение дел, которое я застал в С.-Петербурге, и те мнения, какие мне пришлось слышать от влиятельных лиц, заставили меня изменить мое намерение. Одним словом, то, что представилось моим глазам в С.-Петербурге, было настолько необычайно по сравнению с тем поворотом в общественном мнении, какой произошел после конгресса, что об этом необходимо рассказать.

С самого моего приезда я услышал, как со всех сторон осуждали политику императора и, несмотря на крупные успехи наших армий, сожалели о том, что мы начали войну. Это мнение было всеобщим, без единого исключения. Казалось, все думали одинаково. Одни (я говорю о министрах и других влиятельных лицах) сожалели о начавшейся войне с точки зрения общественного благосостояния России: война расстроила наши финансы на многие годы: она потребует новых налогов; она вызовет значительное повышение цен на предметы первой необходимости. Другие сожалели о ней в связи с политическим положением внутри страны; война и особенно предшествовавший ей период способствовали развитию революционных элементов в России. Славянские комитеты вошли в силу, и правительству трудно будет вновь натянуть вожжи, после того как оно их совершенно распустило. Даже военные, участвовавшие в последней кампании и находившиеся в большом количестве в С.-Петербурге из-за конгресса, критиковали войну, ее необходимость, говорили о высоком благосостоянии, наблюдавшемся среди христианского населения Турции. Они открыто говорили, что у нас нет больше достаточных военных средств, чтобы продолжать борьбу, что война, к тому же, надоела как офицерам, так и солдатам. Я застал в С.-Петербурге двух главнокомандующих. Они говорили со мной приблизительно в одном и том же духе и заклинали меня сделать все возможное, чтобы предупредить продолжение войны, которое, по их мнению, могло испортить уже достигнутые результаты. Великий князь Михаил, говоря со мной об экспедиционном корпусе, подготовленном в Англии, который, по слухам, должен был произвести десант в Поти, спросил меня о приблизительной численности этих войск. Я ему сказал, что 35 000 человек были уже совершенно готовы к посадке и что такое же количество могло быть подготовлено через несколько недель. Великий князь отвечал, что он был настолько ослаблен потерями, что тех сил, какие были в его распоряжении, едва хватало против турок. Было бы достаточно нескольких английских полков, чтобы поставить его в критическое положение.

Великий князь Николай рассказал мне подробно о своем положении: его тяжелая артиллерия осталась по ту сторону Балкан, болезни опустошали его войска. Достаточно привести один пример: в гвардейском корпусе, насчитывавшем приблизительно 35 000 человек, было 17 000 больных тифом и другими болезнями. Одно это скопление больных тормозило всякое дви-

жение. Не было недостатка и в других препятствиях, делавших невозможным продолжение борьбы.

Привезенные мной известия должны были быть сохранены в глубокой тайне, что было исполнено. Император был также очень удивлен предварительными условиями, привезенными мной из Лондона. Приход к власти маркиза Сольсбюри, его циркуляр, его речь в парламенте, все вместе взятое давало повод думать, что у нас произойдет конфликт с Англией. Поэтому император не хотел верить, что взамен разделения Болгарии на две части Балканами англичане склонялись уступить нам Карс — одним словом, все существенные преимущества Сан-стефанского договора, от которых, как все мне доказывало во время моего пребывания в С.-Петербурге, мы отказались бы, лишь бы не возобновлять борьбы, на этот раз при вмешательстве в нее других великих держав. На мой доклад о переговорах император ответил приблизительно в следующих выражениях:

«Мне безразлично, будут ли две или даже три Болгарии, лишь бы все они были обеспечены учреждениями, которые гарантировали бы их от возобновления тех ужасов, какие мы видели. Что касается остального — Карса, Батума и так далее, я ничему не верю. Когда дело дойдет до подписания соглашения, англичане откажутся от этого. Одним словом, они вас обманывают».

Эту последнюю фразу император повторял мне при каждом свидании, и я отвечал неизменно, что я далек от того, чтобы ручаться за добросовестность англичан, что я сделал эту попытку, так как она соответствовала его воле, что в тот день, когда англичане отрекутся от своих намерений, мы окажемся в прежнем положении, и тогда мы решим, что мы должны предпринять.

Я не буду больше распространяться о моем кратковременном пребывании в С.-Петербурге. После нескольких собраний под председательством императора все предложения, передатчиком которых я являлся, были утверждены. Одно из них было тяжело для императора — именно условие о занятии Балкан войсками султана. Я доказывал его величеству, что англичане не уступят в этом вопросе и что надо примириться с этой оккупацией, — к тому же она потребует таких материальных жертв, что, по всей вероятности, окажется призрачной.

Двухлетний опыт доказывает нам теперь, что я не ошибался.

Прощаясь со мной, император сообщил мне о своем намерении послать меня на конгресс в качестве главного уполномоченного, дав мне помощником Убри.

У меня было горячее желание отойти в сторону после подписания соглашения с Англией, если бы мне удалось этого добиться. Уже тогда я предвидел, что лицо, посланное в Берлин как представитель России, обязанное избавить прежде всего свою родину от продолжения войны и выполнить задания правительства, не считаясь со стремлениями вошедшей в такую силу славянской партии, что это лицо в данной ситуации будет козлом отпущения, — признаюсь, эта роль не особенно мне улыбалась. Но, как я уже сказал, все те пессимистические мнения, каких я наслушался в С.-Петербурге из уст лиц, компетентных в политической, финансовой и военной областях, в высшей степени возбудили мои патриотические чувства и заставили меня принять на себя неблагодарную роль уполномоченного на конгрессе.

При всей скромности я могу сказать, что в это время я был единственным государственным человеком в России, могущим привести это дело к благополучному исходу как благодаря существовавшим между князем Бисмарком и мной дружеским отношениям, так и благодаря тому доверию, какое мне оказывали в Лондоне и Вене.

Я коснусь слегка моего кратковременного пребывания в Лондоне до подписания соглашения и отъезда на Берлинский конгресс. Английские министры были немного напуганы сделанными уступками и старались отречься от них при помощи редакционных изменений. Я старался удержать их на правильном пути, постоянно выдвигая вперед князя Бисмарка. Мои заметки были ему прочитаны, он принял их содержание и на этих основах соглашался созвать конгресс. Всякое изменение могло повредить созыву конгресса. Попытки к этому со стороны англичан заставляли меня желать возможно быстрого решения, но императорский кабинет увеличил трудность моей миссии, требуя сообщений in extenso о ходе соглашения. Я терял много времени на их зашифровывание и перешифровывание всякий раз, как лорд Сольсбюри вносил малейшее изменение.

Такой недостаток доверия к личностям является отличительной чертой нашего министерства иностранных дел. Определенному лицу дают как будто бы самые широкие полномочия, зная, что ему известны взгляды императора, и в то же время ему не дают свободы в выборе того или иного выражения без надлежащего разрешения.

Я потерял больше недели на телеграфные сообщения, а маркиз Сольсбюри пользовался этим промедлением, чтобы ежедневно изменять в свою пользу текст соглашения.

Мы подписали меморандум 18 (30) мая, но он оставался строго конфиденциальным. Когда в Лондоне узнали, что Германия предложила конгресс и все великие державы тотчас же на него согласились, мне приписали успех этого дела и делали мне овации до самого момента моего отъезда. Тем временем я получил высочайший приказ ехать в Берлин на открытие конгресса в качестве главного уполномоченного от России, причем добавлялось, что там я найду для себя инструкции.

Такой способ действий мне показался слишком упрощенным. Обязанный раньше сноситься с С.-Петербургом по поводу каждой запятой в соглашении, я должен был теперь ехать в Берлин, являться на конгресс, вступать в борьбу с представителями всех великих держав без предварительного обмена мнений со своим правительством, без устного обсуждения той позиции, которой я должен буду придерживаться. Время не терпело; до июня (13) 1 оставалось несколько дней, тем не менее я заявил, что не смогу выполнить возложенной на меня задачи, не получив устных инструкций от императора.

Я немедленно уехал в С.-Петербург, где пробыл всего двое суток.

Я хочу отметить здесь инцидент, о котором мне тогда пришлось умолчать из боязни прослыть самонадеянным, но который оказал известное влияние на результаты конгресса. При моем проезде через Берлин я прежде всего отправился к князю Бисмарку; он был настроен чрезвычайно доброжелательно по отношению к делу, которое я должен был защищать. Расставаясь с ним, я просил его поддержки. Не могу точно припомнить, в каких выражениях он мне ее обещал, но сказанное им заключалось приблизительно в следующих словах:

«Он чрезвычайно доволен выбором, павшим на меня лично; я являюсь единственным лицом в России, которому он вполне и всецело доверяет и с

которым ему было приятно вести деловые переговоры. Я могу рассчитывать на него, и он сумеет во время конгресса доказать мне искренность чувства, с которым он уже давно ко мне относился».

Он еще не кончил говорить, когда ему принесли расшифрованную телеграмму генерала Швейница. В ней говорилось, что император сделал визит князю Горчакову с целью дать ему понять невозможность его поездки на конгресс ввиду состояния его здоровья; но что, уступая настояниям канцлера, его величество, в конце концов, согласился назначить его главным уполномоченным вместо меня. При этой новости, прочитанной вслух князем Бисмарком, выражение его лица быстро и многозначительно изменилось.

«Обстоятельства совершенно изменились,— сказал он мне,— мы лично останемся с вами друзьями во время конгресса, но я не позволю князю Горчакову вторично взобраться ко мне на плечи, пользуясь ими как пьедесталом».

Этот факт еще лишний раз доказывает, до какой степени у нас все приносится в жертву личным интересам. Наиболее насущные интересы как в области внешней политики, так и внутренней зависят от соображений подобного порядка. Император знал, что князь Горчаков является абсолютным ничтожеством, ему были известны враждебные чувства, которые князь Бисмарк питал к российскому канцлеру; его присутствие в Берлине могло только повредить нашему делу. Все это было очевидно, и все-таки князю Горчакову было разрешено ехать в Берлин.

Что касается меня, то я должен был принять участие в конгрессе, так как пользовался доверием Европы, но меня нельзя было посылать в качестве главного уполномоченного, и вот почему. Моя предыдущая политика в России не пользовалась популярностью. Мне не могли простить защиты мною интересов прибалтийских провинций против ультра-объединительных тенденций, царивших в С.-Петербурге. Меня упрекали в том, что я противился проведению в польских провинциях репрессивных мер, несправедливых и зараженных радикализмом. Наконец, было известно, что я являлся противником панславистских тенденций, а также и последней войны. Таким образом в глазах известных кругов я являлся личностью подозрительной.

Император должен был бы выбрать лицо, вполне знакомое с положением дел, но известное своими националистскими тенденциями Человеком, так сказать, предназначенным для этого, был генерал Милютин. Его присутствие на конгрессе, конечно, ничего не изменило бы в положении вещей, но тот же самый Берлинский трактат не оказался бы столь непопулярным в России, а был бы принят благосклонно, если бы на нем стояла подпись Милютина.

Император собрал нас только один раз. На этом заседании, продолжавшемся менее двух часов, были утверждены инструкции для полномочных представителей — инструкции, составленные в этот же день с величайшей поспешностью. Князь Горчаков, только что поправившийся после болезни, умственно ослабел настолько, что не понимал того, что говорилось. Заседание было объявлено закрытым, тогда как еще множество существенных пунктов не было затронуто. Тем не менее нужно было ехать, иначе мы рисковали опоздать к открытию конгресса.

Здесь произошел инцидент, который необходимо отметить. Возвращаясь из Царского Села, я ехал по железной дороге вместе с военным министром. Я горько жаловался на незначительность помощи, которую я могу ожидать со стороны главного уполномоченного, а в особенности на недостаточность инструкций.

Генерал мне ответил: «Для чего вам инструкции, дорогой граф, и как вы хотите, чтобы вам их давали? Вы знаете положение. Мы не можем больше сражаться. Мы не можем этого ни по финансовым, ни по военным соображениям. Вы взяли на себя выполнение патриотической задачи, поэтому защищайте нас как можно лучше. Отстаивайте пункты, какие вы сочтете возможным отстоять, и уступайте, лучше уступайте все, чтобы только не сорвать конгресса».

Можно ли подумать после таких слов, что как раз генерал Милютин наиболее громко высказывал свое недовольство результатами конгресса и что именно он при получении первых известий из Берлина наиболее энергично обрушился на полномочных представителей России? Это тем более удивительно, что на конгрессе я не только не делал уступок, но добился всего, что было обусловлено в соглашении от 30 мая, т. е. всего того, что несколько недель тому назад вполне удовлетворяло императора и его советников. Единственная уступка, которую мне пришлось сделать, с согласия С.-Петербурга, это уступка Австро-Венгрии полосы земли (l'enclave) до Митровицы. Она не оккупировала ее и до сих пор, два года спустя после конгресса! В виде реванша я добился присоединения к Болгарии Софийского санджака, что казалось императорскому правительству настолько маловероятным, что я даже не получил инструкции поддерживать это требование.

Для меня было достаточно первых суток, проведенных в Берлине, чтобы составить себе ясное представление о том, что меня там ожидало: положение вещей было мало утешительным. Князь Горчаков и его приближенные были настроены крайне недоброжелательно по отношению ко мне. Поэтому необходимо было принять меры предосторожности против своих же, о чем я и переговорил с бароном Жомини. Я поставил условием, чтобы канцлер, превратившийся в Берлине в простого полномочного представителя, не отправлял никаких деловых донесений в С.-Петербург за моей спиной. Я обещал поступать таким же образом. Состояние умственных способностей князя Горчакова в момент отъезда из С.-Петербурга внушало такие опасения, что я получил разрешение употреблять шифр военного министерства для передачи в случае надобности тех сведений, которые я сочту необходимым скрыть от него. Я не пользовался этим средством, но я требовал от него того же. Это условие было выполнено в буквальном смысле, но не по существу. Впоследствии я узнал, что ряд писем, якобы частных, имевших целью мне повредить, неоднократно передавался императору.

С первого же дня определилось то, из-за чего я всегда опасался созыва конгресса; я подразумеваю сговоренность между английскими и австрийскими уполномоченными. Я припоминаю, что я заметил это лорду Сольсбюри, поздравив его иронически с той быстротой, с какой установилось соглашение между ним и графом Андраши.

«Вас это удивляет, — ответил маркиз, — а мне кажется, что в течение ряда лет и во время деятельности моего предшественника вы удивлялись обратному».

Я уже говорил, насколько наша задача затруднялась как раз теми, кто должен был облегчать ее. Вот доказательство этого.

При первой же нашей встрече с графом Андраши, он попросил у меня делового свидания, не терпящего отлагательства; он начал с того, что заявил свои притязания на территорию, отделяющую Сербию от Черногории, впоследствии получившую название «l'enclave». Он требовал этого на тех же

основаниях, как и оккупации Боснии и Герцеговины, и в качестве компенсации за все ограничения, которые мы внесли в Рейхштадтский договор. В С.-Петербурге ожидали подобного требования; мы получили определенную инструкцию отказаться от каких бы то ни было уступок в этом направлении. Наши переговоры с графом Андраши затянулись до поздней ночи; я непрестанно заявлял австрийскому уполномоченному категорический отказ (non possumus), основываясь на имеющихся у меня на этот счет чрезвычайно точных инструкциях. Утомившись граф умерил свои претензии и согласился не требовать этой части территории (l'enclave) в целях ее аннексии, но ограничиться обещанием России, что она не будет впоследствии возражать против расквартирования здесь нескольких австрийских воинских частей, если это потребуется ради безопасности Боснии и Герцеговины. Граф взял с меня обещание тотчас же написать об этом в С.-Петербург, откровенно предупредив меня, что его позиция во всех остальных вопросах будет зависеть от ответа, который императорское правительство даст ему по поводу этой территории. На деле мы получили согласие императора лишь спустя две недели, когда граф Андраши уже пошел по следам англичан и когда он во всех вопросах высказался против нас, даже в тех случаях, где не были затронуты интересы Австро-Венгрии.

Возвращаюсь к инциденту, о котором я хотел рассказать и который проливает такой яркий свет на трудности моей задачи. На следующий день я встретился с князем Бисмарком, и он рекомендовал мне, в форме дружеского совета, не заниматься дипломатией с графом Андраши, а придерживаться лойяльного и откровенного тона. Удивленный этими словами, я спросил князя о его мотивах.

«Дело вот в чем, — ответил он мне, — Андраши был у меня сегодня утром. Он жаловался на вашу неискренность. Он думал, что сможет договориться с вами как джентльмен, но увидел, что вы поступаете с ним только как дипломат. Вы заявили ему, что не можете сделать ни малейшей уступки в вопросе о территории (l'enclave), так как это противоречит вашим инструкциям. Так вот, сегодня утром он отправился к князю Горчакову, который с первых же слов заявил ему: «Вы получите ее, эту территорию (l'enclave), мой высокочтимый коллега, я предпочитаю видеть ее в ваших руках, а не в руках турок».

Такой ответ однако был диаметрально противоположен воле императора, желавшего оставить эту территорию Турции, но ни в коем случае не Австрии. Впоследствии я объяснялся по этому поводу с графом Андраши, но мне стоило больших усилий разубедить его в том, что я хотел его обмануть.

Мой коллега Убри, присутствовавший при разговоре графа Андраши с князем Горчаковым, подтвердил мне достоверность всего этого и сказал мне, как он испугался, услышав подобный ляпсус в речи или ходе мыслей князя.

Князь Бисмарк председательствовал на конгрессе с известной военной резкостью, которая ни в ком не вызывала неодобрения и перед которой склонялись представители всех держав, не исключая и двух английских министров, со стороны которых я ожидал больше гордости. Но что значительно ухудшало мои дела, это был метод, введенный председателем конгресса с целью сберечь свои силы и избегнуть скуки при выслушивании детального обсуждения болгарских, черногорских и прочих вопросов — «дел этих людей», как он их называл. С этой целью он заставлял нас троих, представителей России, Англии и Австрии, предварительно договариваться между

собой и только в случае достигнутого соглашения, если оно являлось возможным, вносить эти вопросы на рассмотрение конгресса. Эти заседания втроем, обычно происходившие в английском посольстве, я отношу к наиболее мучительным часам моей жизни; они были невыносимы для полномочного представителя России. Я отправлялся туда совсем один, и один был вынужден отгрызаться (mich herumbeissen) целыми часами от лорда Биконсфильда и лорда Сольсбюри, с одной стороны, и от графа Андраши и барона Гаймерлем — с другой. Такое положение было невыносимо; мне пришлось неоднократно предупреждать князя Бисмарка, что я откажусь от этого, и что я прошу перенести обсуждение этих вопросов на общие заседания.

Тем не менее во время одного из этих заседаний втроем я, воспользовавшись ошибками, допущенными лордом Сольсбюри и графом Андраши, добился уступки Софийского санджака Болгарии. Это произошло следующим образом. Маркиз Сольсбюри начал с нелойяльного поступка. Не оспаривая соглашения, достигнутого с Россией в отношении раздела Болгарии Балканским хребтом, он внес оговорку, требующую, чтобы Варна с прилегающей к ней территорией была оставлена султану. Подобная же оговорка до известной степени уничтожала Болгарию. Граф Андраши, которого Варна ни в какой мере не интересовала, но который стремился удалить южную границу Румелии от морского побережья, со своей стороны требовал, чтобы мы провели эту границу севернее. Тогда я задал этим господам вопрос, согласятся ли они, в виде компенсации за каждое из этих требований, присоединить Софийский санджак к княжеству. Как тот, так и другой преследовали свою собственную цель и свой частный интерес и поэтому согласились на это. Я оставил за собой право дать окончательный ответ на следующий день на заседании конгресса. Я заранее знал, каков будет этот ответ, принимая во внимание, что для нас было безразлично, раз Румелия оставалась во владении султана, пройдет ли южная граница дальше или ближе к Эгейскому морю. Поэтому я заявил на следующий день на общем заседании конгресса, что, получив обещание уступить Софию Болгарии в обмен на Варну или же взамен уступок при проведении южной границы, я соглашаюсь на последнюю из этих двух комбинаций. Маркиз Сольсбюри поморщился, но было уже слишком поздно отступать. Таким образом я отвоевал на конгрессе важнейший пункт, который, казалось, было так трудно отстоять, что о нем даже не упоминалось в данных инструкциях.

Как я уже говорил выше, я сыграл в Берлине роль козла отпущения, и можно только удивляться, что никогда и никому не пришло в голову распространить ответственность и на двух моих коллег. После подписания трактата я оказался виноват в том, что целый ряд национальных стремлений не был удовлетворен, а также и во всех изменениях, внесенных в Сан-стефанский договор; при этом забывали, что этот последний договор был заключен с врагом побежденным, истощившим свои ресурсы, врагом, с которым переговоры велись только для проформы. Можно ли было ожидать, что Сан-стефанский договор будет принят полностью Европой, враждебной нашей политике. Европой, которая не могла простить нам начатой нами войны и которая хотела свести последствия и выгоды этой войны на-нет, как выразился на конгрессе маркиз Сольсбюри? Кроме того, европейские правительства знали, что мы истощены понесенными нами жертвами. Со своей стороны лорд Биконсфильд, склонный к неожиданным выходкам и рассчитывающий на поддержку нации, не остановился бы перед войной. В случае же ее объявления англичане вовлекли бы в нее Австрию, которая,

как мне это заявлял во время и после конгресса граф Андраши, действовала бы в союзе с Англией, что впрочем было вполне очевидно. Австрии недоставало денег; этот вопрос однако уже был согласован между Веной и Лондоном. Правда, лорд Биконсфильд не решился внести в палату депутатов запрос о предоставлении Австрии займа, гарантированного Англией; однако он отлично знал, что то, что парламент отклонил бы до объявления войны, прошло бы без затруднений в том случае, если бы британская нация вступила в борьбу с Россией. Если учесть положение дел, которое я только что изложил, и если добавить сюда те враждебные чувства, которые к нам питала вся Европа, приходится не только не критиковать результатов конгресса, но, наоборот, удивляться всем тем уступкам, которые были сделаны России. Предыдущие войны с Турцией, когда нам приходилось заключать договоры только с ней непосредственно, ни разу не предоставили России выгод, выдерживающих сравнение с выгодами последней войны.

Хороши или худы были эти результаты, они не были достигнуты русскими полномочными представителями под свою ответственность. Отчет о каждом заседании конгресса тотчас же передавался по телеграфу в С.-Петербург, и каждый пункт, подвергавшийся обсуждению, до своего утверждения получал санкцию императора.

Как я уже говорил, нерешительность, проявленная в вопросе об уступке части территории (l'enclave), требуемой Австрией, толкнула графа Андраши в объятия Англии. Представители этих двух держав выступали согласованно [1]) на конгрессе и старались по возможности превзойти друг друга в своей враждебности по отношению к нам. Такое положение вещей продолжалось всю первую половину конгресса. Я постоянно описывал это положение императорскому правительству то в телеграммах, то в письмах. Я докладывал императору, что мы буквально находимся перед известного рода внутренней коалицией и что голоса Германии и Италии, порой оказывавших нам поддержку, не приносили нам никакой пользы, так как большинство регулярно высказывалось против нас; что предвзятое мнение против нас было настолько очевидно, что всякая дискуссия становилась бесполезной и что, впрочем, достаточно было бы одного разногласия, — даже если бы большинство стояло за нас — чтобы конгресс распался. Я неоднократно умолял тщательно взвесить в С.-Петербурге это положение дел и решить, имеет ли смысл продолжать и не лучше ли, ради сохранения престижа России, отступить перед коалицией, чем уступать ей. Для этого мне было бы достаточно приказа по телеграфу; на каждом заседании конгресса было достаточно поводов к разрыву.

Я ни разу не получил ответа на подобные сообщения, одновременно же мне приказывали уступать в спорных вопросах, и это достаточно ясно указывало мне на то, что хотели мира, — могу даже сказать, что его желали получить какой бы то ни было ценой.

В России много злословили по поводу роли, которую на конгрессе играл князь Бисмарк; его обвиняли в неблагодарности после поддержки, оказанной Россией Пруссии в 1870 г. Правда, князь Бисмарк не хотел ни с кем ссориться из-за нас, и он уже вступил в тот период своей политики, когда ставил дружбу Австрии выше нашей. Однако, если, с одной стороны, принять во внимание посылку в Берлин главного полномочного представителя, якобы, виноватого перед князем (а это имело громадное значение при характере германского канцлера), и если, с другой стороны, перечи-

[1]) В подлиннике: « faisaient chorus».

слить все случаи, в которых мы к нему обращались и когда он считал, что оказывал нам услугу, будет несправедливым приписывать ему, как это делалось в С.-Петербурге, враждебное отношение к России. И действительно, с самого начала восточного кризиса мы старались сделать его защитником наших интересов, слишком часто напоминая об оказанных ему услугах. С точки зрения психологии это была ошибка. Именно к нему мы обращались с просьбой удержать Австрию всякий раз, когда она пыталась выйти из Согласия и старалась совместно с Англией создавать нам затруднения. Именно он, когда начались враждебные выступления, сделался, так сказать, защитником войны, осуждаемой всеми остальными державами; эта его позиция в то время заставила у нас предполагать, что он преднамеренно толкал нас на эту войну.

Под его покровительством была сделана попытка с берлинским меморандумом; его инициативе, наконец, мы обязаны созывом конгресса и т. д.

Одним словом, мы слишком часто обращались к нему. Я также думаю, что мы могли бы извлечь большую выгоду из наших добрых отношений с Германией, если бы князю Горчакову не приписывали, справедливо или нет, заигрывание с Францией с целью не давать ходу князю Бисмарку.

Германский канцлер мне дважды рассказывал,—один раз в Фридрихсруэ, другой в Берлине, — о своем предложении, сделанном им императорскому правительству вначале восточного кризиса (я не могу точно вспомнить, в какое время), — предложении, оставшемся без ответа.

По его словам, он предлагал нам моральную и материальную поддержку против Турции, предоставляя в наше распоряжение до ста тысяч человек взамен гарантируемой Россией ненарушимости германской территории. «Эти сто тысяч человек оказались бы вам очень полезными в эпоху Плевны», — говорил князь, добавляя каждый раз к этому рассказу, что в настоящий момент он очень доволен, что его предложение было отклонено, так как он слишком много взял на себя, и ему было бы очень трудно добиться в германском рейхстаге согласия на посылку этих ста тысяч человек. Я позволил себе запросить по этому поводу императора, но он абсолютно ничего не знал об этом предложении. Приходится предположить, что князь Горчаков намеренно прикинулся глухим или же что генерал Швейниц говорил с ним в один из тех дней, когда он вследствие болезненного состояния ничего не помнил.

Конгресс заседал уже третью неделю, когда, подобно взрыву бомбы, произошло разглашение английской печатью англо-русского договора.

Это событие вызвало в Англии такое сильное волнение и такое неблагоприятное впечатление, что оба английских министра в одно прекрасное утро заявили мне, что они отказываются от выполнения того пункта соглашения, по которому они обязывались, в конечном счете, не противиться уступке Батума России. Взволнованный этой новостью, я напомнил маркизу Сольсбюри, что он дал свою подпись и что я предлагаю ему не отказываться от нее.

Министр иностранных дел признавал обязательственный характер этого соглашения, но он заявил, что для того, чтобы обойти этот пункт, он подаст в отставку, и что в тот же день он будет замещен другим министром иностранных дел, для которого подпись эта не будет обязательной.

Вот каким образом правительство лорда Биконсфильда понимало солидарность своих министров.

Положение России становилось критическим: ей приходилось или отказаться от Батума (и я думаю, что она бы это сделала, что вызвало бы

взрыв негодования в России) или же конгресс оказался бы сорванным, и у нас, вероятно, была бы война. Я тотчас же отправился к князю Бисмарку: это было время его обеда. Я сообщил ему о признаниях, сделанных мне маркизом Сольсбюри, и просил его дать мне доказательство обещанной им поддержки, сделав последнюю попытку перед лордом Биконсфильдом. Он сделал это немедленно, отправился в Кайзергоф к английскому премьер-министру, и два часа спустя этот тяжелый инцидент был ликвидирован.

Князь сообщил мне, каким средством он воспользовался. Он сказал лорду Биконсфильду, что наилучшей политикой является политика честная и что нужно держать свои обещания, даже если ты ошибся, давая их. Он привел ему пример из эпохи своих переговоров с г. Тьером в 1871 г.: поздней ночью, пользуясь усталостью князя, Тьер заставил его принять линию границы, умышленно заменив название речки, которая ее обозначала, другим. На следующее утро князь обнаружил свою ошибку; он потерял на этом значительную полосу территории в Лотарингии; тем не менее он не протестовал, а ограничился тем, что сказал Тьеру: «Вы меня обманули, но так как я сказал «да», то я не изменю своему слову».

Князь Бисмарк даже пустил в ход запугивание, обратив внимание Биконсфильда на то, что соглашение от 30 мая, хотя оно и двухстороннее, было сообщено ему с согласия лиц, его подписавших, и что именно на основании этого соглашения канцлер счел возможным посоветовать германскому императору созвать конгресс в своей столице. Поэтому отказ от выполнения этого договора уже будет делом не только России и Англии, но явится нелояльным поступком по отношению к Германии.

Лорд Биконсфильд уступил, и здесь я должен рассказать еще о комическом эпизоде, т. е. который был бы комическим, если бы над этим можно было смеяться. Я привожу этот эпизод, чтобы лишний раз показать, с какими препятствиями мне приходилось бороться в Берлине.

Хотя князь Горчаков и блистал в известный период своей жизни, однако, по-моему, он никогда не был человеком деловым. Он обладал даром слова, но всегда придерживался общих мест. Я был его сослуживцем втечение десяти лет, и ни разу я не видел, чтобы он серьезно изучал какой-либо вопрос, будь то в области внутренних дел или даже иностранной политики. Когда он участвовал в каких-нибудь прениях в Государственном совете или же в Совете министров, он с первых слов обнаруживал свое полное незнание вопроса, который он обсуждал. Будучи советником и сотрудником императора в эпоху наиболее важных реформ, едва ли он знал их хотя бы только по названию, а с правительственным механизмом России он был абсолютно незнаком. Его особенностью было то, что он, так сказать, был не в ладах с географическими картами. Я не преувеличу, сказав, что еще до ослабления своих физических сил он был неспособен указать хотя бы приблизительно на карте различные государства Балканского полуострова, или же, например, местоположение Карса и Батума. Когда князь говорил о делах, он любил, по его словам, намечать «главные линии» — одним словом, по его же выражению, «il planait» [1]).

Если он был таким во время расцвета своих сил, то что же это было в Берлине? Поэтому я очень испугался, когда князь в один прекрасный день заявил мне, что он уступает мне на конгрессе все остальные вопросы, но что он нарочно оставил себе вопрос о Батуме.

---

[1]) «Он парил».

Он хотел договориться по нему непосредственно с лордом Биконсфильдом и просил меня поэтому не вмешиваться и не обсуждать его с маркизом Сольсбюри.

Он так настойчиво просил меня об этом, что я согласился.

Батум, как я уже говорил выше, был уступлен России, но дело шло о чрезвычайно важном обстоятельстве, а именно о проведении границы более или менее далеко от Батума и Карса: англичане намеревались оттеснить нас к самым стенам этих двух городов.

И действительно, я узнал, что состоялись две беседы между главными представителями Англии и России, однако князь Горчаков держал свои переговоры в абсолютной тайне.

Конгресс близился к концу. Князь Бисмарк, который торопился уехать в Киссинген, стремился ускорить его окончание и ежедневно запрашивал меня, достигнуто ли соглашение между Англией и Россией по вопросу азиатской границы. Я известил его, что князь Горчаков взял эти переговоры на себя; то же самое я сообщил маркизу Сольсбюри, который также торопил меня. Этот последний ответил мне с каким-то ужасом: «Но, дорогой мой граф, лорд Биконсфильд не может вести этих переговоров; он никогда не видел карты Малой Азии». Про себя я подумал, что наш уполномоченный находится в таком же положении.

Наконец, князь Бисмарк заявил нам, что, если через 24 часа мы не будем готовы, ему придется передать председательствование конгрессом другому и что он уедет в Киссинген. Несколько часов спустя мы с радостью узнали, что лорд Биконсфильд и князь Горчаков пришли к полному соглашению; однако мы все еще не знали его сущности.

Князь обещал объявить его на следующем заседании конгресса.

Для лучшего уяснения всего последующего надо заметить, что у нас была с собой карта Азии, на которой наш главный штаб наметил одной краской границу, установленную Сан-стефанским договором, и другой — линию, составляющую nec plus ultra того, что уполномоченные могли уступить под давлением Англии. Излишне добавлять, что вторая линия составляла, так сказать, государственную тайну.

Это последнее заседание, посвященное азиатскому вопросу, имело торжественный характер. От его исхода зависели мир или война в Европе.

Председатель предложил обоим уполномоченным занять места рядом и изложить содержание их соглашения. Оба сели, и каждый развернул перед собой карту, начерченную специально для этого случая. Мы стали группой сзади них. Князь приступил, и я тотчас понял, какое недоразумение должно было произойти. На карте князя Горчакова был только один чертеж, именно Сан-стефанский, и князь важно заявил, что «милорд его уже принял». Этот же последний на каждое слово князя отвечал лаконическим: «Нет... нет...» и показывал по своей карте ту линию, на которую он соглашался. И, к моему великому удивлению, эта линия со всеми своими изгибами была как раз та, на которую мы имели право согласиться как на крайний предел наших уступок.

Каждый из обоих уполномоченных опровергал утверждение другого. Спор начинал обостряться. Не слушая один другого, каждый из них настаивал на своем чертеже. Вдруг князь Горчаков встал и, с силой пожимая мою руку, сказал мне: «Тут измена: у них оказалась карта нашего главного штаба».

После заседания я узнал, что накануне князь Горчаков потребовал карту Малой Азии. Ему послали секретную карту с двумя чертежами. Он

показал ее лорду Биконсфильду и одолжил ее ему на несколько часов, чтобы показать маркизу Сольсбюри. Англичане, увидав линию, отодвигающую сан-стефанскую границу, остановились на ней и перенесли ее на свою карту. Так объяснялась эта предполагаемая измена.

Председатель конгресса, видя, что оба договаривающиеся все дальше и дальше забираются в тупик, иронически предложил следующее: конгресс прервет на полчаса свое заседание; договаривающиеся будут устранены от прений, и конгресс поручит второстепенным уполномоченным Англии и России разрешить затруднение большинством голосов совместно с второстепенным уполномоченным Германии князем Гогенлоэ. Конгресс обязуется согласиться с решением при количестве двух против одного.

Это предложение было принято с улыбкой представителями всех держав, и странно было, что Турция оказывалась таким образом устраненной от обсуждения вопроса, в котором она была больше всех заинтересована.

И вот это недоразумение послужило нам на пользу. Я стоял за линию Сан-Стефано, маркиз Сольсбюри nec plus ultra чертежа нашего генерального штаба. Князь Гогенлоэ предложил промежуточный чертеж, разделявший спорную территорию на две равные части.

Я согласился, и вопрос был решен.

На следующий день мы подписали договор.

Месяц, проведенный мной в Берлине, останется для меня самым тяжелым воспоминанием в жизни. Мое здоровье было расшатано, и у меня нехватало сил для той огромной работы, которая выпала на мою долю.

Я работал не менее 18 часов в сутки, и надо еще было найти время и энергию, чтобы принимать участие в обедах и официальных собраниях.

Я спал только урывками и находился в таком нервном состоянии, что каждую ночь спрашивал себя, хватит ли у меня сил выдержать работу следующего дня. Даже мои противники делали мне кое в чем маленькие уступки, принимая во внимание мое физическое истощение.

Как только договор был подписан, большинство моих коллег обратилось ко мне с дружескими словами, говоря, что услуги, оказанные мной, несмотря на окружающие меня препятствия, моей родине и европейскому миру, вызвали в них чувства уважения и симпатии ко мне.

Резюмирую содержание моей памятной записки.

1) Я не только не препятствовал вступлению наших войск в Константинополь и не запугивал последствиями этой меры, но на свою ответственность заявил лорду Дерби, в тот самый момент, когда английский флот форсировал проливы, что эта мера освобождает нас от всех прежних обязательств в отношении Константинополя. И следует заметить, что эти прежние обязательства были приняты не по моему совету,—они исходили непосредственно от императорского кабинета.

2) Я указывал, и мои телеграммы свидетельствуют об этом, что вступление наших войск в Константинополь в ответ на движение британского флота не составит casus belli, если мы не предпримем одновременно движения на Галлиполи,— движения, являвшегося в глазах англичан угрозой для их эскадры.

3) Я телеграфировал даже, что на форсирование проливов следовало ответить угрозой Константинополю.

4) Я взял на себя инициативу созыва конгресса, бывшего единственным мирным исходом, после того как Европа отказалась признать Сан-стефанский договор.

5) Я вел переговоры о соглашении 30 мая, условия которого более чем удовлетворили императорский кабинет, так как сам император не верил, что это соглашение будет когда-либо подписано.

6) На конгрессе я добился санкционирования всех существенных пунктов, содержащихся в моих инструкциях, за исключением вопроса о земельном клине (l'enclave), возникшего во время конгресса, которого я не мог выиграть. Эта неудача, если она является таковой, компенсируется тем, что Австрия до сих пор не занимает этого клина, и эта территория осталась, согласно нашим желаниям, в руках турок.

7) Мне удалось выиграть Софийский санджак для Болгарского княжества.

Я покинул Берлин на следующий день после подписания договора и привез его императору. Он встретил меня следующими словами:

«Я знаю, что вся тяжесть конгресса пала на вас, и вы сделали все, что могли. Признайтесь однако, что результаты конгресса очень печальны для нас».

Я всегда предвидел враждебность, какую должны были вызвать в невежественной или фанатической в своих славянских тенденциях публике некоторые пункты договора, но я был удивлен, что правительство, вместо того, чтобы муссировать полученные результаты, — а они были весьма значительны, — пошло вслед за недовольными и чуть ли не стало во главе их. Это была ошибка: на этот раз Россия сердилась, и ее недовольство, направленное главным образом против Германии, создало нам серьезные затруднения во многих последующих стадиях выполнения договора.

Беспристрастная история выскажет свое суждение по этому вопросу, — она решит, чье положение было лучше на конгрессе — русских уполномоченных, вернувшихся на родину «с поджатым хвостом», или английских министров, встреченных дома с почестями и триумфом.

Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г.

Конференция к.-д. партии, материалы которой печатаются ниже, происходила 6—8 июня 1915 г. в Петрограде. Ее созыву предшествовали настоятельные требования местных кадетских групп, нуждавшихся в указаниях, «куда и как итти». Московское отделение Ц. К., державшее, согласно распределению работ в Ц. К., связь с местными группами партии, также настаивало на необходимости созыва конференции.

Разгул правительственной реакции и тяжелые поражения России в войне сбили с толку отдельные ряды буржуазии, и занятая в первые дни войны позиция полной поддержки правительства и прекращения всякой «борьбы» с ним подверглась со стороны ряда буржуазных групп сомнению. Несмотря на торжественные заявления буржуазии о «тесном единении царя с народом» (читай: буржуазией) и «забвении внутренних распрей», крепостники, возглавляемые царизмом, совершенно недвусмысленно проводили такую политику, которая свидетельствовала, что они совершенно не беспокоились об «единении царя с народом»: Думу решили созвать только в конце 1915 г., никаких либеральных актов не только не вышло из недр правительства, а как раз наоборот — была введена военная цензура, удушение Финляндии продолжалось по-прежнему, антисемитизм и шовинистическая политика получили особенно большой размах, об амнистии и др. мерах для «примирения с обществом» совсем не было слышно. Закон о подоходном налоге, бивший буржуазию по карману, правительство собиралось провести в порядке пресловутой 87 ст. Организованные буржуазией почти в первые же месяцы войны Земский и Городской союзы почти с самого начала своей деятельности попали под подозрение, и охранка тщательно следила за их работой. «Только такая, очевидно, дефективная область, как помощь раненым, была предоставлена союзу (Земскому) беспрепятственно», — жаловался Милюков на конференции 6—8 июня. А главное, правительство не оправдало надежд буржуазии на успешный ход войны, и ее мечтам о «желательных целях и результатах войны» и о «разрешении непосредственных национальных задач огромной важности [вопрос о проливах], для осуществления которых никогда еще момент не складывался так благоприятно, как в настоящую минуту» (Милюков), был нанесен жестокий удар.

Естественно, что энтузиазм буржуазии первых месяцев войны сменился негодованием — «отечество в опасности — оно на краю гибели» (Родичев), «правительство в настоящей войне оказалось неспособным — мало того: надо говорить о преступной деятельности правительства» (Ромм) — такие речи все чаще начали раздаваться в рядах буржуазии. Отсюда и нападки на тактику Ц. К. и фракции, которые, по мнению делегатов конференции, не сумели и не хотели бороться с правительством.

Перед всеми участниками июньской конференции стоял вопрос, что же теперь делать, как исправить сделанные ошибки. «Специфическая функция такой интеллигенции и данной партии (речь идет именно о кадетской партии), — отмечал Ленин в это время, — прикрывать реакцию и империализм всяческими демократическими фразами, заверениями, софизмами, увертками» [1]). И когда читаешь запись докладов

[1]) Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XVIII, стр. 143.

и речей делегатов конференции, видишь, как упорно и настойчиво именно эта функция красной нитью проходит через всю конференцию.

«Трагизм русской жизни, заключающийся в том, что работа по организации сил страны есть вместе с тем создание силы дезорганизующей, т. е. революции, еще не устранен, — говорил Милюков, — и надо быть крайне осторожным, чтобы лозунги партии не были использованы левыми».

В результате все негодование, вся злоба против царизма, не сумевшего обеспечить победоносную войну и обострившего своего политикой классовые противоречия, выразились лишь в призыве к «обновлению состава министров лицами, способными восстановить доверие страны» (Милюков). На вопрос о точных директивах на ближайшее время Ц. К. отвечал: «Можно дать лишь единственную, самую общую и самую содержательную директиву, единственный лозунг, с точки зрения которого фракция обязана обсуждать все могущие представиться возможности, лозунг: организация победы России» (Маклаков). При этом условии, «если бы спасителем явился Марков II, надо бы и его поддержать» (Родичев); «организуйте Госуд. думу для победы, с кем бы ни пришлось итти к этой цели рядом» (Петровский).

В конференции участвовали члены Ц. К., члены думской фракции к.-д. партии и представители 37 местных групп, всего около 100 человек.

Конференция обсудила следующие вопросы: 6/VI — 1) об экономическом расстройстве жизни в стране в связи с неудачными распоряжениями правительства, 2) аграрный вопрос, 3) финансовый вопрос, 4) об обеспечении участи пострадавших от войны, о роли в этом деле страны и государственной казны; 7/VI — вопрос еврейский, украинский, польский, армянский и пр.; 8/VI — тактический доклад «об общем политическом положении в стране».

Заседания конференции были закрытыми, и в печать проникли лишь отрывочные сведения о том, что делалось на конференции, и некоторые резолюции последней.

Публикуемый материал взят из подготовляемого Центрархивом к печати сборника архивных материалов «Кадеты в 1914—1918 гг.» (из фонда Милюкова и к.-д. партии, хранящихся в Особом отделе Центрального исторического архива).

Здесь печатается только часть материалов конференции, а именно: доклад П. Н. Милюкова «Об общем политическом положении в стране», прения по этому докладу (часть выступлений по докладу, за недостатком места, опущена) и заключительное слово Милюкова.

Н. Лапин.

Вечернее заседание 7 июня 1915 г.

Об общем политическом положении в стране.

П. Н. Милюков. (Ц. К.). — Настоящая партийная конференция является первою со времени объявления войны. За это время дважды собиралась Госуд. дума — 26 июля 1914 г. и 27 января 1915 г. Тактическая позиция, которую заняла фракция к.-д. в обеих Думах, вызвала много порицания в провинции, причем особенно нападали на эту тактику слева. Во время объездов провинции членами Ц. К. тема эта много обсуждалась, и часто простого рассказа о событиях достаточно было для опровержения ходячих обвинений против партии к.-д. Но в печати касаться этой темы было невозможно. Доклад Ц. К. и имеет целью, во-первых, познакомить с теми соображениями и обстоятельствами, какие послужили основанием для тактики фракции в Госуд. думе 26 июля и 27 января, а затем указать, как видоизменяются теперь задачи партии и фракции в зависимости от действий правительства за этот год войны.

С начала войны фракция народной свободы преследовала одну задачу — поддержку армии и страны для достижения возможно скорой и решительной победы над неприятелем. Такое решение диктовалось не только сознанием громадной непосредственной опасности, но и определенным взглядом на смысл и происхождение этой войны, на характер нашего врага и на желательные цели и результаты войны, — которую мы, вместе с преобладающим течением в общественном мнении наших союзников, считаем «освободительной», — а со времени вступления Турции также и непосредственными национальными задачами огромной важности, для осуществления которых никогда еще момент не складывался так благоприятно, как в настоящую минуту.

Немедленно после объявления войны Ц. К. партии выработал то обращение к единомышленникам, которое было прочтено в заседании Госуд. думы 26 июля и которое установило указанное выше отношение партии к войне. Позиция к.-д. фракции в Госуд. думе была установлена в тесной связи и в полном согласии с воззванием Ц.К.

Имея в виду необычность такого образа действия со стороны оппозиционной партии, а также принимая в расчет возможные нападки на деятелей партии, фракция с самого же начала приняла меры для выяснения действительного смысла принятой ею тактики. Для этой цели в заседании 26 июля было определенно указано на два обстоятельства. Во-первых, фракция отнюдь не изменяла своего отношения к вопросам внутренней политики, а лишь отсрочивала парламентскую борьбу по этим вопросам до тех пор, пока минует общая национальная опасность. Во-вторых, оказывая поддержку правительству в борьбе с внешним врагом, фракция намеренно устраняла вопрос о своем отношении к данному составу правительства и к данной правительственной программе. Фракция считала нужным поддерживать правительство, как таковое, и поддерживала бы всякое другое на его месте в минуту опасности. Противники поведения фракции часто упрекали ее в том, что за свою поддержку правительства она не выговорила никаких уступок и не поставила никаких условий. Но не говоря уже о том, что правительство в то время вовсе не в такой степени понимало и чувствовало значение общественной поддержки, чтобы итти для ее достижения на какие-либо уступки,— как это и выяснилось из дальнейших событий,— само собой разумеется, что услуга оказывалась не правительству, а народу, и была не услугой, а исполнением гражданского и национального долга. Вот почему в первом же заявлении перед Госуд. думой оратор фракции особенно подчеркнул, что фракция не торгуется и не ставит условий правительству, а исполняет свою обязанность перед страной так, как ее понимает.

Фракция имеет основания думать, что ее поведение, непонятое некоторыми политическими противниками, было оценено по достоинству теми, для кого предназначалось: армией и народом. Та особенная черта поведения Госуд. думы — единодушие Госуд. думы, «забывшей партийные ссоры» для общего дела, не могла бы быть осуществлена без участия фракции и без ее тактики. А именно эта черта «исторического заседания» и поставила Госуд. думу на ту недосягаемую высоту в мнении армии, которая начинает сказываться теперь и, вероятно, поведет за собой соответствующие последствия. Роль партии, оппозиционной по преимуществу, в этом единении помогла перенести на всю Думу мнение о народном представительстве, как о высшей инстанции, на суд и контроль которой должны быть отданы ошибки и прегрешения власти.

Эти ошибки и прегрешения сказались очень скоро. К концу первого полугодия они образовали уже настолько видный итог, что общественное мнение начинало серьезно волноваться. От фракции, подавшей пример единения, все настойчивее требовали примера критики, и когда фракция после продолжительного обсуждения решила в январскую сессию 1915 г. продолжать свою июльскую тактику, многие из тех, кто вполне одобряли последнюю, не могли уже понять и одобрить первую. Однако же у фракции имелись серьезные основания не итти навстречу этим упрекам и этому неодобрению. Отрицательное значение правительственного курса хотя и успело сказаться в настроении наиболее сознательной части русского общественного мнения, но еще не отразилось на настроении армии, не изменило заметно настроения в широких массах, не было известно и неприятелю, который с самого начала войны обманулся в расчетах на наши внутренние распри. Поддерживать бодрость и уверенность в успехе среди армии и народа представлялось первой и самой важной задачей. Открытая критика могла бы сыграть лишь на руку самым нежелательным элементам в составе кабинета и укрепить их положение, тогда только начавшее колебаться. С другой стороны, такая критика с парламентской трибуны была бы злорадством и использована прессой враждебных стран. Она не была бы понята и в широких слоях населения и лишь помогла бы правительству затемнить в общем сознании непривычную для русского общества роль оппозиции в настоящее время.

Не желая таким образом усиливать элементы разногласия внутри, и без того становившиеся все более сильными, не желая подкреплять самоуверенности врага новым аргументом, не желая, наконец, создавать недоумение в армии и народе по поводу действительного отношения оппозиции к войне, фракция и 27 января 1915 г. решила продолжать ту же тактику, какую начала применять полгода раньше. Оратор фракции на этот раз особенно подчеркнул отношение фракции к армии и к союзникам, указал и на национальные и на сверхнациональные задачи войны. Лишь в одном легком намеке было отмечено, что достоинство нашего солдата покрывает все обнаруживающиеся недостатки, и сделана вновь оговорка, что отношение фракции к правительству есть временное, вызванное исключительными обстоятельствами, что это есть строгое выполнение «обета», данного перед армией и страной и выполняемого только одной стороной.

В закрытом совещании депутатов с членами кабинета члены фракции уже 26 января пошли дальше. А. И. Шингарев подверг критике внутреннюю политику правительства, продолжая развивать свои замечания, сделанные им раньше во время обсуждения бюджета. П. Н. Милюков подробно остановился на том, что он называл усилением центробежных течений в русском обществе, подчеркнул ответственность правительства за это усиление и предостерегал от продолжения тактики, вызывающей общественное разъединение, и в заключение указал на характер уступок — тогда еще скромных, которые могли удовлетворить общественное мнение и подкрепить вновь создание единства. В частности, оратор фракции указал на положение печати при военной цензуре и на невозможность для нее регулировать настроение, указал затем на мероприятия власти по национальным вопросам — еврейскому, украинскому, польскому, — упомянул, наконец, о желательном изменении в составе кабинета, уже совершившихся или имеющихся совершиться и о нежелательных в видах единства настроения мерах, вроде ссылки Бурцева и нежелания принять во внимание патриотическое настроение русской эмиграции. В заключение оратор указал, как на меры, спо-

собные поддержать настроение на высоком уровне, на отставку Маклакова и на опубликование акта амнистии.

Таким образом, то, что можно было сделать в направлении критики в рамках усвоенной фракцией тактики, было сделано. Правительство получило не удары политического противника, а предостережение временного союзника в интересах великого народного дела.

Известно, какой отклик встретили эти советы и указания в рядах правительства. Председатель Совета министров ограничился ироническим замечанием, шокировавшим депутатов, что, конечно, все было бы хорошо, если бы оратор оппозиции сидел на его месте, а министр внутренних дел приглашал оратора перенести спор в открытое заседание, вызывающе утверждая, что «правительство правды не боится». Оппозиция не последовала этому приглашению, так как яснее правительства понимала, что правда, которую она говорит, есть страшная правда.

Прошло 4 месяца со времени этих заявлений, и страшная правда открылась перед всеми не по вине оппозиции, а по вине самого правительства. Скрывать ее теперь бесполезно и не от кого, так как наш враг узнал ее, к сожалению, первый, с такой достоверностью, с какой никогда не могло добраться до правды русское общественное мнение. А вслед за врагом узнал и весь народ до самых низов, представители которых сражаются и умирают в окопах, в чем правда и к чему она приводит.

Цель, которую преследует оппозиция с самого начала войны, конечно, от этого ни малейшим образом не изменилась. Но, по необходимости, должны были несколько измениться способы достижения цели, так как применявшиеся прежде способы утратили смысл. Изменение, о котором идет здесь речь, должно соответствовать породившим его причинам. В чем же эти причины заключаются? Причины, парализовавшие значение прежней тактики оппозиции и уничтожившие смысл этой тактики, двояки.

Во-первых, это то поведение, которого держалось правительство во внутренних вопросах. Везде за границей, в союзных и враждебных странах, где общая опасность повела к сближению самых различных общественных течений и к временной отсрочке внутренней борьбы, достигнутое таким образом согласие и единение понималось как продукт известного молчаливого соглашения о внутреннем перемирии. Перемирие это более или менее добросовестно соблюдалось обеими сторонами.

У нас, к сожалению, оно соблюдалось только одной стороной и как раз той, за которой старались упрочить репутацию непримиримости и антигосударственности. Что касается власти, она воспользовалась перемирием не для воздержания от обычной будничной борьбы, а для закрепления своих позиций и даже для некоторых новых завоеваний. Политика, которая велась ответственными кругами, была боевой политикой русского официального национализма и бюрократизма. Даже такой орган, как «Новое время», недавно формулировал «минимум» требований, которые должна бы была соблюдать власть, но не соблюдала. Этот минимум газета формулировала в трех пунктах: 1) доброжелательное отношение к обществу, 2) сохранение однородности настроения в разных общественных и национальных группах с целью сохранения «единения» и 3) избежание резких и раздражающих поступков.

Каково было отношение власти к этим трем пунктам? По первому (доброжелательное отношение к обществу) оно держалось прямо противоположной, т. е. в сущности, старой своей позиции. Всякому общественному начинанию — в такое время, когда такие начинания были совершенно не-

обходимы для содействия войне, — противопоставлялось систематическое недоверие власти. Это недоверие проявилось даже по отношению к таким общественным группам, которые по своему политическому настроению и социальному составу являлись наиболее влиятельными и наименее доступными подозрениям обычного рода. Земский союз, объединивший широкие земские круги на патриотической работе, встретил ряд препятствий, не столько, правда, формальных, сколько носивших характер пассивного сопротивления, для осуществления своей деятельности, а тем более для расширения ее рамок. Только такая, очевидно дефектная, область, как помощь раненым, была предоставлена Союзу беспрепятственно. Но и в этой области ряд секретных циркуляров установил мелочное и вполне бесцельное, только раздражающее, наблюдение за сношениями интеллигентных работников с нижними чинами. То влияние, которое проникает в эту среду тысячами путей посредством ежедневного житейского общения и соприкосновения с действительностью, пытались каким-то детским образом устранить путем строгого наблюдения за разговорами и за чтением раненых. Вопрос о немногих книжках изданий 1906 или 1907 гг. волновал власть несравненно больше, чем все громадные вопросы, поднятые великой борьбой, и генералы производили расследования, вместо того, чтобы стеречь позиции, угрожаемые врагом. Говорить ли о преследованиях, которые парализовали общественную инициативу со стороны кругов, которые правительство еще до войны подводило под рубрику неблагонадежных? Говорить ли о закрытии Вольного экономического общества и благотворительных организаций вроде екатеринбургской? Говорить ли о препятствиях эмигрантам и политическим осужденным, охваченным общим патриотическим подвигом и стремившимся стать в ряды русской армии? Все мы знаем, что дорогой наш покойник, А. М. Колюбакин, только сильной протекцией был обязан осуществлению своего права гражданина умереть за родину. Эти и подобные факты были той струей холодной воды, которая систематически охлаждала первоначальный горячий общественный порыв и питала настроения — сперва совершенно бессильные и одиночные, а потом начавшие становиться массовыми и опасными для национального единства.

Еще в более ярком виде сказалась опасная для успеха войны политика правительства в области национальных вопросов. Если полицейская подозрительность к обществу диктовала отрицательные меры, то партийный национализм, принятый властью под свое специальное покровительство, уже явился источником некоторой положительной программы мер, пытавшейся воспользоваться войной как благоприятным моментом для разрешения национальных вопросов в духе партийного национализма. Всем известна деятельность депутатов-националистов в Галиции. Не менее известна и тактика по еврейскому вопросу, достигшая в руках членов и единомышленников «Союза русского народа» прямо чудовищных размеров. В первом случае мы имели дело с попыткой денационализации целого народа путем насильственной ассимиляции, во втором — даже с попыткой прямого физического уничтожения. Ни для кого не тайна, что даже и в польском вопросе колебания и нерешительность правительства, в конце концов, дали перевес в польском обществе непримиримым течениям и крайним программам за счет более умеренных и готовых на компромиссы, для которых не было почвы. Таким образом, вместе с центробежными стремлениями в самом русском обществе поддерживались и усиливались такие же стремления среди других национальностей России, и настроение последних в некоторых случаях, несомненно, начинает становиться угрожающим. Подобное искусственное создание

препятствий для успешного хода войны представлялось некоторым, настроенным на подозрительность, людям какой-то грандиозной системой сознательной государственной измены, намеренного предательства, чуть не прямой службой нашим врагам. Но даже если не итти так далеко и не рассматривать субъективных побуждений ответственных лиц, если объяснять их действия не столько злонамеренностью, сколько недальновидностью и непониманием, то и тогда невозможно отрицать огромного объективного вреда, принесенного их поведением успеху общего дела.

Наконец, третий пункт «нововременского» минимума — избежание резких и раздражающих поступков. Кто не помнит длинного ряда таких поступков, предпринимавшихся без всякой надобности, объединенных, быть может, той же глупостью, но принявших, в конце концов, характер какого-то дьявольского заговора против собственной нации? Напомним хотя бы те из них, которые отнимали у правительства не только симпатии русского общества, но и симпатии всего культурного мира. Напомним случай с осуждением Бурцева и скандальный процесс против с.-д. депутатов фракции большевиков.

Не будем останавливаться на другом ряде явлений, имевших то же последствие, т. е. плодивших общественное недовольство: о дезорганизации общественной жизни страны, тоже без надобности выбитой из протоптанной колеи: об этом речь шла в свое время, — остановимся только на том явлении, которое оказалось последней каплей в переполненной чаше, прорвало все задержки и вызвало наружу долго копившиеся в народной душе обиды и подозрения. Скажем о тех военных неудачах, которые стоят в несомненной связи со всеми упоминавшимися причинами, но имеют и свои собственные. Воздерживаясь от критики по внутренним вопросам, оппозиция прежде всего руководилась тем соображением, что, по крайней мере, в том важнейшем вопросе, которому было принесено в жертву все остальное — в вопросе национальной обороны — правительство проявит необходимую компетентность и распорядительность. Правда, прошлое и тут не давало оснований для особенно радужных надежд. Но хотелось думать, что хотя бы критика последних Госуд. дум в области военного, артиллерийского, интендантского и т. д. ведомств прошла недаром. Госуд. дума и тут не принимала обещаний правительства на веру, требовала с самого начала проверять их, находила пробелы и промедления и настаивала на немедленном и спешном принятии мер. Обещания правительства даже в закрытом заседании 26 января, что все будет сделано во-время и в надлежащем размере, и тогда членов Думы не удовлетворили. Но приходилось все же довольствоваться обещаниями и ждать их исполнения.

И вот в этой области наибольшей настоятельности и величайшей ответственности правительство проявило преступную бездеятельность и нераспорядительность. Призывы новых солдат опережали возможность их снаряжения. Потребность их на месте опережала возможность надлежащей выучки, а на местах и в момент действия нехватало элементарных, чисто технических условий успеха. Нехватало снарядов для артиллерии, нехватало ружей, колючей проволоки, ножниц для ее разрезывания, аэропланов, разведки, — и в результате приходилось пополнять недочеты технического знания и подготовки той изумительной выносливостью и бесконечной готовностью к самопожертвованию наших солдат, о которой говорил еще в заседании 27 января оратор фракции, как о покрывающих все пробелы. В конце концов, по выражению солдат, нельзя было сражаться голыми руками и залить одной своей кровью вражеские окопы!.. И последовал ряд во-

инских неудач, глубоко оскорбивших армию и взволновавших самые широкие круги населения России. Никто не думал об уступках, никто не просил о мире, но именно эта бодрость настроения и прочность надежд заставляла особенно чувствовать недостаток в средствах и особенно настойчиво требовать принятия немедленных мер для исправления недостатков. Пусть в результате правительственных ошибок война затянется, но пусть будет надежда, что условия борьбы изменятся к лучшему. Тогда еще можно будет ждать и бороться. Пусть однако будет прежде всего эта уверенность, всенародная, общая уверенность, что недостатки известны и что меры приняты. Пусть это будет заявлено во всеуслышание, как во всеуслышание заявлено и о голом факте наших неудач. Пусть будет для всех ясно, кто в этих неудачах виноват, чтобы было ясно и то, что армия в этом не виновата.

Так сложились те условия, о которых партия глубоко скорбит, но с которыми она принуждена сообразоваться в своем дальнейшем поведении. Ее цель, как сказано, остается прежняя: поддержание бодрости в населении и решимость бороться до конца. Но достигнуть этой цели можно теперь лишь одним способом: возродив в народе твердую уверенность в том, что те недостатки наши, которые лежат в основании военных неудач, будут быстро и радикально устранены, и что армия будет в состоянии довести дело до полной и решительной победы. Создать такую уверенность могут только тот или те, кому население верит. Но верит ли оно теперь правительству? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы на него ответить: при одном имени правительства в рядовом обывателе проявляется не только чувство недоверия, но и чувство острого озлобления и негодования.

У населения однако осталось одно учреждение, которому оно верит. Это учреждение — Госуд. дума. Своим отношением к этой войне и к армии, которая теперь представляет тот же народ, Госуд. дума поставила себя в мнении народа так высоко, как никогда не стояла прежде. К ней теперь обращаются все взоры, на нее возлагаются все надежды. Один этот факт достаточен, чтобы показать, как правильно было поведение фракции, существенно содействовавшее этому результату, ибо поведением фракции в очень значительной степени определился общий характер поведения Госуд. думы.

Конечно, в такого рода взгляде есть известная опасность. Широкие круги несколько уже забыли недостатки и отрицательные стороны Госуд. думы настоящего состава. В то же время они часто продолжают возлагать на Госуд. думу те же надежды, какие возлагались на нее в 1905 г., т. е. не только как на законодательное и контролирующее учреждение, но и как на орган, обладающий еще и учредительной и исполнительной властью. Оказавшись лицом к лицу с действительной Госуд. думой, очерченной узкими рамками по отношению к компетенции и представляющей лишь узкие цензовые слои, население не может не испытать разочарования.

Однако же надо признать, что именно в данный, исключительный момент недостатки Думы чувствуются менее, чем в какой-либо другой, и что поэтому и народный инстинкт, побуждающий население обращать свои взоры на Госуд. думу, является верным инстинктом. При всех своих недостатках Госуд. дума есть все же единственный организованный центр национальной мысли и воли и единственное учреждение, которое можно противопоставить бюрократии. Разочарование в бюрократии и обращение к силам общественности не может не быть в то же время и обращением к Госуд. думе. Здесь, в Госуд. думе, народ хочет услышать, прежде всего, знакомый голос его представителей, от них ждут открытого, полного диагноза болезни и

столь же публичного лечения. И необходимо сказать, что, даже оставаясь в пределах своей контролирующей власти, Госуд. дума имеет возможность призвать правительство к исполнению его долга и указать ему всенародно, в чем этот долг заключается. Конечно, может не помочь и это средство, но оно — последнее, и прибегнуть к нему необходимо.

Понимаемая таким образом цель созыва Госуд. думы, разумеется, сильно отличается от цели прежних созывов 26 июля и 27 января, как их представляла себе партия. На этот раз дело не в общественной демонстрации всеобщего согласия и готовности сотрудничества в общем деле. Такие демонстрации были необходимы и принесли в свое время громадную пользу. Но именно потому, что эта польза уже принесена и сказалась в высоком уважении народа и армии к Думе, та прежняя роль уже сыграна. Госуд. дума обязана строить теперь далее, стоя на твердом, ею же созданном фундаменте народного доверия. Это доверие обязывает. Оно обязывает сказать народу громко правду о положении,— ту правду, которую давно уже знает наш враг и разоблачение которой, следовательно, нельзя считать ни нескромностью, ни опасностью. Есть, разумеется, вещи, которые и теперь продолжают оставаться секретными. Но для общих контуров положения, для главных, руководящих фактов время секрета теперь миновало. Хранить этого рода секрет перед народом значило бы вводить в обман народ, усыплять его ложным чувством безопасности, при растущем недоверии вызывать преувеличенное чувство опасности и тем нагонять панику на массы. В том и другом случае это значило бы парализовать и оставить неиспользованными те силы, духовные и материальные, которые народ еще имеет. Теперь, когда речь идет о мобилизации всех сил страны, необходимо более, чем когда-нибудь, сделать народ сознательным участником общего дела.

Вот почему созыв Госуд. думы на новую сессию должен быть длительным, и Дума не может ограничиться демонстративными заседаниями. Она должна работать вместе с народом и для текущих нужд народа, стоя во главе его. Народ должен чувствовать Думу, а Дума должна чувствовать народ. Этим определяется общий характер деятельности будущей сессии, которая и в своих законодательных трудах и в своей контрольной деятельности должна громко, во всеуслышание, заявлять общую мысль текущей минуты.

Первое слово этой общей мысли всем известно. Прежде творчества надо устранить препятствия. А препятствием к согласной деятельности, к полному использованию всех сил страны, главным фактором дезорганизации, угрожающей анархией, является прежде всего данный состав правительства. Противоречие между действиями этого состава и требованиями войны, как они сознаются страной, настолько глубоки и серьезны, что вполне правы те, которые предсказывают открытое столкновение двух сил в случае немедленного созыва законодательных учреждений. В интересах общего дела столкновение это должно быть предупреждено, если возможно, предварительным устранением наиболее опасных элементов кабинета. Но этого рода меры лежат вне компетенции отдельных фракций Госуд. думы. Не останавливаясь поэтому на изыскании способов для достижения наиболее благоприятного исхода — перемены кабинета — до открытия Госуд. думы, мы лишь должны признать, что даже худший исход, даже конфликт представляется теперь исходом менее опасным для национального дела, чем сохранение данного состава правительства, оказавшегося неспособным удовлетворить хотя бы минимальным требованиям, связанным с потребностью национальной самообороны и с мобилизацией всех народных сил. Только устранение таких элементов может усилить в населении веру в возможность благо-

приятного исхода, а стало быть, и ту бодрость и ту готовность жертвовать, которые, несомненно, уже значительно упали и теперь и будут продолжать падать при всяком неблагоприятном известии с театра войны, если условия внутреннего общественного сцепления не изменятся. Потребность смены правительства чувствуется в населении не менее широко, чем потребность в созыве Госуд. думы. Очень часто эта потребность принимает форму требования об образовании «ответственного» министерства. Давнишний лозунг партии народной свободы, выдвигавшийся ею в первой и во второй Госуд. думе, в настоящее время оказывается усвоенным широкими массами населения, а отчасти и армией. Однако же в широких массах этот лозунг получил несколько иное значение, чем то, которое связывала с ним партия. Понятие «ответственного» министерства смешивается часто с понятием «коалиционного министерства», «министерства национальной обороны», «министерства общественных деятелей» и т. д.

Необходимо указать на существенное различие между этими понятиями. «Ответственность» министерства в смысле политическом, по нашим основным законам, не существует и может быть осуществлена или путем изменения текста закона или — что гораздо чаще наблюдается в истории конституционализма — путем создания неписанной практики. Партия не исключала ни одного из этих двух способов осуществления политической ответственности министров, но она представляла себе это осуществление в такой обстановке, при которой станут возможны и другие существенные реформы, без которых немыслимо правильное функционирование народного представительства: изменение избирательного закона и коренная реформа Госуд. совета. Провести одну только «ответственность» — значило бы снять один из трех «замков», не трогая остальных двух: лучше сказать, такая одиночная реформа при противоречащей ей остальной политической обстановке просто была бы невозможна. Достаточно представить себе, чем было бы ответственное министерство при правом большинстве IV Госуд. думы. Партия, разумеется, никогда не отказывалась от борьбы против всех «трех замков», запирающих представительство от народа и власти, и даже особенно настойчиво повторяла свой лозунг в IV Думе накануне настоящей войны. Но, отложив внутреннюю борьбу до заключения мира, она вместе с тем отложила и борьбу за эти три лозунга. Это, конечно, не значит, что, отказываясь в данный момент от требования «ответственного министерства» в своем смысле, партия отказывается и вообще от требования о смене министерства. Напротив, мы только что выставили это самое требование как насущное и неотложное, вытекающее из условий создавшегося опасного положения. Но, исходя из этого общего сознания национальной опасности, мы должны помнить английскую поговорку, что «лошадей не перепрягают во время переправы». И перемены в министерстве мы признаем возможным ограничить для текущего момента пределами, безусловно необходимыми. Такая постановка отличается не только от требования «ответственного» министерства, но и от требования «коалиционного» министерства. Понятие «коалиционного» министерства предполагает наличность нескольких политических партий, так сказать, равноправных в политическом отношении, т. е. привыкших меняться местами в роли то правительства, то оппозиции. У нас противопоставляется не одна партия другой: правительственная — оппозиционной, у нас противопоставляются бюрократия и общество. Этого рода борьба более глубока и серьезна, ибо это есть борьба настоящего с прошлым, а не борьба за резкое понимание задач настоящего. Таким образом, и понятие «коалиции», соединения сил, столь неравных, получит совершенно иной

смысл в приложении к соединению бюрократии и общества. В такого рода соединении можно быть уверенным, что сила останется на стороне бюрократии, за которой стоит весь громадный, хотя и неуклюжий, но все же налаженный на работу чиновничий механизм с его традицией и рутиной. На долю же общественных элементов может достаться представительство кабинета перед обществом, ответственность, не сопровождаемая властью. Очевидно, такое неравномерное распределение не соответствует понятию «коалиции».

Сказанное отчасти относится и к понятию «министерства общественных деятелей». Отмеченные трудности здесь обходятся тем, что бюрократические элементы не соединяются с общественными, а всецело заменяются последними. Принцип «ответственности», очевидно, должен служить средством устранить то недоверие, которое общество инстинктивно чувствует по отношению к каждому бюрократу. Однако же очевидно и то, что не всякий «общественный деятель», как таковой, может заслужить доверие общества. С другой стороны, нельзя отрицать возможности призвания бюрократа, который способен заслужить доверие общества. Таким образом, следовало бы, во избежание недоразумений, прямо заменить признак «общественности» признаком «доверия» и говорить о «министерстве общественного доверия». «Доверие» уже тесно связано с «ответственностью», но, говоря об «общественном» доверии, а не о доверии «большинства» Госуд. думы, мы придаем понятию «ответственности» моральный характер, а не юридический, и в то же время устанавливаем тот основной признак, который прямо вытекает из потребности минуты.

Министерство, пользующееся доверием населения — вот чего, в сущности, требует теперь страна. Это — идеал, приближения к которому мы должны добиваться. Не требуя «ответственного» или «коалиционного» министерства, мы тем самым не ставим формальных требований, не навязываем определенных людей, но, с другой стороны, мы и не принимаем никаких обязательств. Наш основной принцип, установленный в июле прошлого года — не торговаться с властью, сохраняется в полной силе. Теперь, как и в январе, мы указываем власти исход. Повлиять на нее, понудить ее избрать этот исход мы бессильны. И даже если бы мы имели силу, то применить ее — значило бы вступить на почву внутренней борьбы, которой мы в настоящую минуту избегаем. Наша сила в данном случае есть сила очевидности, сила общего осуждения, сила фактов, говорящих сами за себя. Правительство, идущее наперекор этой силе, стоять не может, или, если оно останется на месте, оно берет на себя слишком тяжелую ответственность. Правительству, которое уступает, мы не говорим: вот те, кто вас заменит. Мы не говорим этого потому, что наши указания в данную минуту едва ли будут использованы, а за чужие решения мы отвечать не можем. Мы говорим, напротив: вот, что вы должны делать. Те из вас, которые по горькому опыту и убеждению партии этого делать не могут и не хотят, — уйдите. Те, кто их заменит, пусть именем и деятельностью заслужат общественное доверие! Тогда общественное самочувствие сразу поднимется на высоту, с которой начало падать.

Как достигнуть того, чтобы указания наши стали известны? Это уже вопрос тактики, и решение его должно быть предоставлено членам фракции, которые близко стоят к политической жизни страны, картина которой меняется теперь чуть не каждый день.

Ход политических событий сейчас очень быстр. Приступив 2 недели назад к созыву конференции, Ц. К. имел ввиду поставить вопросы более

общего характера, но сейчас, вследствие смены событий, выплыли жгучие, неотложные вопросы ближайшего будущего. Несколько недель назад нельзя было говорить о созыве Госуд. думы, и цензура грозила закрытием газет, которые станут требовать созыва. Теперь, оказывается, лед прорван— и завтра же, в совещании съехавшихся членов Думы, вопрос этот очутится в новом положении.

Предполагается подготовить вопрос о созыве Думы и плане ее занятий сначала во фракциях, а затем, когда съедется достаточное число представителей разных фракций, все фракции единодушно потребуют созыва. В таком виде требование будет иметь более силы. Но возможно даже, что Думу созовут и раньше. Новый министр вн. дел Щербатов — величина неизвестная: говорят, он был участником одного из земских съездов, но потом он же стоял близко и к «Союзу русского народа», а в последнее время ничем не выдавался в рядах бюрократии, но уже смена Н. А. Маклакова, за которого так еще недавно стояли горой и которого так ласкали, сама по себе рассматривается, как первый шаг на пути к созыву Думы. По крайней мере, формальное препятствие к созыву Думы в лице Маклакова устранено; устранены ли и другие препятствия, — неизвестно. Реальное препятствие заключается в естественном желании власти выяснить заранее поведение Госуд. думы и в опасении, что оно не будет таким, какое было бы для правительства желательным. И мы должны знать, какой ответ нам дать, если спросят, намерены ли мы поддерживать то настроение и ту тактику, какие вылились в заседании Думы 26 июля 1914 г. Взвесивши все обстоятельства, конференция должна дать указания, готова ли она, решается ли она на то, что наш отрицательный ответ может явиться препятствием к созыву Думы. Конечно, мы не должны вводить в заблуждение никого относительно сущности наших намерений.

Затем *П. Н. Милюков* прочел тезисы к прочитанному им докладу, являющиеся, по его словам, не только резюме, но и дополнением к докладу. Тезисы следующего содержания:

1. С начала войны партия народной свободы преследовала одну задачу: поддержание армии и мобилизацию всех сил страны для борьбы за решительную победу в войне, которая является освободительной и народной.

2. Этим определилось поведение фракции во время кратких сессий Госуд. думы 26 июля и 27 января, основанное на отсрочке всех внутренних споров и на стремлении сосредоточить все мысли населения на отражении внешней опасности и на достижении великих национальных и мировых задач настоящей войны.

3. За истекшие десять месяцев войны правительство не только не сумело использовать дружного единения населения и высокого патриотического подъема, его одушевлявшего, но, напротив, своим образом действий во внутренних вопросах вызвало ослабление настроения, а в вопросах государственной обороны обнаружило полную несостоятельность.

4. Несмотря на предупреждение общественных деятелей и печати правительство не желало соблюдать минимальных условий, необходимых для сохранения единства и внутреннего мира, продолжая держаться прежней политики недоверия к общественным силам и к общественному почину, возбуждая своими действиями национальную рознь и принимая целый ряд мероприятий, расстраивавших правильное течение жизни, нарушавших интересы и вызывавших раздражение и недовольство отдельных национальностей и общественных групп.

5. Недостаточность мер, принятых в интересах военной обороны, имела последствием чрезмерность жертв жизнью и кровью, которые должна была нести наша доблестная армия, неудовлетворительный оборот военных операций и, в результате, чрезвычайное замедление общего хода войны.

6. При сложившихся таким образом условиях партия принуждена для достижения своей прежней цели — поддержания бодрости и воли к победе в армии и населении — прибегнуть к новым способам действия.

7. Партия считает первым и главным из этих средств немедленный созыв Госуд. думы для гласного общественного контроля над правительством и для выяснения способов немедленного исправления недостатков и пробелов, вредящих ходу войны.

8. Признавая данный состав правительства доказавшим свою неспособность удовлетворить минимальным требованиям, связанным с потребностями государственной обороны, партия считает безусловно необходимым, для военного успеха и для правильной и скорой мобилизации народных сил, удаление членов кабинета, заслуживших справедливое недоверие страны, и замену их лицами, способными восстановить доверие к власти.

Затем *П. Н. Милюков (Ц. К.)* прочитал проект резолюции, которую Ц. К. предлагает принять по вопросу о политическом положении, следующего содержания:

«Конференция партии народной свободы, принимая во внимание:

1) что переживаемые серьезные события налагают на всех граждан России обязанность сплотиться еще теснее в общем усилии довести до победоносного окончания великую войну за свободу народов и осуществить поставленные ею на очередь национальные и мировые задачи;

2) что указанная цель может быть достигнута лишь при объединении и приведении в действие всех без исключения народных сил;

3) что, как выяснилось с несомненностью из десятимесячного опыта войны, правительство в его нынешнем составе оказалось несостоятельным в деле организации тыла войны, вследствие чего самоотверженные и геройские усилия доблестных бойцов за родину не принесли всех тех плодов, которые они могли бы принести при иных условиях;

4) что ярко проявившееся с самого начала войны стремление общества объединить свои силы для поддержки правительства в деле обороны страны столкнулось с рядом правительственных действий, проникнутых недоверием к общественному почину и общественным силам, возбуждающих национальную рознь и несовместимых с необходимым для государства внутренним миром;

5) что создавшееся вследствие указанных условий положение находится в непримиримом противоречии с жизненными интересами России, — признает необходимым для действительного объединения народных сил и правильного использования их в интересах защиты родины:

1) обновление состава кабинета, обеспечивающее правильную организацию тыла войны, соблюдение внутреннего мира в стране и тесное сотрудничество правительства и общества, и

2) немедленный созыв Государственной думы» [1]).

Председатель предложил, прежде чем перейти к обсуждению прочитанных доклада и резолюции, выслушать сообщения только что вернув-

[1]) Конференция приняла целиком эту резолюцию, заменив лишь в п. 1 слова: обновление состава» словом: «образование».

шихся с фронта и присутствующих в настоящем заседании лиц, чтобы получить осведомление о политическом положении еще и с этой стороны.

Постановлено: просить названных лиц сделать их сообщения теперь же.

Член фракции *И. П. Демидов* оговорился, что вряд ли он сможет сообщить что-нибудь новое, неизвестное раньше: в последнее время связь армии со страной так укрепилась, что все новости и настроения в армии передаются в страну довольно быстро. *И. П. Демидов* сообщит только самые последние переживания в армии. Он будет говорить с особой смелостью о новом настроении в армии, потому что к нему лично обращались с вопросом, зачем он работает при армии, когда его место сейчас не в армии, а в тылу. В армии чувствуют, что самое слабое место сейчас именно в дезорганизации тыла и что надо приложить усилия, чтобы там что-то исправить и наладить. В армии говорят, что единственное, что может создать новое настроение, — это немедленный созыв Думы. Это *И. П. Демидов* слышал в армии и считает своим долгом передать непосредственно и здесь и в Госуд. думе. В каком же положении сама армия? В обществе слышатся уже разговоры, что дух армии упал, что кампания уже проиграна. *И. П. Демидов* протестует против этих суждений об упадке духа армии — даже после тех тяжелых поражений, которые понесла армия в последнее время. Когда наши войска принуждены были отступать от Перемышля, корпусу в 35 000 человек было поручено прикрывать отступление и задержать неприятеля на двое суток; он сделал больше и задержал врага трое суток. Вторично, на следующем этапе, тот же корпус задерживал врага вместо пяти — восемь суток. Зато от корпуса в 35 000 человек осталось только 2 000, и потеряна половина артиллерии — после того, как были расстреляны все заряды и все артиллеристы были заколоты на своих орудиях. Вот каков дух армии! Что же однако произошло, что после 8 месяцев побед создалось такое положение, что, может быть, русским войскам придется совсем уйти из Галиции? *И. П. Демидов* скажет не свои слова, а слова командующих армиями, корпусных командиров: они говорят о недостатке в армии снарядов в то время, как потребность в них усилилась. Чем больше сменяется личный состав войск, при пополнении убыли свежими силами, тем большие требования предъявляются к артиллерии. Ведь только под защитным огнем своей артиллерии можно обучать новичков итти в атаку. Надо 2-3 суток держать врага в отдалении, и только после этого войска втягиваются в бой. Этим и объясняют усиленное расходование снарядов. Затем необходимо также противодействие приему немцев развивать ураганный огонь для того, чтобы ошеломить противника. У тех 2 000, которые остались от 35-тысячного корпуса, врачи констатировали общую контузию: не было не контуженного человека. И вот, наши войска не имели возможности усилить и состав артиллерии до необходимого количества и снабдить ее нужным количеством снарядов. Благодаря этому общая схема военных действий была такова: когда начинается артиллерийский бой, мы отступаем — враг наступает; затем, пока неприятель 2-3 дня не подвезет своих орудий к нашим новым позициям, в это время мы начинаем бить противника и брать пленных; потом опять ураганный огонь и новое наше отступление. Ходят слухи, что в силу указанных причин начинаются массовые сдачи наших войск, но на западном фронте, где был *И. П. Демидов*, он таких случаев не знает. Он знает случай, когда один полк вынужден был сдаться, но это произошло при таких обстоятельствах: полк был окружен, все офицеры и телефонисты были перебиты, из-за пыли, газов и дыму сражавшиеся не заметили, что остальные части отошли,—от полка осталась 400—500 человек, которые и сдались.

Все это показывает, что дух армии не такой, как говорят. В тех случаях, когда артиллерии дают возможность не жалеть снарядов, она начинает побеждать, так как превосходит немцев меткостью стрельбы. Этому имеются убедительные доказательства вроде, например, записи в дневнике убитого германского офицера. О русских солдатах он пишет: «Русские, действительно, достойны удивления: очень храбры и нашего огня нисколько не боятся». Вот отзыв врага, и притом относящийся к самому последнему времени: запись помечена 20 мая.

К сожалению, недостаток чувствуется не в одних снарядах: недостает и многого другого,—и армия чует, что не на должной высоте и близкий тыл, непосредственно соприкасающийся с фронтом, и более далекий, заведующий питанием, и пр. Приходится слышать, как с дрожью в голосе говорили: того-то не удалось достать, оттого и проиграли сражение. Лично *И. П. Демидову* пришлось видеть такой факт. Ночью, под дождем, попал он на железнодорожную станцию, последнюю перед неприятельскими позициями. На утро ждали немецкой атаки, ждали с часу на час,— ждали и отряд русской артиллерии, которая должна была сейчас же итти на позицию. Подходит поезд, груженый тяжелой артиллерией. Входят мокрые, в плащах, два прапорщика артиллерии, ведущие свою артиллерию к месту боя. Из высшего начальства с ними никого. Вошедшие спрашивают коменданта станции, нет ли у него какой-либо карты местности. Они вытаскивают клочок бумаги, на котором имеется приказание: быть на позиции у такого-то села. Оказалось, что артиллерию выпустили из тыла и забыли дать карту местности. Спрашивают дальше: «Нет ли у вас факелов? Темнота!» Карты не оказалось: «Погодите, через час приедет имеющий карту!» А факелов начальник станции добыл 4 штуки. Ждать было некогда. Так, без карты и с 4 факелами и двинулись. Нашли ли они свою позицию, неизвестно. То же происходит и в более широком масштабе. Армия почти перебралась через Карпаты, места по р. р. Сану, Реве и пр. были глубоким тылом. Не армии же было заботиться о приведении в порядок пройденных мест. Теперь, когда пришлось отступать, оказалось, что мы 3 месяца насаждали православие и т. п., а территорию забыли укрепить, и не на чем было задержаться при отступлении. Перемышль был сдан 9 марта, а к маю месяцу, когда началось наступление австро-германцев, форты Перемышля не были даже соединены между собою телефоном и не могли сговариваться. В дальнейшем отступлении войска пришли в Ярослав, который им раньше приходилось брать с большими усилиями, и не только не нашли здесь новых хороших укреплений, но оказалось, что местные жители, пользуясь уходом войск из этого района при русском наступлении, успели снести и распахать даже прежние австрийские форты. И только тогда русские стали укреплять, когда уже грянул гром.

Есть и другая сторона дела, которую также можно иллюстрировать примерами того, как тыл относится к войне и проливаемой крови. Было время, когда начали усиливаться спорадические случаи холерных заболеваний; наконец, в Львов стали привозить по 50—60 человек холерных. На вокзале накопилась их масса и лежали тут же рядом с ранеными. Генерал-губернатор, очень хорошо относившийся к общественным организациям, просил помощи у Земского союза. Сейчас же были оборудованы бараки на 600 коек. Но надо было еще съездить к начальнику округа генералу Маврину, чтобы тот утвердил смету. Он начал смету сильно урезывать. Когда ему заметили, что госпиталь на 600 человек уже открыт, тот раскри-

чался: «Да кто вам это разрешил? Получите за это нагоняй и запрещение вмешиваться в это дело!»

Вот как относится ближайший тыл. А более глубокий? Здесь уже, как будто, утомились и забывают, какую войну мы ведем. Как ни терпелив и вынослив солдат, нельзя же однако водить его зимой в летней одежде — и наоборот: зиму проходили в холщевых фуражках, а сейчас все в папахах, так как фургоны с летними фуражками еще не дошли. Если бы не подарки, которые зимой лились в армию, было бы еще хуже. До армии начинают доходить слухи, что снарядов нехватает не потому, что их не могут наготовить, а потому, что не хотят, что будто бы в высшем военном управлении отказывались от услуг заводов, предлагавших приняться за изготовление снарядов. И если в армию проникнет мысль о существовании предательства и измены в тылу, тогда уже начнется настоящий упадок духа. Этого надо бояться, — надо убедить армию, что это только недочеты, которые должны быть и будут исправлены. Еще пример: нехватает бомбометов; просят — не дают; тогда полк сам от себя командирует уполномоченного в Россию за бомбометами и в скором времени получает их. Это не может не вызывать тяжелого недоумения. Что касается самой армии, то и новички умирают так же хорошо, как и старые солдаты, — да что пользы?! Побитые войска получают пополнения, но какие? Приходится отводить их в тыл, отрывая офицеров от боя, чтобы они доучивали вновь присланных. Вот что мешает армии делать свое дело. В самый тяжелый момент у одного из командующих вырвалось, что армия побеждена и истекает кровью, что дальше так дело итти не может, что надо исправить тыл... Требуют, чтобы общество защитило армию от ее тыла. Когда *И. П. Демидов* ехал сюда, в Петербург, его провожали словами: «Без созыва Думы не возвращайтесь в армию, без организации общественных сил к нам не приезжайте!» (Аплодисменты).

Член фракции *Н. В. Некрасов*, также вернувшийся из армии, выслушав сообщение предыдущего оратора И. П. Демидова, поразился совпадением его впечатлений с собственными, хотя были они на разных фронтах. *Н. В. Некрасову* пришлось быть в той армии, которая «отходила в полном порядке на заранее приготовленные позиции». Армия эта, действительно, руководится серьезным и вдумчивым человеком, который ни одной пушки не потерял и ни одного полка не сдал, — и все же тяжелые наблюдения сходятся. *Н. В. Некрасов* застал армию в момент отхода от Кракова, жестоко потрепанную, но дух ее не был потрясен: на отступление смотрели, как на временную неудачу, собирались весной снова пойти вперед. Сидели в скверных окопах, без снарядов, не снабженные инженерными указаниями, и все ждали: вот, кончится зима — и пойдем. Но время шло, и нас все отодвигали. Досадовали, но примирялись, так как к весне обещаны были снаряды. Сидели в окопах под огнем, на который нечем было отвечать; это больше изматывало людей, чем бой. И после всех ожиданий, вместо того, чтобы итти вперед, пришлось отступать. И. П. Демидов не рассказал, но, вероятно, и он знает случаи, когда заранее делалось известным, откуда немцы собираются нанести удар, и об этом сообщали куда следует, но оттуда на сообщения ничем не реагировали. Лично *Н. В. Некрасов* знал, например, что сильный удар готовится на Дунайце, — и все это знали, — но в решительный момент вместо нескольких лишних корпусов там оказалось всего несколько полков. Известна история с генералом Драгомировым, который втечение трех дней не сообщил нужных сведений Радко Дмитриеву, в результате чего погиб целый копус. Не осталась тайной и отставка Радко Дмитриева, о чем горько жалеют. Солдаты умирают попрежнему геройски,

но потрясена вера в победу, и надо нечто чрезвычайное, что снова могло бы поднять настроение. Наряду с этим возмутительная халатность наблюдается по всей линии тыла. Рассказывают, например, что в ножницах постоянно чувствовался недостаток (для резания неприятельской колючей проволоки), никогда их не было в достаточном количестве, а между тем в Златоусте было заготовлено их 9 000, и они лежали в запасе. Заводу сказано было, что больше не надо, — производство прекратили, а армия — без ножниц. Сплошь и рядом, когда поступает требование на 1 000 предметов, их оказывается 200, — и все в такой же пропорции. Инженерное и артиллерийское снабжение потрясающе не выдерживает критики.

Что касается недостатка снарядов, то на этой почве разыгрываются целые трагикомедии. Под Радомом немцы, ввиду русских позиций, вывели полк на учение, зная, что русские стрелять не будут. Эта дерзость возмутила русских, но разрешение выпустить по немцам 10 снарядов пришло через час после того, как немецкий полк ушел уже в свои окопы. Часто офицеры могут наблюдать в бинокль, как немцы забивают колышки впереди своих окопов, развешивая проволоку. И малейшее расходование снарядов с нашей стороны вызывает распекание начальства. При таких условиях войска сидят неделями в окопах, хотя, при наличности снарядов, могли бы овладеть неприятельскими позициями. Это не способствует хорошему настроению, и вера в победу исчезает.

Этим недостатки наши не исчерпываются, — есть и худшие, например, способ формирования и пополнения войск. В то время, как немцы успели увеличить состав своих корпусов вчетверо, нам до них адски далеко. *Н. В. Некрасов* не может сообщать цифровые данные, но общее впечатление у него таково, что в этом отношении и мечтать нечего приблизиться к немцам. Там знают наперечет все наши наличные силы и умеют всюду поспевать. Когда в нашей армии читают сообщение, что перед ней стоят в полной готовности 100 немецких корпусов, то, при наличности всех указанных выше условий, у многих руки опускаются. Мы, с нашим неизмеримым запасом людского материала, неизбежно отстаем от немцев в быстроте и порядке укомплектования. Медицинская часть поставлена скверно, потому что корпусные врачи — сплошь какие-то ископаемые. Составилось представление, что, когда видишь фигуру ископаемого в генеральском мундире, это, должно быть, корпусный врач, поставленный над 60-70 тысячами народа. Если чем и спасаемся, так это санитарною частью, но и тут приходится слышать, что командиры войск не справляются со своими санитарными отрядами, с обозами и рядом не могут найти друг друга...

А. В. Тыркова (Ц. К.).—А отчего не расскажете, в каком состоянии дороги?

Н. В. Некрасов.— Горе берет, когда видишь ремонт грунтовых дорог: выбоины, ямы; жутко думать, что будет, если придется спешно отступать. И это после 6-месячного стояния на одном месте! Вот в каком виде все. И надо удивляться, как еще наши войска при малейшей возможности не только дерутся, но иногда и побеждают, изловчаются брать пленных почти голыми руками. Очевидно, надо сделать самые героические усилия, чтобы вывести армию из ее невозможного положения, и единственное средство для этого — организация общественных сил. *Н. В. Некрасова* также провожали из армии напутствиями, чтобы добивались созыва Думы, и *Н. В. Некрасова* радует, что его настроения совпали с настроениями П. Н. Милюкова и других членов Ц. К., находившихся в Петербурге и не бывших на фронте. Ту линию поведения, которая взята в докладе П. Н. Милюкова,

Н. В. Некрасов считает совершенно правильной и соответствующей настроению армии. Настроения в армии весьма своеобразны. О московском погроме и причинах, его вызвавших, в армии узнают через месяц, и это произведет большое впечатление. Вообще там по отношению к правящему Петербургу господствует сильнейшее недоверие: распространены самые невероятные легенды о германофильских чувствах самых высших столичных сфер, и этими легендами иногда обмениваются командиры частей со своим офицерством. Можно с уверенностью сказать, что в армии отставку Н. А. Маклакова примут с ликованием, как наказание за его германофильство.

Вообще политических разговоров *Н. В. Некрасов* избегал в силу своего положения, но его старались вызывать на разговоры сами офицеры. *Н. В. Некрасов* помнит два разговора. В феврале в штабе армии ему пришлось говорить с очень образованным военным: узнав, что Н. В. Некрасов принадлежит к к.-д. партии, он спросил: «Почему к.-д. желают победы? Ведь победа поведет к усилению нынешнего правительства, которое будет доказывать, что оно сильно и умеет вести войну?» *Н. В. Некрасов* ответил указанием на то, что делают и почему взялись за дело Земский и Городской союзы. В другой раз в разговоре один корпусный командир возлагал большие надежды на общественные элементы, повторяя те же мысли, какие пришлось слышать и *И. П. Демидову* от командиров отдельных частей на другом фронте. Если общество сумеет хорошо устроить тыл, этим будет дан отличный наглядный урок, и сейчас даже трудно оценить все громадное значение этого урока. Страшная правда, о которой говорит доклад Ц. К., должна быть известна стране.

Н. В. Некрасов не хочет делать никаких запоздалых упреков, он лишь хочет, чтобы теперь страна знала правду. Может быть, сейчас это возможно лишь путем личной передачи сведений — от лица к лицу, но страна все же должна узнать, на какой край пропасти привело ее правительство! (А п л о д и с м е н т ы).

Виленский делегат Ромм в резолюциях Ц. К. отмечал тот недостаток, что в них избегают называть вещи своими именами. Сказать, что правительство в настоящей войне оказалось неспособным — мало: надо говорить о преступной деятельности правительства — в такое трудное время в таком кровном деле оно занималось мыслью о возможных столкновениях с «внутренним врагом». Все, что делалось им, слишком известно. Уже одного того, что делалось в Галиции, слишком достаточно для того, чтобы деятельность эту назвать преступной: водворялся насильственно полицейский режим, изгонялось все живое, в Киев пригоняли партиями по 500-600 человек галицийских деятелей — священников, учителей и т. п. Такова работа гражданских властей. Что делали власти военные, также хорошо известно. Как житель г. Вильны, г. *Ромм* удостоверяет, что через Вильну проходят и уходят войска часто даже без винтовок. Известен случай уничтожения немцами русской дивизии, в составе которой два полка были без винтовок. Таких даже не на чем обучать ружейным приемам. Это все прямо преступно, и нельзя об этом говорить в осторожных выражениях. В Госуд. думе должно быть прямо высказано, что подготовлять погромы вместо забот об армии преступно. *Г-н Ромм* надеется, что фракция к.-д. в Думе примет более резкий тон, чем предложенный в резолюциях Ц. К.

Член фракции М. И. Пападжанов, вернувшийся с кавказского фронта в 20 числах апреля, на основании личных наблюдений при посещении позиций, подтверждает, что слабые места военной организации, отмечен-

ные на других фронтах, присущи и Кавказу, — особенно халатность. Война на Кавказе началась 10 октября, русские первые перешли границу и, следовательно, должны были быть готовы к атакам. 28 октября произошло уже сражение. В печати о нем, конечно, нельзя было рассказать всю правду: русские потеряли 1 000 убитыми и около 8 000 ранеными. Причиною таких громадных потерь было то, что у войск втечение 5 дней не было хлеба и втечение 3 дней патронов. Войска в панике бежали 40 верст, а штаб скорее, чем надо, к Сарыкамышу. В Петербурге верно говорили, что там нас спас Николай чудотворец, хотя враг и был гораздо слабее. Таково было первое проявление нашей халатности. Такой же характер имели и сарыкамышские события в декабре. Здесь военное начальство по собственной инициативе решило двинуться вперед. Офицеры не понимали, для чего это надо, когда известно было, что турки окружают. А мы не двигались вперед. Так мало считался Тифлис с истинным положением вещей. В результате турки под Сарыкамышем чуть не отрезали нашим войскам тыл. На выручку нам явились морозы и снега, благодаря которым из 35 000-ной турецкой армии подошло всего 6 000 чел. Против них с нашей стороны оказалось всего 2 000 пешей дружины, совершенно не подготовленной, и только потом к нам подошли подкрепления.

На персидской границе также был сделан ряд ошибок. Убрать из Персии войска значит подорвать наш престиж и бросить на нас все пограничные племена, а войска были убраны при известии о появлении турок; оказалось впоследствии, что турок было всего 800 человек и, значит, напрасно перепугались, оставив беззащитными айсоров, целые деревни которых поголовно были вырезаны курдами. Такие вещи не проходят бесследно для престижа России, о чем и свидетельствуют известия, появившиеся в печати из Персии.

И сейчас на Кавказе мы продолжаем оставаться в тех же условиях. На Кавказе прекрасно понимают, что решение всего вопроса будет не у них, но все же каждую потерянную сейчас позицию будет труднее взять впоследствии. Турецкие силы, отвлеченные главным образом к Дарданеллам и частью в Месопотамию, на Кавказе невелики, и если русские не справятся с ними и принуждены будут уйти, это повлечет самые плохие последствия в смысле русского престижа на всем Кавказе и Закавказьи.

Конечно, как и в других местах, на Кавказе русские войска испытывают большой недостаток в орудиях и припасах. Таково положение, и нет уверенности, что неудачи не будут повторяться, если на этот «забытый фронт», как называют Кавказ, не будет обращено внимание. Десант, предназначавшийся для Кавказа, отправлен был в Галицию!.. Если бы не было помощи со стороны Земского и Городского союзов, то санитарная часть была бы в отчаянном положении. Только персидский район оборудован Красным крестом, и там не имеют ни бань, ни смены белья. Ко всему этому и внутренние отношения в Кавказском крае ненормальны. Старые губернаторы, действующие по инструкциям из Петербурга, усердствуют попрежнему. Подобно тому как на западном фронте прославился своими националистическими затеями епископ Евлогий, на Кавказе фигурирует попечитель учебного округа Данилов, который ездит в прилегающие персидские владения и измышляет способы открытия новых русских школ, как бы не понимая, что этим он делает относительно Персии в высшей степени вредные шаги. Взаимная резня христиан и мусульман в Карсе, освещаемая печатью и администрацией с совершенно разных точек зрения, заставляет думать, что есть официозное предписание сеять смуту между народностями

Кавказа. Отношения между народностями обострены, но главная причина все же в директивах из Петербурга, и было бы очень важно, чтобы через Госуд. думу были сделаны попытки повлиять в смысле ослабления антагонизма и изменения директив кавказской внутренней политики. Что касается дорог, то на Кавказе они в невозможном состоянии, и когда говоришь: «Да это прямо государственная измена втечение четырех десятилетий держать дороги и шоссе в таком виде!» — на это отвечают: «Не паркеты же им устраивать!». Таким образом, и на Кавказе дела ничуть не лучше, чем на других фронтах. *М. И. Пападжанову* также приходилось слышать от офицеров вопросы: «Что же Госуд. дума намерена предпринять для более правильной постановки ведения войны? Когда вы сумеете осуществить ответственность министерства»?

Д. И. Шаховской (Ц. К.) полагал, что после выслушания сообщений со всех фронтов можно было бы уже приступить к обсуждению доклада и резолюций Ц. К., но приезжие члены конференции (Долгоруков из Москвы и др.) просили для лучшего выяснения политического положения осведомить еще конференцию о ходе работ Родзянковской комиссии.

П. Н. Милюков (Ц. К.) изъявил готовность исполнить эту просьбу, не беря на себя ответственности за полную точность своего сообщения, основанного частью на слухах. После объезда Галиции, от которого М. В. Родзянко получил такие же впечатления, как и выслушанные здесь, Родзянко явился в ставку и изложил великому князю всю отрицательную сторону войны. Случайно он видел и государя, который также получил сильные впечатления от общего хода дел. В результате бесед принято предложение Родзянко образовать особую верховную комиссию, которая стояла бы выше всех существующих государственных учреждений и обладала бы особыми полномочиями. Комиссия эта и образовалась уже. В столичных бюрократических сферах пытались ослабить ее значение. С другой стороны, и у Родзянко появились колебания и сомнения, приведшие к иной формулировке функций комиссии. Сначала предполагалось привлечь в состав комиссии весь президиум Госуд. думы, но потом явилось соображение, что президиум Думы представляет собою Госуд. думу, и так как комиссия должна работать под председательством военного министра, то оказалось бы, что Дума состоит под началом у Сухомлинова. А никто не хотел взять на себя всю ответственность, быть ширмой для Сухомлинова. Решено было, что члены президиума войдут в состав комиссии не в качестве представителей президиума Думы, а как отдельные лица; что председателю, военному министру Сухомлинову, должно быть предоставлено право приостановки решений комиссии, с доведением однако о том до сведения государя. Таким путем хотели сделать Сухомлинова ответственным.

Комиссия начала уже свои работы; в нее начала поступать масса предложений от разных заводов. Один из членов комиссии выражался уже оптимистически, что после образования комиссии довольно заметно уже усилилась доставка в армию необходимых предметов; но, наряду с оптимистическими нотками, заметна и неполная уверенность в том, что удастся искоренить укоренившуюся в снабжении армии рутину, а также и взятки. Центр взяточничества помещается очень высоко; против него направляются большие усилия, сговариваются не останавливать того оратора, который открыто назовет имя вора, а в случае неудачи всех попыток борьбы выйти из состава комиссии, причем надеются, что и Дума окажет поддержку — может быть, даже поголовным сложением полномочий. Отношение к комиссии двойственное: наряду с указанными оптимистическими

ожиданиями надо отметить и резкие нападки Керенского, считающего несовместимым звание членов президиума Думы с работою в комиссии, где их заставляют быть какими-то коммивояжерами.

Сам Родзянко видит в комиссии средство пробить брешь в рутине снабжения армии, но его собственные поступки не всегда тактичны. Так, комиссия обратилась непосредственно к земским и городским управам с запросом, какими они располагают средствами и силами для организации увеличенного производства снарядов. Городской и Земский союзы, как готовые организации, сплотившие силы местного самоуправления для помощи в войне, в претензии за то, что их таким образом как будто обходят. Вряд ли Родзянко умышленно сделал такой шаг, так как он сам нуждается в поддержке общественных сил. Если по отношению к Родзянке звучат известные нотки скептицизма и даже недоверия, то нет пока оснований распространять такое отношение на всю комиссию. Конечно, образование такой комиссии не может считаться лучшим средством для борьбы с воцарившимися порядками и даже средством нормальным, — это лишь одно из средств, продиктованных безобразною русской действительностью,—но дело сделано, и не надо ему мешать. Наоборот, следует смотреть на комиссию и на ее далеко не пустые функции, как на известный плюс в общественном смысле, и оказать ей всяческую поддержку. Конечно, небольшое счастье, что в такой момент во главе борющихся общественных элементов оказался такой ненадежный человек, как Родзянко, но вряд ли от него следует ждать прямого обмана: в его собственных интересах уйти своевременно, когда он не сможет бороться. На том, что сделано, остановиться нельзя: надо подумать и об изменении самого состава комиссии. Уже съезд представителей промышленности требует введения в состав комиссии представителей от промышленности и торговли; может быть, войдут и другие элементы, и может получиться нечто вроде английской комиссии Ллойд-Джорджа. Во всяком случае — время не ждет, и надо учитывать то обстоятельство, что каждый лишний день оставления прежних порядков стоит тысячи излишних жертв вследствие отсутствия снарядов на фронте.

А. Ф. Бабянский (СПБ) сообщил, что только накануне утверждено положение о комиссии, и туда назначены 4 члена от Госуд. совета и двое от промышленных сфер — Литвинов-Фалинский и Путилов. Существует мнение, что состав комиссии довольно благоприятен для дела. В первом заседании комиссии пытались определить размер потребности армии в снарядах: военный министр определял таковую в $1^1/_2$ миллиона в день, а начальник штаба в 2 миллиона. Занесли в протокол такое разноречие и потребовали точных данных. В военных сферах хорошо отзываются о некоторых личных переменах в составе высшего военного управления под влиянием последних событий (таково, напр., назначение Маниковского).

Затем *А. Ф. Бабянский* пополнил некоторыми данными сообщения о положении дел на фронтах. Одним из ужасов положения является то, что армия наша слепа, разведочная часть поставлена отвратительно, и русские ничего не знают о немцах, тогда как последние отлично осведомлены о всех шагах русской армии. Происходит это от двух причин: во-первых, от отвратительной службы штабов: занимаются интригами и ничего не делают. Шпиономания является естественным следствием их собственных неудач. Во-вторых, надо отметить недостаточную воздушную разведку. При нынешних средствах войны аэропланная служба должна быть на первом месте. И действительно, немецкие аэропланы летают день и ночь, и главные свои сведения германская армия получает от аэропланов. Работа же рус-

ских разведчиков лишена всякой системы, бомбы они разбрасывают то здесь, то там — без определенного плана. Моторы для аэропланов даже не производятся в России, приходится получать их из-за границы. Так как война еще в начале, то необходимо озаботиться, чтобы все эти недостатки были устранены и дело разведки налажено.

После этих сообщений, за поздним временем, заседание было прервано, и на утро 8 июня назначено обсуждение доклада и резолюции Ц. К. о политическом положении, а также, если будет время, окончание рассмотрения национальных вопросов.

Утреннее заседание 7 июня 1915 года.

В. А. Маклаков (Ц. К.) приглашает не связывать фракцию никакими точными директивами. Сейчас утром никто не знает, что будет вечером, — все зависит от конкретной обстановки событий. Можно дать лишь единственную, самую общую и самую содержательную директиву, единственный лозунг, с точки зрения которого фракция обязана обсуждать все могущие представиться возможности, лозунг: организация победы России. Мы — монархическая и конституционная партия, но, если бы для победы это оказалось необходимым, мы обязаны были бы низложить существующий образ правления или отменить конституцию. Все те, которые уже умерли там или умирают, зовут нас на помощь. Разве в этих условиях можно думать, что задачею Думы может быть захват власти? Есть полные основания к тому, чтобы глубоко презирать действующий курс политики, но при данных обстоятельствах не только нельзя требовать установления ответственного министерства, но надо итти на помощь этому негодному правительству. И если конференция, ввиду лозунга победы России, предпишет фракции итти на помощь правительству, где это будет нужно, и фракция найдет в себе силы повиноваться этому призыву, тогда только можно будет поверить в возможность победы. Лозунг же ответственного министерства при данной конъюнктуре является лозунгом революционным *(делегат из Киева В. А.* К.[?—Мы этот лозунг именно во имя победы России и считаем важным.)... Далее, здесь требовали говорить «страшную правду» армии и народу. Бесспорно, Россию обманывают, и правда нужна. Но если бы сказать ту правду, которая нам сейчас представляется, что надежды почти нет на благоприятный исход, это было бы равносильно тому, чтобы сказать солдату: «Вечером эту позицию враги возьмут назад, — не иди». Это было бы преступлением. Итак, не стесняйте нас указанием, что «армия желает ответственности министров»; это неофиты схватились за лозунг, им непонятный. Сущность этого пожелания в том, что армия просит нас помочь ей, — и надо это сделать, забывая для этого, если понадобится, даже чистоту нашей программы. Единственное правительство, которого нужно сейчас добиваться, — это правительство «народной обороны». А как этого добиваться, — предоставьте обстоятельствам, не связывая заранее готовыми решениями.

А. Ф. Бабянский (член 3 Думы). — Всецело присоединяется к каждому слову предыдущего оратора В. А. Маклакова. Думать о захвате власти, об амнистии и т. п. сейчас нельзя. Надо иметь это право, а получить его можно, только осуществивши оборону страны, — дело же это страшно трудное, так как необходимо перевернуть для этого все воцарившиеся рутинные порядки, и Дума должна указать те реальные средства, какими можно это осуществить. Самый вопрос о созыве Думы пока еще не решен.

Чтобы осуществить его и не отпугнуть правительство, для этого надо изложить ясную и широкую деловую программу, т. е. такую, какая может быть направлена для содействия правительству в одержании победы. Надо принять во внимание, что для нынешнего правительства такие лозунги, как амнистия и ответственность министерства, звучат как начало революции. Надо ясно выразить, что Дума нужна для содействия правительству. Затем в самой Думе чувство безопасности не должно позволить заниматься одними речами. Нужна будет усиленная работа в комиссиях — подобно тому, как это делается в германском рейхстаге, где даже те, кто ненавидит правительство, работают вместе с ним. Надо учиться у немцев, которые на 6-й день войны уже сумели организоваться. Вот та линия, которой должна держаться и фракция к.-д. Для завоевания Думы, может быть, понадобятся какие-либо шаги перед высочайшей властью, но шаги эти должны быть лойяльны. Следовало бы представить точное и ясное изображение действительности, и это мог бы сделать председатель Госуд. думы. А затем, когда Дума будет созвана, надо выработать схему работы в ней. Сделать это должна к.-д. партия как самая интеллигентная; она должна дать образцы и стать во главе работы, за которой пойдет и власть. Тогда лишь завоевано будет моральное право на амнистию и пр. А теперь может вызвать удивление, если узнают, что к.-д. первым делом требуют ответственности министерства. Доклад Ц. К. великолепно написан, но настал момент для реальной работы Думы. Резолюцию следовало бы принять такую: необходим немедленный созыв Думы для упорядочения снабжения армии и перевозок. Цель должна быть поставлена конкретно и реально.

Член Госуд. совета Васильев. — Момент является критическим для партии: от ее поведения зависит ее будущее. Раз конференцию созвали сюда, чтобы с настроением страны согласовать и поведение центральных органов партии, конференция не может ограничиться тем, чтобы выдать фракции carte blanche. Стеснять фракцию нежелательно, но конференция должна дать широкую, общую, но содержательную директиву для ее законодательной работы, о чем было сказано в доложенной уже здесь записке 22 членов конференции[1]). Может быть, за оставшиеся два часа и не удастся составить резолюцию основательно, но общее содержание ее должно явиться центром для новой организации думской работы. Конечно, правительство, которое распустило экономические совещания членов Госуд. совета и бывших министров, может не остановиться и перед роспуском Госуд. думы, но это было бы верхом дезорганизации, и нельзя допустить этого. Длительная сессия думы, за которую высказывается «Речь», не нужна: всплывут разногласия и т. п. Надо, чтобы в короткой, но содержательной сессии Дума провела законодательным путем образование Военно-промышленного совета, преобразовала государственный контроль, усилила кары за взяточничество, приняв меры против дороговизны. Параллельно с этим желательно было бы, чтобы во главе интендантства поставлен был надежный человек, чтобы в состав министерства введено было несколько независимых деятелей. Ввиду всего этого *А. В. Васильев* предлагает просить пред-

---

[1]) Во время прений по докладу Милюкова в президиум конференции поступило заявление 22 членов конференции (3 членов Ц.К., 5 членов Госуд. думы и 14 делегатов с мест) следующего содержания: «Нижеподписавшиеся предлагают конференции, приняв резолюцию, предложить Ц. К. поставить на обсуждение вопрос: какие обязанности возлагаются на нашу партию и Ц. К. современным положением дела и, в случае созыва Госуд. думы, какие законодательные предложения должны быть внесены конференцией?»

седателя фракции выработать общую содержательную директиву в указанном направлении. Кроме того, конференция должна дать директиву и Центральному комитету. За эти 10 месяцев голос партии к.-д. не был слышен в стране, и надо указать, как организовать страну.

Делегат из Киева г. Шольп замечает, что и те, кто требовали «ответственного министерства», имели в виду ту же общую цель — победу, а не желание вырвать что-то у власти. Та же цель — и в даровании амнистии. Смуту в умы вносит пресловутое «единение» с правительством: никогда это единение не было ни полно, ни жизненно, как это казалось нашим руководителям в Петербурге. Главные волнующие и угнетающие факты в общем уже были известны в декабре, и если тогда они не вызвали соответствующего настроения в обществе, то в январской Госуд. думе все эти вопросы могли уже быть подняты; тем более своевременно поднять их теперь. Пессимизм по отношению к наличным общественным силам *г. Шольп* считает излишним и высказывает пожелание, чтобы фракция и Центральный комитет больше прислушивались к провинции. Такая carte blanche, какую фракция и Центральный комитет дали в этот трудный момент правительству, им не заслужена, — это большая историческая ошибка; партия совершенно напрасно отказалась от своего права наблюдения за деятельностью органов власти.

Обращаясь к высказанному здесь утверждению, что родина тонет, *г. Шольп* решительно оспаривает его: родина не тонет, в ней еще много здоровых сил. Надо помнить слова Драгомирова (отца): «Если тебе тяжело, то и врагу не легче». Если бы у нас были только полная дезорганизация и разгром, о которых здесь говорили, не прошла бы так блестяще мобилизация вначале войны. Войска наши и сейчас бьют неприятеля при малейшей возможности. Поэтому явное преувеличение — говорить, что мы должны и можем вытянуть родину, спасти ее, что для этого нужен только какой-то храбрый выпад. Нужна работа, работа и работа и поменьше нервничанья. Масса невероятной брехни и легенд об изменниках-генералах ходит даже среди довольно почтенных лиц. Может быть, и есть генералы — изменники, но в таких обвинениях нужна осмотрительность. Сколько говорили, напр., об изменническом поведении ген. Драгомирова (сына), а он не повешен и не застрелился, как полагается в таких случаях, а спокойно гуляет по Киеву и скупает всякое археологическое старье. Необходимо сохранять спокойное настроение. Война — мировая — идет на истощение; занятие тех или иных территорий является лишь отдельными эпизодами. И на стороне союзников, в конечном счете, больше шансов победы.

Что касается внутренней смуты — моральной и экономической, то дело стоит так. Еще недавно в русской интеллигенции распространено было мнение, что от внешнего разгрома России может быть польза для ее внутреннего возрождения. Теперь эти настроения уже отошли, и вряд-ли уже нужно с ними серьезно считаться. Экономическое же расстройство серьезное, и надо принимать всевозможные меры против нарастающего вздорожания жизни. Представители промышленности одни в этом направлении не могут много сделать. Их силы будут поглощены заботами о снабжении армии. Чтобы организовать правильную и достаточную поставку для армии каких-либо отверток, гаек и т. п., — не говоря уже о пушках, — нужна громадная организация, которая едва налаживается и во Франции и Англии, тогда как в Германии она налажена еще с начала войны. В этом направлении предстоит еще огромная работа. В высшем командном составе армии, несмотря на ошибки ставки, есть здоровые элементы, это — главным об-

разом командиры боевых частей. Так как во время войны трудно заменять начальствующих, то надо, по крайней мере, здоровым элементам армии оказать поддержку организацией снабжения снарядами и т. п.

Ф. И. Родичев (Ц. К.). — Резолюция Центрального комитета содержит в себе указания, которые конференция может дать фракции: здесь и практические требования относительно организации более удовлетворительного состава кабинета, и указание на необходимость общественного сотрудничества и пр., — словом, все то, о чем под разными названиями все говорят. Спорят лишь об одном: для чего надо созвать Думу? Не кичитесь, что спасете Россию! Мы только долг исполняем. Отечество — в опасности, — оно на краю гибели, куда привело его нынешнее правительство. При таких обстоятельствах, если бы спасителем являлся Марков II, надо бы и его поддержать. Имя Н. А. Маклакова вызывает ненависть, потому что он разъединил страну на какие-то соединенные штаты — и когда его убрали, ждем, чтобы убрали и остальных, подобных ему. «Ответственность» — слово пустое, это вопрос факта. Когда мы будем иметь силу потребовать ее, она будет, но этой моральной силы мы еще не приобрели, а приобретем лишь тогда, когда за нами будет народ. Надо, чтобы Россия была честна, и сейчас надо удовлетворить этому минимальному требованию. Дайте людей, которым страна могла бы верить. Несчастье в том, что страна никогда не могла верить власти, и она сейчас в отчаянии, что ей надо верить этой власти. *Ф. И. Родичев* не оптимист, он не боится выяснения смысла совершающихся событий, он смотрит им прямо в глаза, — и вот, он считает нужным напомнить судьбу Франции в 1870 г. Нам дождаться не Карно, а хотя бы Гамбетты! Что будет, когда вера в победу иссякнет в народе? *Ф. И. Родичев* с интересом ждал на конференции свидетельских показаний о народных настроениях. Его личные впечатления совпадают с впечатлениями делегатов из Чернигова и Екатеринбурга. Возвращаясь с войны, раненые приносят мнение, что с немцами бороться нельзя. Учитываете ли вы впечатление от падения Львова? Теперь, когда у народа глаза раскрываются на многое, это впечатление может быть сильнее, чем впечатление от сдачи Перемышля. Стремление к миру может явиться преобладающим. «Пусть не будет победы, но надо принести все жертвы» — только так надо ставить вопрос. Если же вы основываетесь только на вере в победу, это прекратится через две недели. Мы должны внушать, что надо драться до конца, потому что не было войны более страшной, что наше поколение должно заплатить цену будущих поколений. «Ты должен драться, что бы ни было, потому что побеждает только тот, кто заключил союз со смертью». Не закрывайте глаз на то, что люди, возвращаясь домой, не стыдятся рассказывать, как они бежали, и не встречают в слушателях отпора. Вера должна быть такая: или победим или нас не будет. Мы должны бороться с народной паникой, и Госуд. дума должна существовать именно для этого. Она должна держать на высоте народное настроение: не сдача врагу, а смерть. Надо вновь собрать дезорганизованную страну, и Дума должна сделать все для этого. И фракции к.-д. можно дать лишь одну директиву: действуйте заодно с теми, кто ведет борьбу, кто бы они ни были, и жертвуйте всем для одной главной цели — победы. Конкретные же указания на те или иные очередные законопроекты — не дело конференции.

Делегат из Новочеркасска А. И. Петровский говорит, что его сердце сильно успокоили сообщения о непоколебимом духе армии, о том, что там умеют умирать: надо помнить, что жизни тот достоин, кто умеет умирать. *А. И. Петровский* отмахивается с протестом против одинокого голоса, раз-

давшегося здесь, — о том, будто бы настоящая война — не народная: он верит не так, чтобы надо было помогать его неверию. Ф. И. Родичев говорил здесь: «Надо умереть», а он говорит: «Надо победить». Выслушивать надо все, но не надо прислушиваться к робкому голосу интеллигенции, который не является голосом народа. Голосом народа *А. И. Петровский* считает то, что он слышал в разговоре урядника с тремя крестьянами по поводу падения Перемышля: «Это — беда, это — позор, начальство мухлюет, а все-таки я не падаюсь, не верю, чтобы нас победили». Вот тот тон, которого и надо держаться. *А. И. Петровский* не допускает и мысли, чтобы Дума могла не собираться. Она исполнит свой долг организацией национальной обороны. «Организуйте Госуд. думу для победы, с кем бы ни пришлось итти к этой цели рядом»,—вот единственная директива, сверх которой *А. И. Петровский* ничего не смеет рекомендовать фракции. Требование же амнистии, ответственного министерства и т. п.—это одна словесность. Все это приложится своевременно.

Н. А. Герасимов (Ц. К.) говорит, что для него все стало ясно после того, как он выслушал удивительно эпические сообщения И. П. Демидова и других, вернувшихся с фронта: эти сообщения осветили и состояние армии, и состояние народа, и то, чем испугано правительство, — и теперь ясно, что надо делать. Из выслушанного видно, что настоящая война безусловно народная. Какое может быть в этом сомнение, когда миллионы людей стоят перед лицом смерти и так умирают! Ведь сдач массовых, в сущности, нет. Война народна, потому что народ хочет ее вести, ведет и надеется победить. Положить столько усилия и жертв и не надеяться — это было бы нестерпимо. Утомление — физическое — несомненно: не могут быть не утомлены сидящие по 20 дней в окопах в условиях этой нечеловеческой войны, но не смешивайте этого с утомлением другого рода, когда мысль массы не знает, чего она хочет. Пессимизм и мрачные ожидания А. Р. Ледницкого страшно преувеличены. Армия сражается, несмотря на то, что она знает многие отрицательные явления и даже измены и на себе переносит все неурядицы организации. Такая армия, как французская, в таких условиях уже бунтовала бы, пожалуй. А народ? Московские погромы, может быть, только результат провокации агентов Маклакова. Не выяснено, кто первый закричал в Москве: «Давайте нам немку»[1])—и этого, во всяком случае, не надо преувеличивать. Если бы это было серьезное народное движение, нельзя было бы перегородить ему дорогу при помощи 4 ополченцев, как это было во время беспорядков. Русский народ остался прежним — народ очень толковый. Избыток действия — не всегда достоинство. Чего же испугалось правительство? Если бы оно могло сейчас благополучно для себя заключить мир, оно, может быть, и пошло-бы на это, но оно испугалось состояния армии, которая после окончания войны призовет его к ответу. Слышатся требования созыва Думы, но как это осуществить? Первая Дума уже поработала кой-чем, чтобы подвести фундамент под эти требования. Требование это уже предъявлено Союзами земств и городов, постановлениями отдельных городских дум и т. п. И мы должны требовать, но не как кадетская партия, а в составе всей Думы, и непременно достигнуть на этом требовании соглашения с другими думскими группами. Для этого следова-

[1]) Имеется в виду жена Николая II—Александра Федоровна или ее сестра—Елизавета Федоровна, вдова убитого в 1905 г. Каляевым дяди царя, московского ген.-губернатора Сергея Александровича, по происхождению принцессы Гессенские, которым приписывалось германофильское влияние в придворных кругах.

ло бы запастись меморандумом или другим каким-либо документом, в котором согласившиеся между собою думские группы изложили бы настоящее положение дел и указали, почему необходим созыв Думы. Армии прежде всего нужны снаряды, и все, что этому способствует, приобретает первейшее значение. Что касается смены министерства, то, конечно, не о кадетском министерстве сейчас может итти речь, а хотя бы только об элементарно честном министерстве, которое способно было-бы поддержать столь необходимый теперь внутренний мир. Далее *Н. А. Герасимов* поддерживает мысль доклада Центрального комитета о том, что сессия Думы должна быть поддержана. Резолюция Центрального комитета должна быть принята, так как она дает достаточный простор возможным решениям. В заключение *Н. А. Герасимов* выражает полную уверенность в том, что в России скоро будет прочная конституция и не через революцию, а через войну. «Однажды проснетесь и увидите, что конституция уже существует».

Председатель оглашает переданное ему *рижским делегатом Вторых* заявление следующего содержания: «Во избежание недоразумений, вызванных, как оказалось, моей речью в сопоставлении с моим вчерашним заявлением о необходимости заключения мира, считаю нужным пояснить, что это заявление является моим личным убеждением, вытекающим из антимилитаристических принципов; большинство же Рижского комитета высказалось за продолжение войны».

Делегат из Козлова г. Веллер, по его словам — рядовой обыватель, приехал сюда, на конференцию, в надежде кое-чему поучиться, что-нибудь определенное узнать: и вот сидит он уже третий день и видит, что это собрание его не удовлетворяет. Это ученый диспут, а не собрание партии. Тактический доклад Центрального комитета выставлял требования о созыве Думы и о смене министерства, но что же мы как партия сделали или делаем в этом направлении? Жизнь властно выставляет эти требования, а мы только за нею повторяем чужие слова. Ну, а что же будет, если Дума не будет созвана? На это ответа нет. Наибольший интерес представляют сообщения лиц, ездивших на войну. Они подтверждают, что страна стоит перед страшным, чисто практическим вопросом. И нельзя допустить, чтобы конференция не высказала хотя бы минимума того, что надо сделать. Ведь что фракция делала? Разве 10 месяцев не было того же, что и теперь? А фракция, вместо того, чтобы занять самостоятельную позицию, явилась в заседание Думы 26 июля и заявила правительству: «Мы готовы вам служить, хотя вы нас и гоните». Надо было заявить: «Мы будем работать, если вы будете минимально честны». И с тех пор никакого просвета не добились: ни в смысле улучшения военной части, ни в смысле ослабления национальных преследований. Или мы ничто, или мы себя сами обманываем. Или заявите прямо, что мы ничего сделать не можем, — и мы разойдемся, или скажите мне, обывателю, что делать. Оборона страны ни на йоту не подвинется от этих лозунгов и криков, когда вершителями всех вопросов остаются все те же нынешние заправилы. В Германии к делам войны привлечен величайший в мире коммерсант Ballin, в Англии такая величина, как Ллойд-Джордж, а у нас все те же Шуваевы, Маниковские и пр. С ними ничего не сделаем. Если вы знаете, что у вас воруют, скажите стране прямо: «Вот воры, — гоните их». Раз нельзя сказать этого гласно, пусть это скажет стране нелегальная печать, как предлагает А. Р. Ледницкий. Положение сейчас на войне самое скверное, а в центре страны думают: не пропадем, если вынесли уже 300 лет гнета и разорения. В Тамбовской губернии, в нашем уезде, никто не допускает и мысли, что Россия может погибнуть.

«Будем немца бить, пока будет нужно». Случайно пришлось встретиться с солдатом, участником 28 боев, единственным уцелевшим из роты. Его просили сняться. «Где уж тут сниматься? Нас хорошо снимают немцы пулеметами... Но знайте, что и немцы люди: сухарь дают. Биться будем до конца — и отступать будем: я уже 29 раз отступал»... Мы заключить мир не можем — и это наше счастье. Залог победы — и в характере народа и в наших союзниках. Если бы пришлось воевать с немцами одним, пожалуй, лет 200 давил бы еще нас немец, — и наше счастье, что воюем мы в союзе. Итак, что же нам делать? Пусть созывают Думу, и там вы заявите, что первым шагом к примирению должна быть амнистия, а затем снятие всех ограничений, мешающих общественной работе в стране. Если не дадут сказать это в Думе, останется нелегальная литература.

А. И. Шингарев (Ц. К.) считает нужным возразить на обвинения, брошенные фракции киевским делегатом В. А. К... [?]. Если бы зерно правды было, что фракция что-то замалчивала, и притом вопреки воле партии, это было бы прискорбно. Но где у К. [?] право на такое обвинение? Прежде всего — тактика, которой держалась фракция с начала войны, принята была ею по единогласному решению. Затем, при объездах провинции А. И. Шингарев в десятке мест ставил на баллотировку вопрос о принятой тактике, и повсюду ее одобряли. В том же Рижском комитете, о котором сейчас говорили, при посещении его А. И. Шингаревым никто ни словом не заикнулся о выражении порицания фракции. В тот момент, когда войска шли к Карпатам, ваши теперешние слова были бы встречены громадным негодованием и непониманием.

В. А. К. [?] *(Киев).* — Могли бы и тогда сказать, что снарядов нет.

А. И. Шингарев (Ц. К.). — Мы и сказали то, что знали...

В. А. К. [?] *(Киев).* — Да, в закрытом заседании...

А. И. Шингарев (Ц. К.). — Не время об этом спорить. Сочтемся на выборах: пусть избиратели скажут, чью тактику они одобряют. Сейчас нам советуют быть «дерзкими», внести «героические» формулы, т. е. требовать ответственного министерства. Все это довольно легко, и никто из пулеметов за это не станет расстреливать, но это будет актом политической ошибки. Большинство так на это и посмотрит...

Затем *А. И. Шингарев* хотел-бы еще остановиться на разговорах о мире. И из Риги, и из Екатеринбурга, и от Ф. И. Родичева слышали, что население хочет мира: слово «мир» везде приходилось слышать и самому *А. И. Шингареву* при его разъездах. Но все эти разговоры о мире надо вскрывать до конца. Когда спрашиваешь: хотите ли мира ценою поражения? Нет, — позорного мира никто не хочет. Ни одного подобного голоса *А. И. Шингарев* нигде не слышал. Все хотят мира идеального... Далее, г. Веллер, «обыватель из Козлова», предъявляет к нам требование, чтобы мы ему выписали рецепт, что он должен делать. Таких рецептов нет, и никто не обязан ему их давать. Будем пробовать все, что можно. Если он видит злоупотребления или хищения и сам бороться с ними не может, пусть сообщит известные ему факты во фракцию; этим он исполнит свой ближайший долг. И в Англии Ллойд-Джордж лишь на 10-й месяц войны стал во главе организационной работы, то же могло бы быть и у нас. До сих пор высшие военные власти уверяли нас, что у армии все будет. Лгали ли они или сами ошибались — сказать трудно, но нас они ввели в заблуждение, и теперь первым нашим долгом является тщательное наблюдение за тем, нет ли где воровства, что препятствует успешному ходу операций, не совершаются ли крупные ошибки. Пусть этот скромный «обыватель», приехавший сюда учиться, по-

пробует поработать на этом поприще, тогда, может быть, он будет вправе и нас поучать, а пока его поучения являются лишь критикованием без достаточных оснований.

Вечернее заседание 8 июня 1915 г.

Заключительное слово Милюкова П. Н.

П. Н. Милюков (Ц. К.) напомнил заявление 22 лиц в прошлом заседании о том, что надо поставить на обсуждение и голосование два вопроса: какие обязанности возлагаются на партию и Ц. К. современным положением дел, и, в случае созыва Думы, какие законодательные предположения должны быть внесены фракциею? К этим вопросам ростовский делегат Зеелер добавил еще вопросы: как добиваться созыва Думы и что делать, если Дума не будет созвана? С своей стороны и *П. Н. Милюков* присоединяется к мнению, что в этих вопросах — вся суть наших разговоров, что они наиболее существенны из того, что говорилось, и больше всего волнуют присутствующих. Но прежде, чем перейти к их рассмотрению, необходимо остановиться еще на одной категории вопросов, также здесь возбуждавшихся. Из доклада Центрального комитета конференция знает, какой тактики держались Центральный комитет и фракция вначале войны и как постепенно приходится менять тактику в зависимости от событий. Нельзя не ценить той сдержанности, с которой вопрос этот в общем обсуждался конференцией, но сдержанность и молчание некоторых могло бы быть объяснено и тем, что дело, мол, прошлое и не надо вспоминать старых ошибок. По крайней мере, некоторые из говоривших выступили с довольно-яркими упреками по адресу фракции, и, следовательно, надо вернуться как к исходному моменту к тактике фракции в первые месяцы войны, так и к тому, почему тактика меняется только теперь, а не раньше. Г-жа Ж...[?] даже думает, что мы уже слишком запоздали и тактика замалчивания неурядиц принесла большой вред делу. Киевский же делегат В. А. К. ... [?] прямо формулирует обвинение фракции в том, что она отвращала общественную мысль от грозящей стране опасности и замалчивала те факты, о которых доводили до ее сведения киевляне еще в декабре. Обвинение фракции в том, что она знала грозившую стране опасность и не предупреждала о ней, является очень тяжелым обвинением, но должно быть тяжело и члену партии бросать такие упреки центральным органам своей партии без солидной уверенности в своей правоте. Фракция, которая поступила-бы так, как ей приписывают, никуда не годилась бы. К счастью, *П. Н. Милюков* может сказать, что такое обвинение фракции несправедливо. Сведения о недостатках снарядов и разных расстройствах в тылу доходили до фракции еще раньше, чем сообщали киевляне, и еще в августе и сентябре фракция доступными для нее способами доводила до сведения кого следует о фактах, указывала недостатки и повторяла свои сообщения. Так было сделано, например, после сообщения во фракции и Центральном комитете приехавшего с фронте депутата *И. П. Демидова*. На все такие сообщения из высших сфер отвечали, что им известно положение вещей, что меры принимаются и что к марту, апрелю или маю у армии будет довольно снарядов. Необходимо при этом иметь ввиду, что факт недостатка снарядов в то время составлял величайший секрет. В. А. К. [?] говорил здесь, что фракция должна была говорить во всеуслышание в открытых заседаниях январской сессии Думы 1915 г. о том, что она знала, но *П. Н. Милюков* думает, что фракция тогда была более права: тогда это

расстроило бы единство настроения, которое надо было беречь. Таким образом, *П. Н. Милюков* продолжает думать, что фракция сделала надлежащее употребление из того, что знала. А как правительство объяснит, что, несмотря на предупреждение, оно не устранило недостатка снарядов и пр., это узнаем в свое время. Вряд ли здесь была измена, — такое подозрение *П. Н. Милюков* устраняет, — скорее причина была в том, что иностранные заводы не могли выполнить в срок сделанные им заказы. Возможно, что вначале само правительство было уверено, что недостатка не будет. Во всяком случае, если все эти обстоятельства и не снимают ответственности с правительства, то ведь «мы не были министрами и не можем быть ответственными за то, что оказалось, несмотря на наши предостережения». На этом основании *П. Н. Милюков* отклоняет и столь решительные обвинения фракции в бездействии со стороны Рижского комитета. Замечание «обывателя» г. Веллера, что, в сущности, Ц. К. в своем докладе не предлагает ничего нового, что мы со своими резолюциями тянемся лишь в хвосте целого ряда съездов и общественных собраний, выдвинувших известные лозунги, — не совсем верно. Заявления Всероссийских союзов, Земского и Городского, последовали лишь в две последние недели, из среды же партии к.-д. эти лозунги идут давно. Несколько раньше к.-д. вопрос о созыве Думы был поднят трудовиком Керенским, но его мотивы и цели совсем иные. А нынешнее общественное движение стало широко только после того, как мы, от Комитета членов Госуд. думы, это требование поставили официально. Одно дело — постановка вопроса и другое дело — поддержание этой мысли коллективом — конференцией. И новое здесь в том, что требования, являющиеся действительно переломом в тактике, ставятся уже от имени партии к.-д.

Переходя к вопросу о созыве Госуд. думы, *П. Н. Милюков* указывает, что, хотя мнения о способах добиваться созыва несколько разошлись, однако в общем намечается то, что частью уже делается. Так г. Зеелер (Ростов н.-Д.) предложил обращение к верховной власти с ходатайством о созыве Думы в следующем порядке: сначала представить ходатайство от имени всех фракций Думы через председателя Думы Родзянко, а затем — при неудаче этого плана — добиваться аудиенции; г. Кроль (Екатеринбург) предлагал высказать «всю правду» в документе, мотивирующем созыв Госуд. думы, — а Н. А. Герасимов (Ц. К.), присоединяясь к мысли о требовании созыва в составе всей Думы, считал также нужным запастись и меморандумом подходящего содержания. Таким образом, здесь вырисовываются как бы две стадии: во-первых, действовать через Родзянко и, во-вторых, готовить от всей Думы письменный меморандум. Эти предложения уже были обсуждены в Комитете из членов Думы разных фракций. Там так и формулированы обе стадии, и сейчас дело еще находится в первой стадии, в стадии воздействия на Родзянко и через Родзянко. Сегодня получено из высших сфер сообщение, что прежде созыва Думы решено убрать еще нескольких министров. Итак, пока пробуем этот путь и, раз нам обещают предварительное устранение некоторых министров, приходится ждать. Да сейчас и невозможно было бы итти помимо Родзянко: в думских кругах другого пути не приняли бы.

Но возможно, что Родзянко заупрямится. Вот тогда и имеется ввиду всем составом Думы выработать общий документ. Разными фракциями, в том числе и октябристами, разосланы уже приглашения членам Думы, чтобы они явились сюда, и члены комитетов фракций скоро будут налицо. Идея меморандума популярна, и даже от националистов пришлось слышать

одобрение этой мере. Когда соберутся представители фракций и когда принципиально будет решено свыше созвать Думу, тогда все фракции вместе поставят вопрос, для чего именно требовался созыв Думы. До сих пор мы этот вопрос устраняли, но надо предвидеть, что от нас будут очень настойчиво требовать указания целей, для каких требуем созыва. Раньше к Керенскому обращались с этим вопросом, а в кадетах были уверены, так как мы, кадеты, держались тактики: критиковать правительство, но не мешать ему работать для войны. Пуришкевич уже подсказывает, что в закрытых заседаниях мы будем жестоко критиковать правительство, а в открытых должны воздержаться от этого. А. Ф. Бабянский предлагал здесь, чтобы мы в этой же стадии дела заявили, что Дума созывается для содействия правительству, — и если наше содействие не понравится, от него откажутся. Что же мы будем говорить в сениорен-конвенте? Это будет зависеть от решения следующего вопроса: что должна делать фракция кадетов при созыве Думы? Различия в ответе на этот вопрос у нас велики. В общем здесь намечаются два течения. Крайнее левое пожелание выразила здесь г. Ж...[?] (Петербург): в случае созыва Думы конференция выражает пожелание «наиболее решительных» выступлений фракции; г. Кроль (Екатеринбург) требовал политической амнистии как условия содействия министерству; киевляне требовали всеобщей амнистии и ответственного министерства; наконец, г. Веллер (Козлов) просто предлагал сказать министрам: «Вы — воры»....

Делегат из Екатеринбурга Кроль. — Формула: «Министерство, пользующееся общественным доверием», — слишком широка и неопределенна, и требование амнистии было бы экзаменом министерству, насколько оно в действительности могло бы пользоваться общим доверием.

П. Н. Милюков. — Я так и понял вашу мысль. Итак с этой стороны требуют амнистии и ответственного министерства и заявления этих требований с кафедры Думы. Другие, как Шольп (Киев) во второй половине своей речи, требовали «работы и поменьше нервничания, а не храбрых каких-то выпадов». Черниговский — Имшенецкий видел в созыве Думы возможность организовать местные силы и иное ее использование признавал «непрактичным». Ту же мысль об организации местных сил популяризировал Д. И. Шаховской (Ц. К.), говоря о составе земств. Токарский (Саратов) требовал для начала дела смещения десятка губернаторов. Таким образом, эта группа ораторов рекомендовала для Думы длительные действия. Третьи требовали конкретизировать программу думской деятельности. Так, А. Ф. Бабянский желал-бы выставить «широкую реальную программу»; член фракции Аджемов требовал образования «перманентных комиссий» для различных отраслей деятельности; Д. И. Шаховской требовал проведения в законодательном порядке 4 новых министров, рабочего и кооперативного закона, а также обновления земского состава нецензовыми элементами; член Госуд. совета Васильев хотел-бы провести образование Военно-промышленного комитета (по идее Большой комиссии рейхстага) и преобразование государственного контроля, т. е. такой работы, которая не может быть закончена в несколько дней, а потребовала бы целой длинной сессии. Наконец, Зеелер (Рост. н.-Д.) стоит на «строго деловой» точке зрения и требует обычной, нормальной работы законодательного собрания, участия в комиссиях и т. п., т. е. хотел бы работать «без запросов и реформ» на пользу войны.

Таким образом, выясняется необходимость длительной сессии, без чего не может быть налажен правильный парламентский контроль. Вообще Дума должна собираться от времени до времени, так как на ней еще лежит

и объединительная задача. Затем является необходимость еще разобраться в большом законодательстве по 87-й статье. В последнее время по этой статье проведены многие такие законы, с которыми надо серьезно посчитаться и которых не следовало бы откладывать. Следует ли однако при этом заранее возвещать, что партия требует внесения запросов и более острой постановки вопросов? А. Ф. Бабянский прямо ставит вопрос: идем ли мы сознательно на то, чтобы добиться несозыва Думы? Очевидно, следует настаивать на созыве Думы, на том, что ее сессия должна носить длительный характер, и на том, чтобы ей обеспечена была контрольная деятельность, и дальше этого не итти, т. е. не выставлять политических лозунгов, которые могли бы только тормозить созыв Думы. Конечно, надо заявить, — даже с риском, что из-за этого Думу не созовут, — что Дума будет подвергать критике деятельность правительства, и притом не в закрытых, а в открытых заседаниях. Мы знаем, что смысл созыва Думы не только в этом, и верим, что в нужный момент Дума скажет все, что надо, но давать фракции директивы для этого момента сейчас было бы трудно. Ряд ораторов здесь высказал отрицательное отношение к директивам. Так, В. П. Обнинский (Калуга) говорил, что связывать фракцию директивами нельзя, хотя и требовал от нее «величайшей смелости, величайшего внимания и величайшей инициативы». Он советовал уцепиться хотя бы за уголок Родзянковского комитета, чтобы схватить потом за горло, — одним словом, допускал размах в тактике, в зависимости от наличных условий, от комиссионной работы, чуть не до вмешательства армии, но ничего не навязывал фракции вперед. Д. Д. Протопопов (Ц. К.) также находил, что нельзя давать точных директив, а надо предоставить фракции carte blanche — от всех самых скромных до самых крайних решений. Конечно, точные директивы были-бы неосуществимы, но, может быть, было-бы очень ценно указание, какой общей линии поведения следовало бы держаться в каждом данном случае. В. А. Маклаков (член фракции) пытается указать — не директиву, а именно такое общее направление, общую линию — «организацию победы». Е. Г. Шольц (Киев) возражает на это, что «направление общее у нас и у вас, и выдвигаем мы амнистию и ответственное министерство также для общей цели — организации победы», но надо же знать, какие именно средства скрываются за этой общей скобкой — организации победы, так как средства могут быть предложены самые разнообразные.

Как же суммировать все эти ответы на вопрос: что должна делать фракция при созыве Думы? С своей стороны *П. Н. Милюков* улавливает одну центральную мысль: надо действовать так, чтобы Дума была свободна, а не так, чтобы она не была созвана. А затем придется предоставить событиям развиваться. Они могут развиваться, и очень бурно. Никто не знает, какое настроение будет через две недели, когда наши города будут падать один за другим. Екатеринбургский делегат приглашал нас не очень удивляться, если в Перми случится бунт. Повидимому, сейчас только и может быть дано лишь самое общее указание — в указанном выше смысле. Лично *П. Н. Милюков* не считает ни амнистию, ни ответственное министерство такими лозунгами, которые были бы абсолютно недопустимы. И то и другое постоянно выдвигалось партией, в частности же ответственность министерства, наряду с другими «замками», выдвигалась на последних выборах в Думу. Но для настоящего момента удобнее более широкая формула «общественного доверия», которая может включить в себе и понятие ответственного министерства. Когда же наступит иной момент, более подходящий для широких политических требований, тогда, конечно, партия скажет

не только об ответственном министерстве, но и о более широких требованиях своих. Сосредоточивши же сейчас внимание на ответственности министров, партия могла-бы вызвать мнение, что этим одним она может и удовлетвориться. Что касается амнистии, то в той постановке, какую дает этому требованию г. Кроль (Екатеринбург), *П. Н. Милюков* его вполне признает. В закрытом заседании, в январскую сессию 1915 г., фракция к.-д. уже и указывала на то, какое значение могла бы иметь эта мера для поднятия энтузиазма в населении. Но не надо навязывать это фракции как обязательное требование.

Кроль (Екатеринбург). — Я не это предлагаю: я хочу лишь, чтобы мы высказали общее пожелание об амнистии. В 5-й тезис п. 1 я предлагаю после слов «тыла войны» включить слова: «полную политическую амнистию».

П. Н. Милюков. — Но здесь, на конференции, именно речь идет о директивах, а не об общих пожеланиях для фракции. Если бы можно было требование амнистии высказать как-либо в общей форме, *П. Н. Милюков* подписал бы его; но сейчас, перед созывом Думы, это связывало бы руки членам фракции. Следует положиться на фракцию в том, что при малейшей возможности она сама выдвинет это требование, но не налагать на нее формальных обязательств.

Дальше следует вопрос: что будут делать фракция и партия при несозыве Думы? Саратовский делегат А. А. Токарский вносит следующее предложение: «В случае отказа в созыве Госуд. думы, конференция предлагает фракции, в целях общественного контроля, остаться, по возможности, in pleno в Петрограде и употребить все усилия, чтобы к тому же склонить фракции других партий». Фракция эту директиву для себя имела и держалась, но часть членов фракции находится и будет находиться на фронте, — и это также нужно. Членам фракции были разосланы циркуляры о явке сюда, но пленума нет, и вряд ли он будет, если не явятся особые обстоятельства, которые привлекут сюда всех. Как склонять другие партии? Была попытка соглашения с прогрессистами в этом смысле, и из 37 членов своей фракции они созвали уже 20 человек, — это довольно хороший %. Членов же других фракций никакими способами сюда не загоните, а если и приезжают, то на несколько дней. Обязать их фракция к.-д. не может, и в этом смысле предложение А. А. Токарского неосуществимо.

А. А. Токарский (Саратов) находит, что самый существенный вопрос, что делать при несозыве, еще почти не обсужден конференцией.

П. Н. Милюков возражает, что одно из мнений по этому вопросу, принадлежащее А. А. Токарскому и заключающееся в том, что фракция к.-д. должна взять на себя организационную роль и организовать Думу, как общественное мнение, если нельзя созвать ее, как законодательное учреждение, — является неисполнимым в качестве директивы, но на практике фракция к.-д. постоянно пыталась и продолжает пытаться действовать в указанном направлении. И добавить здесь что-либо трудно. Затем имеется еще предложение А. Р. Ледницкого (Ц. К.) о том, чтобы, ввиду угрожающих явлений в жизни низов, вроде московского погрома, члены партии пошли в массы с целью осведомления и организации их. А. Р. Ледницкий предлагает «организацию общественного мнения всеми доступными средствами, путем соглашения с другими политическими партиями, с целью действительного уяснения положения на войне, а также причин его и способов его устранения для достижения конечной победы». Это может быть принято, но не в резолюции конференции по политическому докладу. Организовать общественное мнение всеми способами, — это пытается делать каждая кон-

ференция путем своих резолюций, но предложенная сейчас А. Р. Ледницким резолюция, в изложенной формулировке, является довольно бесполезной и просто запоздалой для данного момента. Можно понять и сочувствовать той организации масс, о которой говорит, например, Д. И. Шаховской (Ц. К.), выдвигающий кооперации, земства и т. п., но непонятно, на какие быстрые ходы рассчитывает А. Р. Ледницкий для предотвращения погромов. Неясно также, какой письменной информации он требует. Это надо обсудить в Центральном комитете. Много раз партия и конференции ставили на очередь организационные задачи в массах и в смысле последних предложений Д. И. Шаховского и в форме образования крестьянского союза, который ушел из рук партии, — в старых партийных документах есть много серьезного материала, и на этих вопросах можно еще серьезно поработать. Но для данного момента предложение А. Р. Ледницкого ничего реального не дает: «овладеть массами» путем устройства «кружков» и «письменных» сношений — это неясно.

Подходя, таким образом, к последней категории вопросов, поднятых на конференции, — об обязанностях партии и Центрального комитета, вытекающих из современного положения, *П. Н. Милюков* считает необходимыми некоторые разъяснения и возражения. Так, Д. И. Шаховской отмечает «недопустимый разброд сил» и высказывается за необходимость «организационной работы». О необходимости возрождения партийных ячеек на конференциях говорилось не раз, и на последней конференции вопрос этот поставлен более реально в связи с предполагаемою возможностью созвать партийный съезд; может быть, при этом удастся реорганизовать партию. Что же касается организационной работы для воздействия на массы, то совершенно правильно говорит Д. И. Шаховской, что эта работа выдвигается самою жизнью, ростом кооперативов и т. п., и следовало бы сделать этот вопрос центральным на одной из ближайших конференций. Однако непосредственного ответа на главный вопрос момента это не дает. Более непосредственное и громадное значение имеет предложение г. Кроля (Екатеринбург) о необходимости прислушиваться и приспособляться к настроениям рабочих низов: он указал на пассивное отношение рабочих к работам по обороне, на впечатление от письма Керенского к Родзянко, на уход влево части к.-д. комитета, от которого в Перми осталось всего 6-7 человек, и как на меру, способную вызвать снова подъем настроения, указывает на политическую амнистию. Достаточно ли однако одной амнистии, чтобы побудить рабочих отдавать необходимой для государства работе весь день вместо отдаваемой сейчас половины рабочего дня? *П. Н. Милюков* сильно в этом сомневается и думает, что большее значение в этом смысле имела бы правильно налаженная законодательная работа по рабочему вопросу, о которой говорил уже здесь Д. И. Шаховской. В Англии министры все время ухаживают за рабочими, знакомятся с их настроениями, так или иначе отзываются на них и непосредственно и в парламентской работе, — и это дает свои результаты. Если у нас дело обстоит совершенно иначе, если в рабочей среде накопляются настроения, которые не доходят до печати, то, конечно, игнорировать их не следовало бы. И в этом смысле указание г. Кроля очень важно. Но провозглашение амнистии, как очередного лозунга, явилось бы слишком односторонней мерою и скорее повредило бы делу, внося в него элемент личной заинтересованности, каковой особенно стараются подчеркивать у левых, когда они выдвигают вопрос об амнистии, лично близко их касающейся. Д. И. Шаховской говорил о трагизме русской жизни, заключающемся в том, что работа по организации сил страны есть вместе

с тем создание силы дезорганизующей, т. е. революции; что здесь скрывается как будто внутреннее противоречие; по мнению Д. И. Шаховского, этот трагизм уже отходит в сторону с выступлением к.-д. партии, тактика которой является мостом для перехода страны из одного состояния в другое без ненужных потрясений. *П. Н. Милюков* считает заключающуюся в словах Д. И. Шаховского задачу весьма важной, но и весьма сложной: материал, которым приходится пользоваться, весьма пригоден не только для постройки мостов, но и для целей левых партий, — и надо быть крайне осторожным и, идя в народ, надо нести туда свои лозунги, а не лозунги левых. В этом смысле, по мнению *П. Н. Милюкова*, указанный трагизм русской жизни еще не устранен.

Обращаясь в общем к тому материалу, который дали занятия настоящей конференции, *П. Н. Милюков* находит его довольно случайным, отрывочным и неполным для того, чтобы на основании его можно было давать определенные директивы для фракции. Зависит это, конечно, и от недостаточной определенности общего положения. Все, что возможно сейчас в этом направлении, это дать не директивы, а лишь общее направление, и оно указано в предложенной Центральным комитетом резолюции. Таким образом, поправки, внесенные А. Р. Ледницким и А. А. Токарским и только что доложенные, *П. Н. Милюков* предлагает отклонить, как могущие вызвать отрицательное впечатление или явно неосуществимые. Поправку же, внесенную членом фракции Н. К. Волковым и нижегородским делегатом Ещиным, *П. Н. Милюков* принимает. Она заключается в том, чтобы в резолюции Центрального комитета слова: «признается необходимым обновление состава кабинета, обеспечивающее правильную организацию тыла»... заменить словами... «образование кабинета, обеспечивающего» и т. д.

Ф. Ф. Кокошкин (Ц. К.). — Не «обеспечивающего», а «способного обеспечить».

П. Н. Милюков согласился и на эту редакцию: «способного обеспечить». Далее, он считал нужным еще раз остановиться на требовании амнистии. Конференция могла бы удовлетвориться тем, что пожелание это было высказано, но не вводить его в свои постановления. Не может быть сомнения, что фракция примет во внимание это пожелание, которое есть и ее собственное пожелание, и при первой возможности постарается его исполнить, но нельзя ее сейчас связывать в этом отношении никакими точными обязательствами. Да и вообще постановления конференции должны быть более обстоятельно разработаны и мотивированы, и потому все те пожелания, которые не касаются непосредственно работы в законодательных учреждениях, могли бы быть разработаны и подготовлены к будущей конференции; в том же, что касается тактики фракции в Госуд. думе, сейчас следовало бы довериться самой фракции, не связывая ее директивами. То же относится к вопросу об ответственном министерстве.

Из записной книжки архивиста

Письма П. Б. Струве С. Д. Сазонову в 1915 г.

В мае 1915 г. войска русского царизма стремительно покатились из Галиции под напором германских дивизий, брошенных на помощь затрещавшей по всем швам австро-венгерской монархии. Империалистические радостные иллюзии русской буржуазии сменились сразу разочарованием, озлоблением и страхом. Грозный призрак революции показался там, где реяли соблазнительные миражи «войны до победного конца», «проливов» и т. п. Неумолимые факты показали, что чудес на свете не бывает, и насквозь прогнившее самодержавие не может выдержать испытания в борьбе с передовой капиталистической страной, вооруженной всеми средствами новейшей техники. Буржуазный либерализм однако продолжал тешить себя иллюзиями победы и после разгрома в Галиции. Кадеты считали возможным добровольное превращение самодержавия в конституционную монархию по западноевропейскому образцу с привлечением буржуазии к непосредственной власти.

Отступление русской армии из Галиции сопровождается поэтому наступлением русской буржуазии на царское правительство. Буржуазная печать называла это «национальным подъемом» на том основании, что притязания буржуазии на участие во власти сопровождались невероятным «патриотическим» шумом. В конце мая съезд представителей промышленности в Москве требует привлечения «общества» к организации обороны, — за этим требованием скрывается стремление освободить капиталистическую промышленность от дорого стоющего, взяточнического контроля царских чиновников над распределением военных заказов и передать заказы в руки самих же промышленников. В начале июня участия буржуазии в организации обороны требует совещание городских голов и уполномоченных губернских земств. 10 июня совет старейшин Государственной думы требует скорейшего созыва ее. Накануне собирается конференция партии «народной свободы», и на ней обсуждается вопрос о министерстве «общественного доверия».

Под впечатлением разгрома царское правительство идет на некоторые уступки, и Николай II решается расстаться с любимым своим, но ненавистным для либеральных политиков министром внутренних дел Н. А. Маклаковым. Однако наибольшее раздражение в среде капиталистической буржуазии вызывает не он, а военный министр Сухомлинов, который ни за что не хотел выпустить дела распределения военных заказов и снабжения армии, то есть основного источника промышленной наживы во время войны, из рук небольшого, тесно сплотившегося кружка царских бюрократов и финансистов-хищников. Николай Романов деятельно помогал Сухомлинову оберегать монополию грабежа.

Разгром царских армий, обнаруживший преступное хищничество в деле снабжения, подорвал позицию сухомлиновско-романовской шайки. Скрепя сердце, царствующие супруги Романовы решили отдать Сухомлинова вслед за Маклаковым. Публикуемые ниже письма П. Б. Струве к министру иностранных дел С. Д. Сазонову относятся к этому моменту и входят в обильную литературу записок, резолюций, писем, которые обращались тогда в придворных бюрократических и финансово-капиталистических кругах [1]). Письмо Струве помечено 10-м июня, а уже через три дня, 13 июня, Сухомлинов по приказу Николая Романова сдал управление военным министерством генералу Поливанову, с которым верхи русской буржуазии сблизились как раз на почве военных заказов, потому что генерал Поливанов был тем звеном в военном министерстве, которое соединяло капиталистов с работой промышленности на войну, причем генерал Поливанов Сухомлиновым от прямого

[1]) Архив революции и внешней политики.

участия в распределении заказов был отстранен и находился поэтому в оппозиции к своему начальству.

П. Б. Струве письмо свое писал сейчас же после кадетской конференции, отражая по своему ее настроения. Кадетские политики в своих резолюциях на первый план выдвигали мотивы высоко «патриотического» характера и внешней политики. Они требовали министерства «доверия» в интересах победного завершения империалистической войны. Письмо Струве любопытно своей откровенностью. Он почти ничего не говорит о войне, зато всем содержанием своего письма вскрывает истинные мотивы «национального подъема» буржуазии: это панический страх перед революцией. Струве нисколько не верит в возможность победы. Старый капиталистический волк в этом отношении трезво оценивает перспективы. «У нас не только налицо крупные военные неудачи,—пишет он,—но предстоят и дальнейшие, более тяжкие, чему надлежит, не теряя спокойствия и бодрости, смотреть прямо в глаза». Не о победах над врагами-немцами думает Струве, а о победах над революционными рабочими и крестьянами России. И он понимает, что в борьбе с революцией генерал Сухомлинов, ставший «притчей во языцех», является важнейшей помехой. Его надо удалить во что бы то ни стало. Не в изменении существующего правительственного строя дело, а только в устранении ненавистного имени. «Необходимо это — в интересах России — всячески предупредить. Это необходимо ради предотвращения смуты, элементы которой, по моему глубокому убеждению, растут в стране и угрожают захватить армию». Эту опасность надвигающейся революции Струве называет «решающим психологическим мотивом». Всем другим соображениям, — «как политическим, так и деловым», Струве отводит подчиненное место.

Струве старается спасти монархию во имя буржуазного порядка и буржуазный порядок во имя монархии. Одно связано с другим, и впоследствии в министерстве Врангеля и в контрреволюционной эмиграции «либерал» Струве защищает ту же политическую позицию, на которой он стоял уже в 1915 г.

Второе письмо Струве написано уже после того, как Сухомлинов был устранен и началась «новая эра». Струве развертывает программу «положительных» мероприятий крупного российского капитала. Она точно также замечательна своей классовой откровенностью. В интимной переписке наиболее влиятельная и наиболее хищническая часть крупной буржуазии не видит нужды маскироваться «возвышенными» словами и общими политическими требованиями. «Министерство доверия», «амнистия» и тому подобное, что нацепила на себя в это время программа «прогрессивного блока» — это только необходимая при публичных выступлениях словесность. Крупный капитал выражает устами Струве полную свою готовность договориться с бюрократией Николая Романова и с ним самим на деловых пунктах, из которых главный и в сущности единственный это — расширение прав акционерных обществ. Капитал требует только освобождения от всяких стеснений военного времени, возможностей безграничного обогащения и еще государственного субсидирования, то есть щедрого распределения военных заказов с выдачей богатейших авансов.

Обеспечивая в военном грабеже страны львиную долю крупному капиталу, Струве отечески заботится и о мелкой и о средней промышленности. Давши и ей крохи с капиталистического стола, можно погасить недовольство и в ее среде.

Призрак революции кажется уже не столь страшным мудрецу-экономисту при этих условиях. Чтобы окончательно добить его, он предлагает еще две меры. Рабочих он награждает кассами взаимопомощи. Они не улучшат, конечно, материального положения пролетариата, который подвергается дополнительному грабежу дороговизной, созданной военным временем. Но они облегчат доступ к рабочему классу жаждущих легальности реформистов-меньшевиков для борьбы с революционным большевистским движением.

Многомиллионному крестьянству кадетский мудрец предлагает для умирот орения «христа ради» подать милостыню призрения бедных.

Вот и вся программа «мудрейшего» из представителей русской буржуазии за полтора года до февраля 1917 г. Он претендовал тогда на прозорливость, на особую трезвость. И он действительно предвидел поражения на фронте и революцию, когда другие тешили себя победами и парламентской игрой. Он самоуверенно, как зрячий, подавал советы «слепым» представителям царской бюрократии. Но он в действительности видел столько же, сколько и они, в тумане ближайших месяцев. Классовая ограниченность позволяла ему различить только то, что находилось перед самым его носом, а находилась перед его носом только крупная буржуазия, которая в это серьезнейшее время думала и могла думать только о военной наживе. «Фактическая и отчасти легальная невозможность стачек, — писал Струве, — чрезвычайно благоприятствует таким мероприятиям и их успеху», то есть деловой сделке капитала с царизмом. А как раз

в это время еще сохранявшие дисциплину царские войска расстреливали рабочих стачечников в Костроме, а вскоре после этого начались стачки в Московском промышленном районе.

Поражения самодержавия в империалистической войне, отдача всей страны на поток и разграбление капиталистам — делали свое дело. Недовольство и раздражение обманутых, жестоко эксплоатируемых, обреченных на бессмысленный убой трудящихся масс нарастали грозным и гневным потоком. Рабочие отбрасывали меньшевиков, нашептывавших «патриотические» мотивы по капиталистическим нотам, и жадно ловили большевистское правдивое слово о причинах империалистической войны, о причинах разорения страны и о путях революции. Буржуазно-либеральная возня вокруг отдельных министров, эта хлопотливая замена одних гнилых бревен другими, столь же гнилыми, в общей, насквозь прогнившей плотине кажется теперь, на расстоянии, затеей столь же реакционной, как и дурацкой. Кадеты противопоставляли себя «отсталой» царской бюрократии. Струве подавал советы, как «независимый» политик и либерал, бюрократу и консерватору Сазонову, но прошло с небольшим полтора года, и все они оказались в одном лагере, а затем Октябрьское революционное половодье снесло их как социальный мусор в одной куче и выбросило в общую помойную яму истории. *Д. Заславский.*

10/VI 1915 г.

Многоуважаемый Сергей Дмитриевич.

Положение дел таково, что я считаю для себя повелительным долгом поделиться с вами некоторыми мыслями и притом — незамедлительно.

Ход вещей на театре военных действий создал в а р м и и такое недовольство военным министром, что решение об его отставке должно быть сколь возможно ускорено. Оттягивать это решение нежелательно и прямо опасно по одному весьма важному соображению, на мой взгляд, имеющему р е ш а ю щ е е значение. У нас не только налицо крупные военные неудачи, но предстоят и дальнейшие, еще более тяжкие, чему надлежит, не теряя спокойствия и бодрости, смотреть прямо в глаза. Главную ответственность за эти неудачи и армия и общественное мнение возлагают (и справедливо!) на военное управление в лице В. А. Сухомлинова. Чем позже состоится его уход, тем в большей мере неудачи, которые должны произвести очень сильное впечатление, будут вменены в вину всему правительству и даже еще общее — всей власти в полном ее объеме и в ее высших выражениях, т. е. верховной власти и верховному командованию. Н е о б х о д и м о э т о — в и н т е р е с а х Р о с с и и — в с я ч е с к и п р е д у п р е д и т ь. Это необходимо ради предотвращения смуты, элементы которой, по моему глубокому убеждению, растут в стране и угрожают захватить армию.

Помимо этого р е ш а ю щ е г о психологического мотива, все другие соображения, как политические, так и деловые, вынуждают немедленное принятие и осуществление решения об отставке военного министра. Созыв Госуд. думы становится неотразимым требованием и самых умеренных элементов страны, которые желают не смуты и волнений, а единения и максимума напряжения государственной воли, направленной на ведение войны. В Госуд. думу, самые патриотически настроенные и живущие интересами армии члены которой полагают, что военный министр их «обманул» в вопросе о снабжении армии снарядами, ген. Сухомлинов явиться не может. Встреча ген. Сухомлинова с Госуд. думой невозможна без таких столкновений, которых во что бы то ни стало необходимо избегнуть.

Что касается вопроса о преемниках, то, так как речь идет о военном у п р а в л е н и и и притом в деловом взаимодействии со с в е д у щ и м и в вопросах государственной обороны членами Госуд. думы, — лучшим и едва ли не единственным кандидатом является генерал П о л и в а н о в. Всякому д р у г о м у придется з а в о е в ы в а т ь доверие общественных кругов и еще у ч и т ь с я делу военного управления.

Позвольте закончить это письмо настоятельным советом — просьбой проверить правильность того, что́ я говорю, созвав к себе лиц, месяцы работавших в армии и с армией и хорошо осведомленных насчет общественных настроений: 1) членов Госуд. думы — В. А. Маклакова и И. П. Демидова и 2) А. И. Гучкова. В частности, последний располагает самыми свежими впечатлениями и сведениями, в результате почти непрерывного пребывания на фронте в работе, ставившей его в общение со всей армией в ее целом, сверху донизу. Как бы ни относиться лично к А. И. Гучкову, его патриотизм, его ум и осведомленность стоят выше всяких сомнений.

Я пишу все это вам как государственному деятелю, связавшему свое имя с великими событиями, и делаю это, повинуясь чувству долга. Поэтому простите за беспокойство.

Искренно преданный и глубоко уважающий

П е т р С т р у в е.

3/VII 1915 г.

Многоуважаемый Сергей Дмитриевич!

Князь Гр. Ник. Трубецкой внушил мне мысль сообщить вам некоторые мои идеи о «положительных» мероприятиях, которые должны были быть развернуты в целую программу реальной правительственной работы в единении с общественными силами. Я делаю это.

К 9 тезисам я хотел бы еще присоединить указание на то, что в б о л ь н о м е в р е й с к о м в о п р о с е, представляющем сплошную «занозу» в нашем государственном организме, можно было бы во время войны принять одну весьма реальную меру, которая будет иметь в то же время огромное «психологическое» значение.

Прилагаемые тезисы я сообщил кроме вас А. В. Кривошеину и В. Н. Шаховскому. П. С т р у в е.

Помимо мероприятий, которые должны оказать «психологическое» воздействие на настроение общества, все-таки самым важным является приступ к действиям, диктуемым существом исторического момента и его основной задачей.

Необходимо действительно вполне реальными деловыми средствами и приемами интенсифицировать жизнь в интересах ведения войны.

Правительство должно явиться в Государственную думу с ясным планом серьезных мероприятий, основанных на принципиальном признании общественности как союзника в общем государственном деле.

Ввиду того, что ведение войны должно опираться на хозяйственный фундамент, мероприятия эти должны иметь по преимуществу экономический характер.

1. Необходимо принять меры к поощрению потребительской кооперации и, отбросив всякие полицейские страхи, сочетать широкую частную инициативу с энергичной государственной поддержкой (мин. торговли и промышленности).

2. Необходимо двинуть вперед акционерный закон, решительно облегчив возникновение акционерных обществ, в согласии с определенными схемами уставов (мин. торговли и промышленности).

3. Необходимо создать формы участия государства в акционерных и кооперативно-производительных предприятиях, нуждающихся в государственной поддержке, по соображениям общей и местной экономической политики (мин. торг. и пром.).

4. Необходима организация городских бирж труда при участии государства и с имперским объединением их деятельности (мин. торговли и промышленности).

5. Необходимо двинуть закон о ремесленной и вообще мелкой городской промышленности, поставив эти мероприятия в тесную связь с организацией и поощрением сельской мелкой промышленности (кустарной). Организация ремесленных палат (министерство торговли и промышленности и главное управление земледелия и землеустройства).

6. Необходима организация торгово-промышленных палат и в связи с нею преобразование совещательного представительства торговли и промышленности в центре (мин. торговли и промышленности).

7. Необходим специальный закон о кассах взаимопомощи промышленных рабочих по профессиям. Это необходимо для того, чтобы взаимопомощь рабочих сделать вполне самостоятельной отраслью их самодеятельности. В этой области необходимы поощрительные мероприятия. Условия военного времени (прекращение продажи вина, повышение заработной платы, фактическая и отчасти легальная невозможность стачек и т. п.) чрезвычайно благоприятствуют таким мероприятиям и их успеху.

8. Необходимо привлечь к работе в земском и городском самоуправлениях лиц, не обладающих общим цензом, в качестве выборных председателей и членов управ. При праве утверждения это никакой опасности не представляет (мин. вн. дел).

9. Необходимо организацию призрения семей запасных развернуть в общую организацию призрения бедных, введя представителей надлежаще организованных попечительств о бедных в состав городских дум и уездных земских собраний с правом решающего голоса. Для этих представителей попечительств нужно создать особый ценз, отличный от общего ценза. В составе уездных и губернских земских управ, а также управ городских необходимо создать органы, специально ведающие дело призрения бедных, объединяемое наверху в особом комитете по призрению бедных при министре внутренних дел. Необходимо одновременно, теперь же урегулировать вопрос о финансировании учреждений по призрению бедных из государственных средств. Финансы всех городов необходимо теперь же оздоровить назначением им особых государственных субсидий, соответственно той крупной недвижимости, которою казна обладает в городах. В ближайшее время до окончания войны этой субсидии могло бы быть дано специальное назначение на мероприятия по борьбе с дороговизной и призрение бедных. Для Петрограда, в частности, это вопрос весьма назревший и прямо больной (министерство внутренних дел).